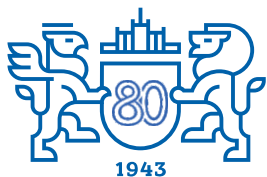


ВЕСТНИК



**ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**2023
Т. 23, № 4**

ISSN 1990-8466 (Print)
ISSN 2413-1024 (Online)

СЕРИЯ

«СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Решением ВАК России включен в Перечень рецензируемых научных изданий

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»

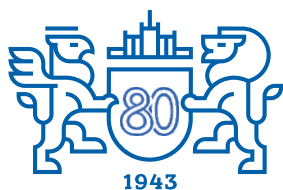
Основной целью журнала является продвижение новейших исследований в области социально-гуманитарных наук: исторических, социологических, филологических (литературоведения и журналистики), искусствоведения. Приоритетное право на публикацию имеют результаты качественных исследований по социологии, истории, историографии, источниковедению, искусствоведению, методологически актуальные исследования в области литературоведения и журналистики, результаты исследований общих методологических вопросов социально-гуманитарных наук.

Редакционная коллегия

д. филол. н., доц. **Шестеркина Л. П.**
(гл. редактор),
д. филол. н., проф. **Семьян Т. Ф.**
(зам. гл. редактора)
д. ист. н., проф. **Сибиряков И.В.**
(зам. гл. редактора),
к. социол. н., доц. **Салганова Е. И.**
(отв. секретарь),
к. филол. н., доц. **Афанасьев А. С.**
д. филол. н., проф. **Варганова Е. Л.**
д. ист. н., проф. **Епимахов А. В.**
д. филол. н., доц. **Лободенко Л. К.**
д. ист. н., доц. **Никонова О. Ю.**
д. ист. н., д. искусств., проф. **Парфентьев Н. П.**
д. искусств., проф. **Парфентьева Н. В.**
к. филол. н. **Смышляев Е. А.**
д. ист. н., проф. **Таиров А. Д.**
Ph. D., проф. **Шенк Б.**

Редакционный совет

академик РАН, д. ист. н., проф. **Алексеев В. В.**
д. ист. н., проф. **Ахметова Л. С.**
Ph. D., проф. **Баберовски Й.**
Ph. D., проф. **Байрау Д.**
Dr. habil **Буренина-Петрова О. Д.**
к. филол. н., доц. **Градюшко А. А.**
д. филос. н., проф. **Грунт Е. В.**
Ph. D., проф. **Ичин К.**
Ph. D., проф. **Кайзер Э.**
д. искусств. **Москалюк М. В.**
д. ист. н. **Нарский И. В.**
д. ист. н. **Самашев З. С.**
д. социол. н. **Тараданов А. А.**
ассоц. проф. **Хацеган В.-П.**
Ph. D., проф. **Хелльбек Й.**



BULLETIN

OF THE SOUTH URAL
STATE UNIVERSITY

2023

Vol. 23, no. 4

SERIES

“SOCIAL SCIENCES
AND THE HUMANITIES”

ISSN 1990-8466 (Print)
ISSN 2413-1024 (Online)

Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta.
Seriya “Sotsial'no-gumanitarnye Nauki”

South Ural State University

The main purpose of the journal is to promote the latest research in the field of social and humanities sciences: historical, sociological, philological (literature and journalism), art history. Priority is given to publishing the results of qualitative research in sociology, history, historiography, source studies, art criticism, methodologically relevant research in the field of literary studies and journalism, the results of research on general methodological issues of social and humanities sciences.

Editorial Board

Shesterkina Lyudmila Petrovna, editor-in-chief, D. Sc. (Philology), associate professor
Semyan Tatiana Fedorovna, Deputy Chief Editor, D. Sc. (Philology), professor
Sibiriyakov Igor Vyacheslavovich, Deputy Chief Editor, D. Sc. (History), professor
Salganova Elena Ivanovna, executive secretary, Cand. Sc. (Sociology), associate professor
Afanasiev Anton Sergeevich, Cand. Sc. (Philology), associate professor
Lobodenko Lidia Kamilovna, D. Sc. (Philology), associate professor
Nikonova Olga Yurievna, D. Sc. (History), associate professor
Parfentyeva Natalia Vladimirovna, D. Sc. (Art History), professor
Parfentyev Nikolay Pavlovich, D. Sc. (History), D. Sc. (Art History), professor
Smyshlyayev Evgeny Alexandrovich, Cand. Sc. (Philology)
Schenk Benjamin, Ph. D., professor
Tairov Alexander Dmitrievich, D. Sc. (History), professor
Vartanova Elena Leonidovna, D. Sc. (Philology), professor
Yepimakhov Andrey Vladimirovich, D. Sc. (History), professor

Editorial Council

Alekseev Veniamin Vasilyevich, academician of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (History), professor (Russian Federation)
Akhmetova Laila Seisembekovna, D. Sc. (History), professor (Kazakhstan)
Baberowski Joerg, Ph. D., professor (Germany)
Beyrau Dietrich, PhD, professor, Tübingen University (Tübingen, Germany)
Burenina-Petrova Olga Dmitrievna, Dr. habil (Switzerland)
Gradyushko Alexander Aleksandrovich, Cand. Sc. (Philology), associate professor (Belarus)
Grunt Elena Viktorovna, D. Sc. (Philosophy), professor (Russian Federation)
Hatsegan Vasil-Petru, ass. Professor (Romania)
Ichin Cornelia, Ph. D., professor (Serbia)
Jochen Hellbek, PhD, professor (USA)
Kaiser Elke, Ph. D., professor (Germany)
Moskalyuk Marina Valentinovna, D. Sc. (Art History), professor (Russian Federation)
Narsky Igor Vladimirovich, D. Sc. (History) (Russian Federation)
Samashev Zainolla Samashevich, D. Sc. (History) (Kazakhstan)
Taradanov Alexander Ardalionovich, D. Sc. (Sociology), professor (Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии.....	5
Исторические науки	
АНДРЕЕВА Ю. С. Римско-католический приход в Златоусте на рубеже XIX–XX веков: численность и территориальные границы.....	6
КАРАЕВ Ф. К. История Великой Отечественной войны в учебнике для высших учебных заведений советского Таджикистана.....	14
РУДОМЕТОВА И. В. Хлебопекарная промышленность Челябинской области в 1946–1950 гг.....	23
ЯНКОВСКАЯ Г. А. Виртуальные музеи «Советских Атлантид».....	33
Искусствоведение	
ГАВРИЛИН К. Н. NFT-арт: диалоги с наследием авангарда и модернизма.....	41
ДРУЖИНИНА А. А. Научная фантастика и цифровое искусство как способ представления будущего.....	53
МАСЛОВ М. М. Система российской территориальной символики – от первых гербов до визуальной айдентики и брендов мест.....	62
Литературоведение. Журналистика	
БУЛАЕВА М. Н., МАРФИЦЫНА А. Р. Социальный медиапроект «Женщины Донбасса»: жанрово-содержательные и коммуникативные особенности.....	72
КУБАСОВ А. В. Психопатическая личность и особенности ее изображения в книге А. В. Амфитеатрова «Психопаты: правда и вымысел».....	82
МАТВЕЕВА И. Ю., ЛОБОДЕНКО Л. К., ХАРИТОНОВА О. Ю., ЧЕРЕДНЯКОВА А. Б., ШЕСТЕРКИНА Л. П. Особенности информационной повестки СМИ по экологии промышленного региона.....	90
НУРГАЛЕЕВА Д. В. Индивидуация в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» (попытка толкования в контексте теории аналитической психологии).....	98
СЕМЬЯН Т. Ф., ВЫБОРНОВА Л. В. Особенности нарративной организации романа А. Матвеевой «Каждые сто лет: Роман с дневником».....	106

CONTENTS

From the Editorial Board	5
Historical studies	
ANDREEVA Y. S. Roman Catholic parish in Zlatoust at the turn of the 19-th and 20-th centuries: Population and Territory.....	6
KARAEV F. K. History of the Great Patriotic War in a textbook for higher educational institutions of Soviet Tajikistan.....	14
RUDOMETOVA I. V. The baking industry of the Chelyabinsk Region in 1946–1950.....	23
YANKOVSKAYA G. A. Virtual museums of the Soviet Atlantis.....	33
Art Criticism	
GAVRILIN K. N. NFT art: dialogues with the heritage of avant-garde and modernism.....	41
DRUZHININA A. A. Science fiction and digital art as a way to imagine the future.....	53
MASLOV M. M. The system of Russian territorial symbols – from the first coats of arms to the visual identity and brands of places.....	62
Literary criticism. Journalism	
BULAEVA M. N., MARFITCYNA A. R. Social media project «Women of Donbass»: genre, content and communication features.....	72
KUBASOV A. V. Psychopatic personality and peculiarities of its image in A. V. Amfiteatrov’s book «Psychopaths: Truth and Fiction».....	82
MATVEEVA И. Y., LOBODENKO L. K., KHARITONOVA O. Y., CHEREDNYAKOVA A. B., SHESTERKINA L. P. Peculiarities of media information agenda on ecology of the industrial region.....	90
NURGALEEVA D. V. Individuation in E. G. Vodolazkin’s novel «Lavr» (attempt of interpretation in analytical psychology view).....	98
SEMYAN T. F., VYBORNOVA L. V. Features of the narrative organization of A. Matveeva’s novel «Every Hundred Years: A Novel with a Diary».....	106

От редакционной коллегии

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается выпуск «Вестника Южно-Уральского государственного университета» в серии «Социально-гуманитарные науки». Цель данной серии – представить научному сообществу новейшие исследования в области гуманитарного знания в сферах истории, искусствоведения, филологии и журналистики.

Раздел «Исторические науки» представлен новейшими исследованиями в различных областях исторического знания. В статье Ю. С. Андреевой предложено первое комплексное исследование количественных параметров, характеризующих развитие римско-католического прихода в Златоусте в конце XIX – начале XX века. Исследование Ф. К. Караева посвящено анализу главы о Великой Отечественной войне учебника «История Таджикской ССР», изданного в 1965 году для вузов республики. В статье И. В. Рудометовой представлен анализ модели экономического развития, в рамках которой функционировала хлебопекарная промышленность Челябинской области в 1946–1950 годы. Статья Г. А. Янковской посвящена обзору подходов к проблематике памяти о затоплении территорий в российской и зарубежной историографии; рассматриваются актуальные практики коммеморации о негативных последствиях советской гидрополитики в формате виртуального музея.

Статьи раздела «Искусствоведение» представляют два вектора, связанных с современным цифровым искусством и визуальной айдентикой. В статье К. Н. Гаврилина исследуются идейные и художественные диалоги современных цифровых художников с мастерами искусства прошлых эпох, прежде всего – модернизма и авангарда. А. А. Дружинина в своем исследовании поднимает вопрос о способах представления будущего с помощью визуальной образности в научно-фантастической литературе и современном цифровом искусстве. Статья М. М. Маслово посвящена исследованию российской геральдики как средства визуальной идентификации территорий и прототипа современной территориальной айдентики.

В разделе «Литературоведение. Журналистика» представлены статьи разных научных школ. В статье М. Н. Булаевой и А. Р. Марфицыной рассмотрена актуальная, но малоисследованная тема – специфика социального медиапроекта. А. В. Кубасов на материале книги А. В. Амфитеатрова «Психопаты: правда и вымысел» исследует проблему популярности изображения психопатической личности в русской литературе рубежа XIX–XX веков. Исследование И. Ю. Матвеевой, Л. К. Лободенко, О. Ю. Харитоновой, А. Б. Чередняковой, Л. П. Шестеркиной посвящено особенностям информационной повестки СМИ по экологии промышленного региона. Д. В. Нургалева в своей статье интерпретирует судьбы главного героя романа Е. Г. Водолазкина «Лавр» с точки зрения ключевых понятий аналитической психологии К. Г. Юнга. В статье Т. Ф. Семьян, Л. В. Выборновой на материале романа «Каждые сто лет: роман с дневником» популярной современной писательницы Анны Матвеевой проанализированы особенности нарративной организации произведения.

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИЙ ПРИХОД В ЗЛАТОУСТЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ: ЧИСЛЕННОСТЬ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ

Ю. С. Андреева

*Южно-Уральский государственный медицинский университет, г. Челябинск,
Российская Федерация*

Статья представляет собой первое комплексное исследование количественных параметров, характеризующих развитие римско-католического прихода в Златоусте в конце XIX – начале XX в. В ходе исследования метрических документов 1899–1916 гг. впервые была собрана статистика проведенных обрядов в приходе Златоуста, проанализирована динамика крещений, бракосочетаний и погребений, оценена интенсивность религиозной жизни в указанный период. Выяснено, что на рубеже XIX–XX вв. произошла существенная трансформация католического прихода в Златоусте, связанная с выделением из его состава самостоятельных уфимской и челябинской общин. Определены последствия такой трансформации и примерная численность оставшихся в златоустовской церкви католиков. Отдельно изучено влияние миграционных процессов (в том числе и принудительной миграции) на развитие прихода в Златоусте. Установлено, что переселенческий бум начала XX столетия сравнительно мало сказался на развитии златоустовской католической общины в сравнении с общиной католиков Челябинска. На основании сведений о месте проведения обрядов установлены территориально-административные границы прихода и география расселения католиков в 1899–1902 гг. (до разделения приходов Златоуста и Челябинска) и в 1903–1916 гг. (после разделения).

Ключевые слова: католики Златоуста, численность католиков, территориальные границы прихода, конфессиональная жизнь, метрические книги, дескриптивная статистика.

Введение

Современная историческая наука уделяет пристальное внимание проблемам воссоздания религиозных структур населения и этноконфессиональным процессам [1–3]. Однако применительно к Южному Уралу данная проблематика не может быть признана разработанной. До сих пор недостаточно изучена история инославных диаспор Златоуста несмотря на то, что они сыграли существенную роль в развитии промышленности региона и, несомненно, главную роль в его бытовой и культурной «европеизации» [4, с. 14–36]. Предлагаемая статья имеет целью выявление и анализ основных количественных показателей, характеризующих жизнь златоустовского католического прихода – старейшего церковного объединения инославных христиан на Урале. Основные задачи исследования, связанные с необходимостью определить последствия тех глубоких трансформаций, которые пережил приход на рубеже XIX–XX столетий, сводятся к выявлению объемов пастырской работы, установлению примерной численности верующих, анализу влияния миграционных процессов на развитие прихода, конкретизации его территориально-административных границ и уточнению географии расселения католиков. Решение задач производится на основе метрических записей костела в Златоусте.

Обзор литературы

Историография истории католичества на Южном Урале, особенно в границах нынешней Челябинской области, сегодня находится в состоянии активного формирования. Недавно появились исследования, посвященные становлению католической общины города Челябинска, ее национальным, социальным, демографическим и иным параметрам [5, с. 310–316; 6, с. 13–18]. Приход Златоуста, долгое время бывший «культурным гнездом» уральских немцев, гораздо старше челябинского, но в силу своего подчиненного областному центру положения историками менее изучен. Крайне отрывочные сведения о златоустовских католиках можно обнаружить в работах по истории католической традиции в Оренбуржье и на территории современной нам Башкирии [7, с. 5–6, 31–36; 8, с. 89–93], а также в некоторых краеведческих изданиях, сосредоточенных на процессах участия немецких оружейников в развитии фабричного производства, а также в жизни города-завода [4, с. 14–36; 9, с. 5–10]. Однако ни в одной из ныне существующих публикаций авторы не обращались к приходским реестрам – главному источнику, раскрывающему состояние католической общины Златоуста. Данная статья представляет собой первый опыт системного и специального изучения количественных показателей этой общины.

Методы исследования

Исследование опирается на методы дескриптивной статистики, включающие в себя учет и систематизацию величин, характеризующих динамику проведенных в общине обрядов, а также на метод компаративного анализа статистических показателей. Работа построена на сопоставлении объемов пастырской работы – методе, выступающем в качестве главного способа получения данных о численности прихожан.

Результаты и дискуссия

В последнем десятилетии XIX века «латинский» приход в Златоусте (вместе с верующими Уфы и Уфимской губернии) должен был насчитывать не менее двух тысяч человек обоего пола [10, с. 13]. Однако вскоре произошло сокращение его численности в связи с выделением католической общины сначала в Уфе, а затем в Челябинске. Уфимская католическая церковь Воздвижения Креста Господня, оставшаяся до 1902 г. филиальной по отношению к златоустовскому костелу, начала самостоятельно функционировать в конце 1890-х годов. По крайней мере, метрическая книга златоустовского костела за 1899 г. не содержит ни одной записи об обрядах, совершенных в Уфе, Мензелинске, Бирске, Белебее и других городах и селениях Башкирии, ранее входивших в приход [11, л. 1–13 об., 26–30, 34–36 об.]. Для церкви в Уфе уже тогда были составлены отдельные реестры, подшитые к златоустовским и в таком виде отосланные в Могилевскую римско-католическую духовную консисторию [11, л. 16–23, 32–33, 38–40]. Последнее обстоятельство подчеркивало зависимость уфимской церкви от златоустовской, однако в 1900 г. у католиков Уфы появилась собственная книга о рождениях, бракосочетаниях и погребениях [12]. В 1901 г. церковные реестры из Уфы снова оказались в составе одного консисторского дела вместе с записями из Златоуста – реестры велись раздельно, но, по всей видимости, учитывались церковными властями вместе. Только с 1902 г. в уфимском костеле было окончательно введено обособленное делопроизводство [13]. При подсчете числа крещений, венчаний и погребений, совершенных в златоустовском католическом приходе в 1899–1916 гг. (см. табл. 1), сведения об обрядах для уфимских католиков нами уже не учитывались.

Из динамики проведенных златоустовскими священниками обрядов следует резкое сокращение размеров прихода, произошедшее в начале 1903 г. Причиной сокращения стала совершившаяся к тому времени автономизация челябинской католической общины и формирование отдельного прихода в Челябинске. Рождение челябинского римско-католического прихода нужно относить как раз к рубежу 1902–1903 гг.: настоятелем молитвенного дома в уездном городе на Миассе был назначен в 1902 г. ксендз Фома Антонович Пашкевич, и тогда же появились первые метрические записи челябинских

католиков [14]. Отдельные метрические книги Фома Пашкевич стал вести с 1903 г., и именно поэтому с 1903 г. в церковных реестрах златоустовского костела стали редкими записи о крещениях, венчаниях и погребениях в Челябинске, Челябинском и Троицком уездах, а также в Тургайской области, вышедших из-под юрисдикции златоустовских ксендзов и составивших новый приход. В 1899–1902 гг. обряды, проведенные в Челябинске, Троицке и в подчиненных им уездах, а также в Тургайской области (отошедших затем к челябинскому приходу), составляли в среднем 74 % (то есть почти три четверти) всех обрядов, зарегистрированных в златоустовском костеле (крещения – в среднем 82 %; бракосочетания – в среднем 73 %; погребения – в среднем 66 %). Немалая часть обрядов (больше половины) была проведена в Челябинске и Челябинском уезде, преимущественно в окрестностях уездного центра. Средний ежегодный показатель числа крещений в златоустовском костеле в 1899–1902 гг. составлял 134, венчаний – 22, погребений – 26. Как видно из данных таблицы (табл. 1), в течение 1903–1912 гг. ежегодно в костеле регистрировали в среднем 22 крещения, 4 бракосочетания и 10 смертей. Иными словами, в это время объемы конфессиональной жизни в приходе сократились в пять раз (примерно на 80 %): средние показатели ежегодных крещений и венчаний снизились в шесть раз, погребений – почти втрое.

Подробные сведения о количестве обрядов дают возможность установить приблизительное число прихожан златоустовского костела. Для этого используются коэффициенты отношения совокупного числа католиков к крещениям и (отдельно) к погребениям в наиболее многочисленной части прихода – в Челябинске и Челябинском уезде. Полученные данные о части религиозного коллектива были экстраполированы на целый приход. Уфимский губернский статистический комитет в своих справочных книжках и адрес-календарях, в отличие от Оренбургского комитета, не публиковал данные о вероисповедном составе населения по городам и уездам (только данные по губернии в целом, границы которой в то время уже не совпадали с границами прихода), поэтому иного способа определить численность прихожан нет.

В 1899 г. в Челябинске проживали 334 католика обоего пола, а в Челябинском уезде – 102 католика; в 1900 г. – 270 и 172 соответственно; в 1901 г. – 222 и 533; в 1902 г. – 225 и 529 [15, с. 27]. Средний показатель численности верующих в Челябинске и Челябинском уезде совокупно в эти годы составлял около 597 мужчин и женщин. Средний ежегодный показатель совокупного числа крещений в Челябинске и Челябинском уезде за те же четыре года достигал 72¹. Таким образом, коэффи-

¹ Согласно метрическим книгам, в 1899 г. в Челябинске и Челябинском уезде были крещены 29 и 9 человек соответственно, в 1900 г. – 51 и 20, в 1901 г. – 53 и 28, в 1902 г. – 54 и 45.

циент отношения общего числа прихожан к количеству проведенных крещений (k_1) в 1899–1902 гг. в Челябинске и уезде приблизительно был равен 8,3 (на одно крещение приходилось чуть более восьми прихожан). Точно так же рассчитывается коэффициент отношения общего числа прихожан к количеству погребений (k_2). Средний ежегодный показатель совокупного числа погребений в Челябинске и уезде составил 16^2 . Значит, коэффициент отношения числа прихожан к количеству погребений (k_2) в 1899–1902 гг. в Челябинске и уезде примерно был равен 37.

Ежегодно в течение 1899–1902 гг. в Златоустовском приходе производилось 134 крещения и 26 погребений (округленные средние показатели за четыре года) (см. табл. 1). Следовательно, на рубеже XIX–XX вв. число прихожан в костеле (без учета католиков Уфы и иных, кроме Златоустовского уезда, уездов Уфимской губернии) могло составлять одну тысячу взрослых мужчин и женщин, что вычисляется по формуле $(134 \cdot k_1 + 26 \cdot k_2) : 2$, где $k_1 \approx 8,3$, а $k_2 \approx 37$. В 1903–1912 гг. в Златоустовском приходе уже производилось ежегодно 22 крещения и 10 погребений (округленные средние показатели за десять лет), поэтому число прихожан в это время могло составлять приблизительно 200–300 взрослых человек обоего пола – согласно формуле $(22 \cdot k_1 + 10 \cdot k_2) : 2$. Численность прихожан, по этим подсчетам, с начала столетия сократилась в три–пять раз. В целом же, в результате обособления уфимского и челябинского приходов число верующих церкви Златоуста сократилось почти вдесятеро. В сравнении с предполагаемой численностью челябинского католического прихода (более пяти тысяч человек к 1911 г. и не менее двух с половиной тысяч к 1914 г. [15, с. 26]) число прихожан костела в Златоусте было на порядок меньшим.

После разделения златоустовской и челябинской общин интенсивность религиозной жизни в костеле Златоуста оставалась низкой, но стабильной: статистика обрядов в довоенный период отличается устойчивостью показателей, для нее не характерны серьезные колебания. Это дает основания предполагать, что и сам приход в 1903–1913 гг. по составу и численности существенно не менялся. Вместе с тем в начале XX века в связи с усилившимися миграционными процессами наблюдался большой приток на Южный Урал лиц католического вероисповедания – переселенцев-колонистов, рабочих предприятий и мастерских. В Уфимской губернии, согласно справочным книжкам и адрес-календарям, численность католиков в 1901–1909 гг. из года в год неизменно возрастала и увеличилась почти в два раза – с 1855 до 3597 человек. В Златоусте, судя по динамике

обрядов, этот рост был не столь значительным. В первом десятилетии двадцатого века доля верующих златоустовского прихода не могла составлять больше 10 % от католиков всей Уфимской губернии. Лишь накануне революционного 1917 г. (может быть, и раньше, поскольку в нашем распоряжении нет метрических сведений за 1914 и 1915 гг.) отмечается значительный рост числа обрядов, что может свидетельствовать об увеличении прихода. В годы Первой мировой войны, согласно метрическим книгам, приход сильно изменился

в составе своих членов: появилось много новых лиц, в то время как некоторые представители старых католических фамилий Златоуста (Бако, Годлевские и иные) покинули город.

В связи с миграционными процессами и участием в них католиков обращает на себя внимание тот факт, что на рубеже XIX и XX столетий златоустовские ксендзы нередко проводили обряд дополненного крещения для подростков и взрослых людей 19–22 лет либо крестили еще не крещенных взрослых и подростков. Метрики 1899–1902 гг. зарегистрировали более тридцати таких случаев, причем почти все они имели место в Челябинске [11, л. 9–9 об.; 13 об.; 16, л. 7]. Надобность в таких обрядах возникала в том случае, когда люди приезжали (или их принудительно высылали) в регион из тех мест, где не было костела и священников, и детей приходилось крестить мирянину по неполному обряду («крещением водою») или же не крестить вовсе. Дополненное крещение представляет собой чтение священником всех крещальных молитв во время «тихой мессы» (*Missa lecta*) с последующей литанией – молитвой к Богу, Богородице и всем святым. Как правило, дополненное крещение совершалось над униатами из Челябинска и ближайших сел. После ликвидации Холмской унии в 1874–1878 гг. многие униаты украинского происхождения из Седлецкой и Ломжинской губерний Царства Польского отказались принимать православие, поэтому были посланы сначала в Херсонскую губернию, а оттуда за упорство в исповедании своей веры этапированы в 1887 г. на Урал и в Сибирь, в том числе в Челябинск и его окрестности [7, с. 31; 17, с. 218]. Находясь в ссылке внутри России, они не имели возможности крестить детей у униатских священников, а обращаться к православным принципиально не желали. Современники свидетельствовали о том, что «...униаты (...) устраивали молитвы и богослужения в лесах, сами крестили детей, заключали браки, хоронили умерших» [17, с. 279]. Некоторые униаты Южного Урала пытались оставаться место ссылки и ездить в костел в Златоуст, но их наказывали за нарушение паспортного режима [7, с. 34]. В 1890-е годы в Челябинск и Оренбург переехали многие униаты из Зилаирского и Куюргазинского районов Башкортостана,

² В 1899 г. в Челябинске и Челябинском уезде были погребены 5 и 3 человек соответственно, в 1900 г. – 10 и 5, в 1901 г. – 13 и 8, в 1902 г. – 15 и 6.

куда их ранее сослали [8, с. 91]. В дальнейшем униаты вливались в состав римских общин – либо оставаясь греко-католиками, либо принимая латинский обряд и становясь полноправными членами Римско-католической Церкви. С предоставлением им свободы перемещения по региону связано их «запоздалое» обращение к ксендзу за крещением. Среди униатских семей Челябинска, нуждавшихся в крещении своих взрослых членов и детей сознательного возраста, отметим крестьян Калининских, Корпышей, Дашуков, Потапчуков, Пайдошей. После разделения челябинского и златоустовского приходов в последнем крестили исключительно новорожденных.

Переселенческий бум сравнительно мало сказался на развитии златоустовской католической общины, особенно если ее сравнивать с челябинской. Максимальное число крещений, венчаний и погребений в приходе было совершено в 1901 и 1902 гг. именно за счет притока католиков из других регионов в Челябинск. До 1903 г. число крещений в пять раз превышало количество погребений, что подтверждает факт усиленной миграции на Южный Урал католиков репродуктивного возраста. С 1903 г., после отделения челябинской общины, пропорция числа крещений и погребений приблизилась к показателю 2:1, что в очередной раз доказывает слабое влияние миграционных процессов на положение златоустовской общины, так как в приходах, мало подверженных миграциям, число крещений (рождений) и погребений примерно совпадают [18, с. 101]. В Челябинск приток молодых католиков-мигрантов в дальнейшем не только не прекратился, но и заметно усилился в 1908–1909 гг. Если в Челябинске, как было выяснено ранее, старики среди католиков являлись редкостью, то в Златоусте возрастной состав был разнородным, но сбалансированным: доля детских смертей в среднем исчислении лишь незначительно превышала долю смертей лиц пожилого возраста. При этом более половины всех смертей, зарегистрированных в приходе Златоуста, приходилось на детей до 15 лет (в 1899–1902 гг., с челябинцами в составе прихода, – детские погребения составляли в среднем около 58 %; в 1903–1913 гг. – около 51 %).

О границах златоустовского прихода и географии расселения католиков так же можно судить по метрическим книгам, фиксировавшим место проведения обряда или место проживания верующих. В 1903–1916 гг. приход включал в себя населенные пункты на востоке Уфимской губернии (Златоустовский уезд и граничащие с ним волости Уфимского уезда), города и поселки северо-западной части Оренбургской губернии (Верхнеуральский и частично Троицкий уезды), а также селения на юго-западе Пермской губернии (конкретно – заводы Красноуфимского уезда).

Впрочем, границы златоустовского прихода во многом оставались условными – как до разделения католиков Златоуста и Челябинска, так и после. Никто не запрещал верующим соседних приходов обращаться за требами к ксендзу из Златоуста, а последнему – посещать селения, находившиеся под чужой юрисдикцией (возможно, по согласованию или даже по просьбе ксендзов-соседей, которые не всегда своими поездками могли охватить огромные пространства собственных приходов). Так, в ноябре 1904 г. в Миасском заводе курат златоустовского костела Антоний Сымонович совершил погребение частного поверенного А. А. Жолтовского, который относился к прихожанам оренбургской церкви [19, л. 14]. Оренбургским прихожанином являлся и И. А. Борковский из Миасса, похороненный тем же Сымоновичем в феврале 1905 г. [20, л. 4]. В 1907 г. семья челябинских прихожан Горецких из Бишкиля крестила свою дочь в Златоусте [21, л. 2]. В 1908 г. в Златоусте венчались Вацлав Юрцевич и Констанция Осинская – тоже прихожане из Челябинска [22, л. 3]. Котовские из Троицка отправились крестить своего сына в Верхнеуральск к ксендзу Гродзицкому, прибывшему летом 1912 г. из Златоуста для окормления и совершения треб своей верхнеуральской паствы [23, л. 9]. Подобных случаев можно насчитать больше десятка. В Златоуст для крещений и венчаний навещались католики, жившие на станциях Самаро-Златоустовской железной дороги недалеко от Челябинска, но при этом предпочитавшие скорее воспользоваться удобствами «чугунки», нежели услугами челябинского ксендза. Это жители Бишкиля, Шахматово, будок 896 верста и 897 верста (недалеко от Полетаево), самой станции Полетаево. Златоустовский курат Антоний Матусевич в течение 1903 г. еще совершал пастырские поездки в Варламовскую заимку Троицкого уезда (ездил туда в марте [24, л. 2 об.]), в немецкую колонию Крещатик Белебейского уезда Уфимской губернии (в октябре [24, л. 6]), в Тургайскую область (в ноябре посетил участок Диминский [24, л. 1]). Ксендз Гродзицкий 23 ноября 1913 г. совершил одно крещение в колонии Вальдгейм (Вальтгайм) № 8, расположенной на западе Уфимского уезда и не относящейся к златоустовскому приходу [25, л. 3]. Надо полагать, златоустовский ксендз оказался в колонии Вальдгейм [26, с. 67] проездом или по какому-то частному случаю, иначе число совершенных треб было бы большим. Вообще после отделения челябинского костела в составе златоустовского прихода не числились сельскохозяйственные колонии – упоминаний об их посещении после 1903 г. мы не находим. Этим златоустовский приход сильно отличался от челябинского, в котором состояли сотни семейств немецких переселенцев-крестьян. Специфические горнозаводские чер-

ты у златоустовского прихода, таким образом, не только сохранились, но даже усилились.

Зарегистрированные в златоустовском римско-католическом приходе обряды (1899–1916 гг.)

Таблица 1

Table 1

Rites registered in the Zlatoust Roman Catholic Parish (1899–1916)

	Крещений					Бракосочетаний	Погребений				
	Всего	Муж. пола	Жен. пола	Взрослых	Детей		Всего	Муж. пола	Жен. пола	Взрослых	Детей
1899	76	45	31	6	70	18	19	16	3	5	14
1900	107	55	52	5	102	10	31	17	14	13	18
1901	154	72	82	4	150	31	26	10	16	13	13
1902	197	103	94	3	194	30	27	21	6	12	15
1903	28	14	14	0	28	4	11	8	3	4	7
1904	18	9	9	0	18	1	6	3	3	5	1
1905	18	7	11	0	18	3	13	8	5	5	8
1906	18	11	7	0	18	1	9	5	4	3	6
1907	17	12	5	0	17	8	11	6	5	8	3
1908	22	12	10	0	22	3	7	4	3	5	2
1909	19	10	9	0	19	2	10	7	3	5	5
1910	26	14	12	0	26	4	6	3	3	1	5
1911	21	8	13	0	21	5	10	4	6	8	2
1912	29	17	12	0	29	5	13	7	6	4	9
1913	30	15	15	0	30	5	9	5	4	3	6
1916	56	24	32	0	56	9	33	15	18	21	12

Примечание: Составлена по: [11; 16; 19–25; 27–32]. Количество обрядов в таблице не всегда совпадает с числом, зафиксированным в церковном реестре за соответствующий год. Это связано с тем, что в реестры попадали записи о крещениях и погребениях, произведенных ранее того периода, которым датирован конкретный реестр, – например, в реестре за 1899 г. зарегистрирована смерть 22 человек, однако часть из них была погребена в 1893–1898 гг. В таблице представлены уточненные данные: сведения об обрядах, проведенных за рамками календарного года, попавшие в тот или иной реестр, отнесены к году их реального проведения (приплюсованы к общему числу). В приходе были нередки дополненные обряды крещения взрослых (к взрослым отнесены все лица старше пятнадцати лет – так называемого возраста «распознания»).

Выводы

Сокращение объемов пастырской работы, произошедшее в католическом приходе Златоуста в 1903 г. в результате выделения из его состава челябинской общины, свидетельствует о резком (в несколько раз) снижении численности верующих. Корреляционные соотношения между количеством проведенных обрядов и числом прихожан дают основания предполагать, что после 1903 г. приход в Златоусте объединял примерно двести-триста взрослых католиков и католичек. На развитие златоустовского прихода миграционные процессы повлияли не столь значительно, как, например, на становление церковного объединения челябинских католиков. В административно-территориальном плане католический приход Златоуста после 1903 г. не включал в себя сельскохозяйственные колонии степной зоны, сохраняя статус религиозного центра для католиков горнозаводского Южного Урала.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20029, <https://rscf.ru/project/22-28-20029/>.

Литература

1. Миронов, Б. Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие / Б. Н. Миронов. – Л. : Наука,

1990. – 271 с.

2. Кабузан, В. М. Распространение православия и других конфессий в России в XVIII – начале XX в. (1719–1917 гг.) / В. М. Кабузан. – М. : Институт российской истории РАН, 2008. – 270 с.

3. Главацкая, Е. М. Католики Екатеринбурга в конце XIX – начале XX в. по материалам переписей и метрических книг / Е. М. Главацкая, Ю. В. Боровик, А. В. Бобицкий // Известия УрФУ. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 18, № 3 (154). – С. 68–84.

4. Окунцов, Ю. П. Златоустовская оружейная фабрика / Ю. П. Окунцов. – М. : Вече, 2011. – 256 с.

5. Демаков, В. Г. Челябинский римско-католический костел: страницы истории / В. Г. Демаков // Гороховские чтения : материалы X региональной музейной конференции. – Челябинск, 2019. – С. 310–318.

6. Андреев, А. Н. Челябинский костел в начале XX века: национальная и социальная структура прихода на основе метрических книг / А. Н. Андреев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2021. – Т. 21, № 3. – С. 13–21.

7. Амелин, В. В. Религии Оренбургского края: систематическое описание / В. В. Амелин, Д. Н. Денисов, К. А. Моргунов. – Т. 2: Западное христианство. – Оренбург : Южный Урал, 2020. – 404 с.

8. Крыжановский, Ф. А. История католицизма в Башкортостане : краткий историографический обзор / Ф. А. Крыжановский // Известия Уфимского научного центра РАН. – 2020. – № 4. – С. 89–95.

9. Окунцов, Ю. П. Иностранные мастера Златоустовской оружейной фабрики / Ю. П. Окунцов // Золотые россыпи былого : сборник материалов IX краеведческой конференции. – Златоуст : АБРИС, 2016. – С. 5–10.

10. Андреев, А. Н. Златоустовский римско-католический приход в XIX веке: вехи истории и параметры развития / А. Н. Андреев, Ю. С. Андреева // Юриспруденция, история, социология, политология и философия : сборник статей по материалам LXX международной научно-практической конференции. – № 11 (70). – М. : МЦНО, 2022. – С. 6–17.

11. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). – Ф. 2292. – Оп. 1. – Д. 6.

12. ЦГИА СПб. – Ф. 2292. – Оп. 1. – Д. 26.

13. ЦГИА СПб. – Ф. 2292. – Оп. 1. – Д. 60.

14. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Ф. И-226. – Оп. 4. – Д. 385. Метрическая книга Челябинского римско-католического (польского) костела о рождении за 1902–1905 гг. 203 л.

15. Андреева, Ю. С. Челябинский римско-

католический приход в начале XX столетия: численность, территориальные границы, параметры конфессиональной жизни / Ю. С. Андреева. – Челябинск, 2021. – 28 с.

16. ЦГИА СПб. – Ф. 2292. – Оп. 1. – Д. 30.

17. Козлов-Струтинский, С. Г. История Католической Церкви в России / С. Г. Козлов-Струтинский, П. А. Парфентьев. – СПб. : Белый камень, 2014. – 740 с.

18. Алакшин, А. Э. Протестантские общины в Петербурге в XVIII веке / А. Э. Алакшин. – Челябинск : ЧелГУ, 2006. – 415 с.

19. ЦГИА СПб. – Ф. 2292. – Оп. 1. – Д. 104.

20. ЦГИА СПб. – Ф. 2292. – Оп. 1. – Д. 128.

21. ЦГИА СПб. – Ф. 2292. – Оп. 1. – Д. 172.

22. ЦГИА СПб. – Ф. 2292. – Оп. 1. – Д. 187.

23. ЦГИА СПб. – Ф. 2292. – Оп. 1. – Д. 276.

24. ЦГИА СПб. – Ф. 2292. – Оп. 1. – Д. 77.

25. ЦГИА СПб. – Ф. 2292. – Оп. 1. – Д. 354.

26. Немцы России: населенные пункты и места поселения : энциклопедический словарь / сост. В. Ф. Фризендорф. – М. : ЭРН, 2006. – 472 с.

27. ЦГИА СПб. – Ф. 2292. – Оп. 1. – Д. 49.

28. ЦГИА СПб. – Ф. 2292. – Оп. 1. – Д. 54.

29. ЦГИА СПб. – Ф. 2292. – Оп. 1. – Д. 132.

30. ЦГИА СПб. – Ф. 2292. – Оп. 1. – Д. 212.

31. ЦГИА СПб. – Ф. 2292. – Оп. 1. – Д. 253.

32. ЦГИА СПб. – Ф. 2292. – Оп. 1. – Д. 428.

Андреева Юлия Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Южно-Уральский государственный медицинский университет (Челябинск), e-mail: iulyand@yandex.ru. ORCID 0000-0002-1122-3221

Поступила в редакцию 1 сентября 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh230401

ROMAN CATHOLIC PARISH IN ZLATOUST AT THE TURN OF THE 19-th AND 20-th CENTURIES: POPULATION AND TERRITORY

Y. S. Andreeva

South Ural State Medical University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article presents the first comprehensive study of the quantitative indicators that characterize the development of the Roman Catholic parish in Zlatoust in the late 19 – early 20-th centuries. Studying Church registration documents of 1899–1916, the author reveals the statistics of the rites performed in the Zlatoust parish, analyzes the dynamics of baptisms, weddings and burials, and estimates the intensity of religious life during this period. The article states that at the turn of the 19–20-th centuries there was a significant transformation of the Catholic parish in Zlatoust, associated with the separation of independent Ufa and Chelyabinsk communities. The author defines the consequences of such a transformation as well as the approximate number of Catholics remaining in the Zlatoust Church, and separately studies the impact of migration processes (including forced migration) on the development of the Zlatoust parish. The article proves that the resettlement boom in the early of 20-th century had relatively little effect on the development of the Zlatoust Catholic community in comparison with the Catholic community of Chelyabinsk. Based on the information about the place of the rites, the article

establishes the territorial and administrative boundaries of this parish and the geography of the settlement of Catholics in 1899–1902 (before the separation of the parishes of Zlatoust and Chelyabinsk) and in 1903–1916 (after separation).

Keywords: Catholics of Zlatoust, the number of Catholics, geographic expansion of Catholicism, Church life, parish registers, descriptive statistics.

References

1. Mironov B.N. *Russkiy gorod v 1740–1860-e gody: Demograficheskoe, sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitiye* [Russian City in the 1740s–1860s: Demographic, Social and Economic Development]. L., 1990, 271 s.
2. Kabuzan V.M. *Rasprostraneniye pravoslaviya i drugikh konfessiy v Rossii v XVIII – nachale XX v. (1719–1917 gg.)* [Spread of Orthodoxy and Other Confessions in Russia in the 18 – Early 20 Century (1719–1917)]. M., 2008. 270 s.
3. Glavatskaya E.M., Borovik J.V., Bobitsky A.V. *Katoliki Ekaterinburga v kontse XIX – nachale XX v. po materialam perepisey i metricheskikh knig* [The Catholic Community of Yekaterinburg between the Late 19-th and Early 20-th Centuries According to the 1897 Census and Church records] // *Izvestiya UrFU. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 2016. T. 18, № 3. S. 68–84.
4. Okuntsov Y.P. *Zlatoustovskaya oruzheynaya fabrika* [Zlatoust Arms Factory]. M., 2011, 256 s.
5. Demakov V.G. *Chelyabinskiy rimsko-katolicheskiy kostyol: stranitsy istorii* [Chelyabinsk Roman Catholic Church: pages of history] // *Gorokhovskiy chtenya: materialy X regional'noy muzeynoy konferentsii*. Chelyabinsk, 2019. S. 310–318.
6. Andreev A.N. *Chelyabinskiy kostyol v nachale XX veka: natsional'naya i sotsial'naya struktura prikhoda na osnove metricheskikh knig* [Chelyabinsk Catholic Church in the Early 20-th century: the National and Social Composition According to the Parish Registers] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 2021. T. 21, № 3. S. 13–21.
7. Amelin V.V., Denisov D.N., Morgunov K.A. *Religii Orenburgskogo kraya: sistemacheskoe opisanie* [Religions of the Orenburg Region: a Systematic Description. Vol. 2: Western Christianity]. Orenburg, 2020. 404 s.
8. Kryzhanovsky F.A. *Istoriya katolitsizma v Bashkortostane: kratkiy istoriograficheskiy obzor* [Catholicism History in Bashkortostan: a Brief Historiographical Overview] // *Izvestiya Ufimskogo nauchogo tsentra RAN*. 2020. № 4. S. 89–95.
9. Okuntsov Yu.P. *Inostrannyye mastera Zlatoustovskoy oruzheynoy fabрики* [Foreign masters of the Zlatoust Arms Factory] // *Zolotyie rossypi bylogo*. Zlatoust, 2016. S. 5–10.
10. Andreev A.N., Andreeva Y.S. *Zlatoustovskiy rimsko-katolicheskiy prikhod v XIX veke: vekhi istorii i parametry razvitiya* [Zlatoust Roman Catholic Parish in the 19-th Century: Historical Milestones and Development Parameters] // *Yurispudentsia, istoriya, sotsiologiya, politologiya i filosofiya*. M., 2022. № 11 (70). S. 6–17.
11. *Central'nyi gosudarstvennyi istoricheskiy arkhiv Sankt-Peterburga (CGIA SPb)* [Central State Historical Archive of St. Petersburg (CSHA SPb)]. F. 2292. Op. 1. F. 6.
12. CGIA SPb [CSHA SPb]. F. 2292. Op. 1. F. 26.
13. CGIA SPb [CSHA SPb]. F. 2292. Op. 1. F. 60.
14. *Obyedinnyonnyi gosudarstvennyi arkhiv Chelyabinskoy oblasti (OGACHO)* [United State Archive of the Chelyabinsk Region (USACR)]. F. И-226. Op. 4. F. 385.
15. Andreeva Y.S. *Chelyabinskiy rimsko-katolicheskiy prikhod v nachale XX stoletiya: chislennost', territorial'nye granitsy, parametry konfessional'noy zhizni* [Chelyabinsk Roman Catholic Parish in the Early 20-th Century: Population, Territory, Parameters of Church Life]. Chelyabinsk, 2021. 28 s.
16. CGIA SPb [CSHA SPb]. F. 2292. Op. 1. F. 30.
17. Kozlov-Strutinsky S.G., Parfentyev P.A. *Istoriya katolicheskoy tserkvi v Rossii* [History of the Catholic Church in Russia]. SPb., 2014. 740 s.
18. Alakshin A.E. *Protestantskie obshchiny v Peterburge v XVIII veke* [Protestant Communities in Petersburg in the 18-th Century]. Chelyabinsk, 2006. 415 s.
19. CGIA SPb [CSHA SPb]. F. 2292. Op. 1. F. 104.
20. CGIA SPb [CSHA SPb]. F. 2292. Op. 1. F. 128.
21. CGIA SPb [CSHA SPb]. F. 2292. Op. 1. F. 172.
22. CGIA SPb [CSHA SPb]. F. 2292. Op. 1. F. 187.
23. CGIA SPb [CSHA SPb]. F. 2292. Op. 1. F. 276.
24. CGIA SPb [CSHA SPb]. F. 2292. Op. 1. F. 77.
25. CGIA SPb [CSHA SPb]. F. 2292. Op. 1. F. 354.
26. *Nemtsy Rossii: naselyonnye punkty i mesta poseleniya* [Germans of Russia: Localities and Places of Settlement]: *entsiklopedicheskiy slovar'*. M., 2006. 472 s.

27. CGIA SPb [CSHA SPb]. F. 2292. Op. 1. F. 49.
28. CGIA SPb [CSHA SPb]. F. 2292. Op. 1. F. 54.
29. CGIA SPb [CSHA SPb]. F. 2292. Op. 1. F. 132.
30. CGIA SPb [CSHA SPb]. F. 2292. Op. 1. F. 212.
31. CGIA SPb [CSHA SPb]. F. 2292. Op. 1. F. 253.
32. CGIA SPb [CSHA SPb]. F. 2292. Op. 1. F. 428.

Yuliya S. Andreeva – Cand. Sc. (History), Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences, South Ural State Medical University (Chelyabinsk), e-mail: iulyand@yandex.ru

Received September 1, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Андреева, Ю. С. Римско-католический приход в Златоусте на рубеже XIX–XX веков: численность и территориальные границы / Ю. С. Андреева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 6–13. DOI: 10.14529/ssh230401

FOR CITATION

Andreeva Y. S. Roman Catholic Parish in Zlatoust at the Turn of the 19-th and 20-th Centuries: Population and Territory. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 6–13. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230401

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В УЧЕБНИКЕ ДЛЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ СОВЕТСКОГО ТАДЖИКИСТАНА

Ф. К. Караев

Таджикский национальный университет, г. Душанбе, Республика Таджикистан

В статье содержится характеристика и анализ главы о Великой Отечественной войне учебника «История Таджикской ССР», изданного в 1965 г. для вузов республики. Текст учебника создавался в период «оттепели» и отражает ситуацию того времени относительно трактовки истории войны после развенчания культа личности И. В. Сталина. Охарактеризована структура и основные сюжеты главы учебника о Великой Отечественной войне. Уделено внимание научной деятельности редактора учебника академика З. Ш. Раджабова и непосредственному автору текста главы историку Л. П. Сечкиной. Сделан вывод, что учебник по истории Таджикистана для вузов, как и любое другое советское учебное пособие, выполнял прежде всего образовательную и пропагандистскую функции. Представленная информация о Великой Отечественной войне отличалась тем, что в ней доминировал советский дискурс о ведущей роли партии и советского правительства в достижении Победы. Кроме того, в учебнике подчеркивается значительный вклад СССР в разгром нацистской Германии, как главного победителя среди стран антигитлеровской коалиции. Много говорилось о патриотизме, героизме и самоотверженном труде «людей из народа», благодаря которым враг был разгромлен. В связи с этим часто упоминаются жители Таджикистана, отличившиеся как на фронте, так и в тылу. Данный учебник являлся медийным каналом культурной памяти советского общества о прошлом Таджикистана и способствовал формированию массового исторического знания в республике.

Ключевые слова: историография, учебник, история Великой Отечественной войны, советский Таджикистан, культурная память.

Введение

Учебники по истории, безусловно, являются значимыми историческими источниками, с помощью которых можно выявить параметры научного и массового исторического знания в обществе, тенденции, связанные с формированием и изменением коллективной памяти. Исследование подобных текстов, издаваемых в рамках государственной политики в области образования, позволяет увидеть разные идеологические аспекты в трактовке тех или иных событий и явлений прошлого, понять позицию и особенности мышления авторов учебников, уточнить важные детали их интеллектуальных биографий.

В данной статье анализируется только одна глава учебника «История Таджикской ССР» (1965), предназначенного для вузов республики. Этот текст посвящен Великой Отечественной войне. Прежде всего уделяется пристальное внимание главному редактору учебника и автору текста с точки зрения их научной карьеры как историков и авторов ряда публикаций. Проанализированы структура и идейное содержание информации о Великой Отечественной войне в учебнике с позиций репрезентации исторического знания в советском Таджикистане о значимом периоде прошлого.

Обзор литературы

Одним из первых исследователей, обратившихся к изучению школьных учебников по истории как трансляторов исторических знаний и мифов коллективной памяти, являлся французский

историк М. Ферро. В своем труде «Как рассказывают историю детям в разных странах мира», вышедшем в свет в 1986 г., он проанализировал учебники по истории в более чем 15 странах на разных континентах, и пришел к выводу, что тексты этих учебных пособий помимо представленной образовательной информации во многом строго идеологически ориентированы. Показанная в них история соединяет знания о прошлом и эмоции, связанные с коллективной идентичностью [1]. Данный труд, по сути, открыл новое направление в историографических исследованиях, когда в центре изучения стоит учебное пособие по истории.

В последние десятилетия историографы и историки, занимающиеся иной проблематикой, активно привлекают учебники в качестве исторических источников для своих исследований. Например, в этом плане заслуживает внимания сборник статей российских и американских авторов о взаимных репрезентациях образов России и США в учебниках этих стран разного времени [2]. Другой историографический факт: историк из Санкт-Петербурга Д. А. Сосницкий занимается изучением начального периода развития учебной литературы по истории в Российской империи второй половины XVIII столетия. В учебниках того времени российское прошлое, по мнению исследователя, было представлено гармоничным, без «больших точек», пантеон национальных героев еще не сформировался, и в разных учебных пособиях были представлены разные персонажи из героичес-

кого прошлого страны [3]. Российские (в том числе и советские) учебники по истории как культурные продукты своего времени стали предметом изучения для екатеринбургского историка И. С. Огоновской. Она пришла к выводу, что в таких учебниках историческое знание часто подавалось сквозь призму идеологических установок государства и политических взглядов их авторов [4].

В целом, у данного направления историографических исследований имеются большие перспективы с точки зрения наличия большого количества материалов для изучения, а также раскрытия новых лакун при изучении информации, содержащейся в таких исторических источниках.

Методы исследования

Основной подход в исследовании учебных пособий по истории был задан в 1980-е гг. французским историком М. Ферро. «История в том виде, как ее рассказывают детям, да и взрослым, – писал Ферро, – позволяет одновременно узнать и то, что общество думает о себе, и то, как изменяется его положение с течением времени». Учебники по истории – это выражение коллективной памяти общества о своем прошлом [1, с. 9–11].

Согласно концепции французского социолога М. Хальбвакса, сформулированной еще в 1920-е гг., коллективная память всегда задана определенными социальными рамками и формируется исходя из потребностей социальной группы, определяя ее идентичность [5].

Учебники по истории можно отнести к одному из медийных каналов культурной памяти. С точки зрения концепции немецкого историка Я. Ассмана (1990-е гг.), коллективная память складывается из коммуникативной (социальной) и культурной памяти. Последняя более идеологически выражена, поскольку конструируется и транслируется в контексте актуальных целей и задач власти и общества [6].

Результаты и дискуссия

Первые признаки изменений в советской исторической науке, в том числе в сторону большего внимания к разработке истории народов СССР и оказания помощи в этом деле историкам союзных республик, появились в самом начале «оттепели». Об этом говорилось в секретном постановлении от 28 мая 1953 г. Секретариата ЦК КПСС «О мерах улучшения журнала “Вопросы истории”» [7].

Вскоре в советском Таджикистане такая тенденция также стала реальностью. Один из руководителей исторической науки З. Ш. Раджабов 22 мая 1956 г. выступил с докладом на пленарном заседании в рамках научной конференции в Таджикском государственном университете. Доклад назывался «Некоторые основные задачи исторической науки в Таджикистане в свете решений XX съезда КПСС». Раджабов указал на необходимость создания нового учебника по истории, «...в котором должна быть изложена героическая история

нашей партии», и этот учебник должен быть «...лишен пережитков культа личности». Кроме того, докладчик отметил, что слабо изучена история таджикского народа в советский период, в том числе в годы Великой Отечественной войны. Очень мало издано сборников архивных документов и материалов. Практически нет историографических трудов по истории Советского Таджикистана. И, конечно, в докладе звучал призыв создать «...подлинно научную историю Коммунистической партии Таджикистана, которая не будет содержать в себе никаких пережитков культа личности, лакировки, казенного штампа». В то же время доклад включал выпады против некоторых «...зарубежных писак, представителей реакционных империалистических кругов», которые занимаются фальсификациями истории советской Средней Азии, ставя под сомнение «братскую дружбу» народов СССР [8, с. 4, 7–8, 9].

Большую роль в развитии исторической науки Таджикистана сыграла Первая Всесоюзная научная конференция востоковедов (Ташкент, 1957 г.), где рассматривались вопросы об изучении истории советского Востока, экономических и культурных связей народов Востока, средневековой истории и рукописного наследия [9; 10, с. 10].

Конечно, советская историческая наука в данный период продолжала развиваться, ориентируясь на установки классиков марксизма-ленинизма, на материалистическое понимание истории и «партийную культуру». Но после официального развенчания культа И. В. Сталина произошел отказ от безудержного цитирования его докладов и статей. В то же время историки теперь стали опираться на заявление нового главы партии и государства Н. С. Хрущева: «Не Сталин, а партия в целом, Советское правительство, наша героическая армия, ее талантливые полководцы и доблестные воины, весь советский народ – вот кто обеспечил победу в Великой Отечественной войне» [11, с. 284].

В результате новых тенденций эпохи «оттепели» с 1959 г. в вузах республики стали преподавать курс «История Таджикской ССР». Первый учебник по этому курсу был создан по инициативе сотрудников Таджикского государственного университета имени В. И. Ленина и вышел в свет тиражом 8 тысяч экземпляров уже на исходе «оттепели» (в 1965 г.) под редакцией академика З. Ш. Раджабова [12].

Историк Зариф Шарипович Раджабов родился в Ходженте (1906). В 1930-е гг. окончил Московский институт истории и философии, затем учился в аспирантуре в Ленинграде, где защитил кандидатскую диссертацию «Джадидизм в Туркестане в 1905–1917 гг.». Работал старшим научным сотрудником Таджикской базы АН СССР, а в 1938 г. был назначен заведующим кафедрой истории Таджикского учительского института имени М. Горького в Ташкенте. В рамках работы историко-

лингвистического сектора Таджикской базы АН СССР в 1939 г. ему была поручена деятельность в архиве Бухары с целью выявления и составления описи документов по истории таджикского народа [13, л. 62; 14, с. 162].

Во время войны, поскольку учительский институт закрыли, Раджабов трудился в качестве сотрудника Института языка, филологии и истории Узбекского филиала АН СССР [14, с. 166]. В 1948 г. он стал первым ректором Таджикского государственного университета.

Советские историки позднего сталинского периода работали в условиях всеобщей подозрительности и страха лишиться не только своей профессии, но и даже свободы. Развернувшаяся в 1948–1953 гг. кампания по борьбе с космополитизмом ударила в том числе по ряду историков некоторых национальных республик. Пострадал и Раджабов, защитивший докторскую диссертацию по истории общественной мысли Таджикистана во второй половине XIX – начале XX века и издавший очерк по данной тематике [15]. Его работа была подвергнута публичной критике в Институте истории АН СССР. Директор Института А. Л. Сидоров, выступая с докладом о задачах исторической науки 27 октября 1952 г. на Ученом совете, обрушился на Раджабова и на ряд других исследователей, обвиняя их в том, что они страдают «...порочной практикой примиренчества к буржуазным концепциям». В итоге Раджабова лишили ученой степени доктора исторических наук [16]. Только после XX съезда КПСС его диссертация была вновь признана и опубликована [17, 18], Раджабов получил докторскую степень повторно.

С 1954 г. по 1959 г. он заведовал кафедрой истории СССР в университете. Затем стал директором Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР, а с 1962 г. – академиком-секретарем Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР. Несмотря на то что в центре его научных интересов находились проблемы дореволюционной истории Таджикистана, Раджабов принимал участие и в создании учебников по истории Таджикистана XX в., в том числе и разделов, посвященных истории Великой Отечественной войны. Под его научным руководством было защищено не менее 40 кандидатских и 10 докторских диссертаций [19, с. 21].

Учебник для вузов по истории Таджикской ССР представлял историю с древнейших времен до середины 1960-х гг. и включал два раздела (дореволюционная и советская эпоха) по пять глав. Поскольку учебное пособие было выдержано в духе хрущевской «оттепели» с ее программой «строительства коммунизма», то в названии последних глав использовалась дефиниция «коммунизм»: «постепенный переход к коммунизму» и «на пути развернутого коммунизма».

Седьмая глава второго раздела была посвящена Великой Отечественной войне. Написала текст главы Л. П. Сечкина, на тот момент один из главных специалистов в республике по данному периоду. В библиографическом списке к учебнику содержались только две работы, посвященные истории Таджикистана в контексте войны, их автором являлась именно Сечкина [12, с. 447].

Историк Лидия Петровна Сечкина родилась 12 марта 1927 г. в Орле. Окончила Восточный факультет Ленинградского государственного университета по специальности «историк-иранист». В 1951 г. была приглашена на работу в Таджикский филиал Академии наук СССР, где работала в Институте истории и этнографии Академии наук Таджикской ССР им. А. Дониша в качестве младшего, старшего и главного научного сотрудника, защитила кандидатскую, а позже – докторскую диссертацию.

Ее труды по истории Таджикистана периода Великой Отечественной войны о деятельности тружеников тыла, основанные на материалах архивов (в основном делопроизводственная документация) и периодической печати военного времени, хотя и были выдержаны в духе советского дискурса и «партийной культуры», тем не менее отличались информативностью [20]. С конца 1950-х гг. она также активно занималась выявлением и изучением биографий фронтовиков-таджикстанцев, удостоившихся звания Героя Советского Союза, и продолжала до середины 1980-х г. эту работу [21–23]. Свообразным итогом изучения в советской исторической науке истории Таджикистана периода войны стала докторская диссертация Л. П. Сечкиной [24] (защита состоялась в 1988 г. в Алма-Ате), на основе которой в 1989 г. была издана монография «Таджикистан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945» [25]. Всего за период своей научной деятельности Сечкина опубликовала более 70 научных работ, в том числе пять монографий [26].

После распада СССР, в 1993 г. она с семьей переехала в США, где прожила более 25 лет и скончалась в 2021 г. в Бостоне (штат Массачусетс), не дожив два месяца до своего 94-летия. Историк К. Абдулов, хорошо знавший Сечкину, вспоминал: «Лидия Петровна была не только талантливым исследователем, но и веселой, жизнерадостной и красивой женщиной. Она совсем не походила на скучного, сухого, замкнутого в себе ученого. Своей энергией она заряжала всех вокруг. Мы, ее коллеги, всегда искали ее компании, потому что знали, там, где она, там весело и интересно. Вероятно, именно в силу своего природного оптимизма она прожила долгую и счастливую жизнь. Лидия Петровна прекрасно говорила на таджикском, выступала с лекциями во всех уголках Таджикистана, была знакома со многими героями своих книг, включая Героев Советского

Союза, призванных из Таджикистана. Воспитала целую плеяду учеников. Всю свою научную жизнь она работала на одном месте – в Институте Истории АН Таджикистана под началом таких корифеев науки, как академики А. А. Семенов, Зариф Раджабов и Бахадур Искандаров. Долгие годы ее коллегами были Р. М. Масов, А. Н. Секретов, К. П. Марсаков, Б. А. Антоненко, Р. Абулхаев, Н. Хотамов и многие другие историки советского периода» [27].

Говоря о седьмой главе учебника, посвященной Великой Отечественной войне и написанной Сечкиной, стоит отметить, что текст главы занимает лишь 16 страниц из 433, это 3,7 % всего объема учебного пособия. Совсем немного, и это вполне объяснимо с точки зрения места Таджикистана в данном историческом явлении и в данный период. Глава делится на три параграфа и определяется периодизацией войны в советской историографии. Первый параграф охватывает период с июня 1941 г. по ноябрь 1942 г.; второй – с ноября 1942 г. по декабрь 1943 г.; третий – 1944–1945 годы. Главные сюжеты главы посвящены «вероломному» нападению Германии на СССР; перестройке «народного хозяйства» на военный лад; битве под Москвой; обороне «Волгограда» и разгроме там «немецко-фашистских войск»; победам под Курском и на Днепре; «героическому труду» рабочих и колхозников Таджикистана; решающим победам Красной армии в 1944 г.; развитию промышленности и сельского хозяйства Таджикистана на завершающем этапе войны; науке и культуре Таджикистана; разгрому Германии и Японии. Отдельный, последний параграф называется «Источники победы советского народа в Великой Отечественной войне» [12, с. 350–365].

Когда в учебнике речь идет о главных военных событиях, то в описании, как правило, присутствует информация об участии в них воинов из Таджикистана, их подвигов. Так, в качестве участников в битве под Москвой указаны воины Н. Алиев, М. Ибрагимов, А. Ходжибаев, в битве под Сталинградом – воины 104-й кавалерийской дивизии. При этом Сталинград периода войны в контексте развенчания культа личности в учебнике назван «Волгоградом», хотя, конечно, это название появилось уже в период «оттепели» [12, с. 358–356].

С таких же позиций представлена битва под Курском, описаны подвиги воинов из Таджикистана (Х. Кенжаева, И. Хамзаалиева), на Днепре (упомянуты подвиги Д. Азизова, У. Якибова, Б. Давлятова, А. С. Гордеева, Х. Касимова, М. И. Новосельцева, С. Турдыева). Данный подход характерен и для описания освобождения Красной армией европейских стран от нацизма (упоминается Герой Советского Союза Ф. Ахмедов, погибший в бою за польский город Седлец, и воины, освобождавшие Берлин – К. Хаитов, Б. Хакимов, А. Пулатов, А. Ходжибаев, Ш. Даткаев, К. Рахманов, А. Сабиров). Рассказывая о боях против Японии в Северо-

Восточном Китае (Маньчжурия), автор перечисляет таких героев, как К. Саидов, О. Сабитов, Д. Сабиров, Ч. Кадыров, М. Каримов. [12, с. 356–357, 359–360, 363].

«Немецко-фашистские захватчики» представлены вероломными, сильными, жестокими. При этом имя руководителя нацистской Германии А. Гитлера и имена его ближайших высокопоставленных соратников не упоминаются. Когда речь идет о противнике, по сути, нет разделения на «плохих» и «хороших» немцев. Этот вопрос не ставится.

Союзники СССР (Англия и США) представлены как «страны-империалисты», ведущие борьбу с Германией, но преследующие свои корыстные интересы. Например, в тексте содержится утверждение из традиционного советского дискурса, что очень поздно союзниками был открыт Второй фронт в Европе [12, с. 351, 360]. Ни одного имени руководителей США и Англии не называется.

Имя Сталина как главы Советского государства того периода в духе «оттепели» упоминается только один раз в связи с его стратегическими просчетами накануне и в начальный период войны, что привело к временным поражениям [12, с. 358]. Автор главы Сечкина, описывая решающие победы Красной армии в 1944 г., справедливо оставляет в стороне пропагандистскую концепцию о «десяти сталинских ударах», господствовавшую в школьном и вузовском историческом образовании СССР до середины 1950 гг. как одна из трактовок завершающего этапа войны [12, с. 359–360].

Описывая ситуацию в республике военного времени, Сечкина указывает на некоторые проблемы в развитии промышленности (в основном пищевой) и сельского хозяйства в связи с нехваткой квалифицированных кадров, с ухудшением снабжения разными видами сырья и продовольствия. Например, отмечено, что в 1943 г. план по сдаче хлопка в республике не был выполнен в связи с объективными трудностями войны, но при этом конкретные причины не раскрываются. Но в дальнейшем, как свидетельствует текст учебника, серьезные трудности в области промышленности и сельского хозяйства были преодолены. Основными факторами решения производственных проблем явились патриотизм, «самоотверженный и героический труд» населения Таджикистана, организаторская деятельность партии и правительства [12, с. 352, 354, 358–359].

В главе подчеркивается и массовая поддержка жителей Таджикистана борьбы против немецких захватчиков, что выразилось в активном сборе средств в фонд обороны и отправке многочисленных посылок на фронт. Указывается на активную деятельность молодых людей в комсомольско-молодежных бригадах и звеньях в разных сферах производства. Справедливо сказано об увеличении роли женщин на производстве, прежде всего в об-

ласти хлопководства и шелководства [12, с. 354, 352, 354, 358, 361].

Текст, посвященный науке и культуре Таджикистана, говорит о динамичном развитии в этой области, несмотря на войну. Например, приводятся следующие факты. Осенью 1941 г. в Душанбе начала работу эвакуированная киностудия «Союздетфильм», где впоследствии было создано несколько полнометражных игровых фильмов и первая кинокартина при участии местных актеров – «Сын Таджикистана». В 1942 г. завершено строительство в Душанбе здания театра оперы и балета, начавшего активную репертуарную деятельность [12, с. 362–363].

В последнем параграфе главы основными источниками победы, в рамках традиционного советского дискурса, названы передовой общественный и государственный строй СССР, эффективная деятельность Коммунистической партии и советского правительства, мощь советских Вооруженных сил, патриотизм граждан многонациональной страны. Указано, что 38 посланцев Таджикистана стали Героями Советского Союза, около 50 тыс. воинов республики были награждены орденами и медалями. При этом сказано, что авторитет Коммунистической партии Таджикистана возрос, и в нее вступило в период войны около 17 тысяч человек [12, с. 350–365].

В конце учебника, в разделе «Хронология истории Таджикистана», в связи с войной указано только шесть событий и дат. Во-первых, это даты и события общесоюзного (мирового) масштаба: начало и окончание Великой Отечественной войны, капитуляция Японии. Во-вторых, даты, связанные с событиями в республике: сентябрь 1942 г. – завершение строительства Большого Гиссарского канала, 1942 г. – сдача в эксплуатацию первой очереди Душанбинского текстильного комбината, 1942 г. – сдача в эксплуатацию цементного завода в Душанбе. [12, с. 441–442]. Видно, что общесоюзные (мировые) и республиканские события распределены поровну – по три. При этом все события, отмеченные в республике, относятся только к 1942 г. и связаны исключительно с экономикой.

Выводы

Следует сказать, что выход в Таджикистане подобного учебника по истории явился первым опытом в области республиканского вузовского образования. Относительно советской истории Великой Отечественной войны текст учебника выдержан в определенных идеологических рамках, которые стали характерны и для последующего времени. Практически по такой же схеме создана глава о Таджикистане военного времени (написана З. Ш. Раджабовым) в учебнике для 7–10 классов средней школы «История Таджикской ССР» (1975). Только этот текст еще проиллюстрирован несколькими фотографиями и рисунками [28].

Учебник по истории Таджикистана для вузов,

как и любое другое советское учебное пособие, выполнял прежде всего пропагандистскую и образовательную функции. Представленная в нем информация о Великой Отечественной войне отличалась следующей спецификой. Во-первых, доминировал советский дискурс о ведущей роли партии и советского государства, которых всегда поддерживает народ, поскольку они действуют на благо всего общества. При этом здесь отсутствовала идея вождизма, с преувеличенной ролью личности в истории, характерная для советского нарратива сталинского периода. Однако при этом не назывались имена партийных и государственных деятелей СССР. Партия и государство были представлены как единое и коллективное целое. Во-вторых, в учебнике в рамках советского дискурса подчеркивается значительный вклад Советского Союза в разгром нацистской Германии как главного победителя среди стран антигитлеровской коалиции. Действия главных союзников – «империалистических государств» Англии и США – признаются корыстными, отвечающими только их интересам. В-третьих, много говорится о патриотизме, героизме и самоотверженном труде «людей из народа», благодаря которым враг был разгромлен. В связи с этим часто упоминаются жители Таджикистана, отличившиеся на фронте и в тылу.

Безусловно, этот учебник являлся медийным каналом культурной памяти советского общества о прошлом Таджикистана. Данное учебное пособие являлось одним из структурных элементов в процессе формирования массового исторического знания в республике.

Литература

1. Ферро, М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира (1986) / М. Ферро ; пер. с фр. – М. : Высшая школа, 1992 – 351 с.
2. Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций / под ред. В. И. Журавлевой, И. И. Куриллы. – Волгоград : Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2009. – 406 с.
3. Сосницкий, Д. А. Учебная литература как источник конструирования коллективной памяти об отечественной истории в России второй половины XVIII в. / Д. А. Сосницкий // Genesis: исторические исследования. – 2020. – № 10. – С. 133–139.
4. Огоновская, И. С. Школьный учебник отечественной истории. Учебные издания как исторический источник / И. С. Огоновская // Документ. Архив. История. Современность. – Вып. 12. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. – С. 264–286.
5. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти (1925) / М. Хальбвакс ; пер. с фр. – М. : Новое издательство, 2007. – 348 с.
6. Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность

- в высоких культурах древности (1992) / Я. Асман ; пер. с нем. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
7. Постановление Секретариата ЦК КПСС «О мерах улучшения журнала “Вопросы истории”». 28 мая 1953 г. // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. – Т. 2. 1952–1958. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 63–64.
8. Раджабов, З. Ш. Некоторые основные задачи исторической науки в Таджикистане в свете решений XX съезда КПСС / З. Ш. Раджабов // Ученые записки Таджикского государственного университета. – 1956. – Т. XIV – С. 3–11.
9. Материалы Первой Всесоюзной научной конференции востоковедов в г. Ташкенте. 4–11 июня 1957 г. / гл. ред. Ш. Р. Рашидов. – Ташкент : Ак. наук УзССР, 1958. – 1064 с.
10. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. VII. Вып. 6 / К. П. Марсаков, Н. Н. Негматов // Советская историография Таджикистана. – Душанбе : АН Тадж. ССР Ин-т истории им. А. Дониша, 1968. – 65 с.
11. Кулиш, В. М. Советская историография Великой Отечественной войны / В. М. Кулиш // Советская историография ; под ред. Ю. Н. Афанаева. – М. : РГГУ, 1996. – С. 274–315.
12. История Таджикской ССР : учебное пособие для высших учебных заведений республики / под ред. З. Ш. Раджабова. – Душанбе : Ирфон, 1965. – 451 с.
13. Архив Российской Академии наук (РАН). – Ф. 394. – Оп. 12. – Д. 6.
14. Раджабов, З. Ш. Страницы прошлого (Из воспоминаний ветерана культурного строительства в Таджикской ССР) / З. Ш. Раджабов. – Душанбе : Ирфон, 1986. – 256 с.
15. Раджабов, З. Ш. Развитие общественной мысли таджикского народа во второй половине XIX в. и в начале XX в. : краткий очерк / З. Ш. Раджабов. – Сталинабад : Изд-во М-ва просвещения Таджикской ССР, 1951. – 42 с.
16. Некрич, А. М. Отрешись от страха. Воспоминания историка / А. М. Некрич. – London : Overseas Publications Interchange Ltd, 1979. – 414 с.
17. Раджабов, З. Ш. Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX в. : дис. ... д-ра ист. наук / З. Ш. Раджабов. – Сталинабад, 1957. – 459 с.
18. Раджабов, З. Ш. Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX вв. / З. Ш. Раджабов. – Сталинабад : Таджикгосиздат, 1957. – 459 с.
19. Хамидов, Н. А. История становления и развития исторической науки в 30–80-е гг. XX в. в Таджикистане (на примере научного наследия академика З. Ш. Раджабова) : дис. ... канд. ист. наук / Н. А. Хамидов. – Худжанд, 2009. – 178 с.
20. Сечкина, Л. П. Трудовой подвиг таджикского народа в годы Великой Отечественной войны / Л. П. Сечкина. – Сталинабад : АН Таджикской ССР, 1960. – 204 с.
21. Сечкина, Л. П. Новые данные о Героях Советского Союза – посланцах Таджикистана / Л. П. Сечкина // Таджикистан в братской семье народов : сборник статей. Вып. II ; под ред. Б. И. Искандерова. – Душанбе : Дониш, 1974. – С. 119–125.
22. Сечкина, Л. П. Доблестные сыны Таджикистана на фронтах Отечественной войны (1941–1945) / Л. П. Сечкина. – Душанбе : Дониш, 1980. – 227 с.
23. Сечкина, Л. П. Твои герои, Таджикистан (Об участниках Великой Отечественной войны из Таджикистана, удостоенных звания Героя Советского Союза) / Л. П. Сечкина. – Душанбе : Маориф, 1985. – 240 с.
24. Сечкина, Л. П. Таджикистан в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. : дис. ... д-ра ист. наук / Л. П. Сечкина. – Душанбе, 1987. – 435 с.
25. Сечкина, Л. П. Таджикистан в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 / Л. П. Сечкина. – Душанбе : Дониш, 1989. – 244 с.
26. Караев, Ф. К. Освещение Великой Отечественной войны в трудах доктора исторических наук Л. П. Сечкиной / Ф. К. Караев // Вестник Таджикского национального университета. – 2017. – № 3/4. – С. 104–108.
27. Абдулоев, К. Не стало Лидии Сечкиной – ведущего историка Таджикистана / К. Абдулоев. – URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20210112/ne-stalo-lidii-sechkinoi-vedutshego-istorika-tadzhikistana> (дата обращения: 16.07.2021).
28. История Таджикской ССР : учебник для 7–10 классов / под ред. З. Ш. Раджабова. – Душанбе : Ирфон, 1975. – 263 с.

Караев Фарход Курбанович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории таджикского народа, Таджикский национальный университет (Душанбе), e-mail: karaev.farhod@mail.ru. ORCID 0000-0003-1222-5429

Поступила в редакцию 4 октября 2023 г.

HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN A TEXTBOOK FOR HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF SOVIET TAJIKISTAN

F. K. Karaev

Tajik National University, Dushanbe, Republic of Tajikistan

The article describes and analyses the chapter on the Great Patriotic War from the textbook «History of the Tajik SSR». The textbook was published in 1965 for the higher education institutions of the republic of Tajikistan. Since the textbook was written during the «thaw» period, it reflects the situation regarding the interpretation of the postwar history after the debunking of the personality cult of I. V. Stalin. The article characterizes the structure and main plot of the chapter about the Great Patriotic War. It focuses on the scientific activities of the textbook editor Academician Z. S. Radzhabov and the author of the chapter historian L. P. Sechkina. It concludes that the textbook on the history of Tajikistan for the institutions of higher education, like any other Soviet textbook, performed primarily propaganda and educational functions. The information about the Great Patriotic War is dominated by the Soviet discourse about the leading role of the party and the Soviet government. In addition, the textbook emphasizes the significant contribution of the USSR to the defeat of Nazi Germany, as the main winner among the countries of the anti-Hitler coalition. Much was said about patriotism, heroism and the selfless work of common people thanks to whom the enemy was defeated. In this regard, the author of the chapter mentions the residents of Tajikistan who distinguished themselves both at the front and in the rear. This textbook was a media channel of the cultural memory of the Soviet society about the past of Tajikistan and contributed to the formation of mass historical knowledge in the republic.

Keywords: historiography, textbook, history of the Great Patriotic War, Soviet Tajikistan, cultural memory.

References

1. Ferro M. *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznyh stranah mira* [How History is Told to Children around the World]. M.: Vysshaya shkola, 1992. 351 s.
2. *Rossiya i SSHA na stranicah uchebnikov: opyt vzaimnyh reprezentacij* [Russia and the USA on the Pages of Textbooks: the Experience of Mutual Representations] / red. V.I. Zhuravleva, I.I. Kurilla. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo gos. un-ta, 2009. 406 s.
3. Sosnickij D.A. *Uchebnaya literatura kak istochnik konstruirovaniya kollektivnoj pamyati ob otechestvennoj istorii v Rossii vtoroj poloviny XVIII v.* [Educational Literature as a Source for the Construction of Collective Memory about National History in Russia in the Second Half of the 18th Century] // *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 2020. № 10. S. 133–139.
4. Ogonovskaya I.S. *Shkolnyj uchebnik otechestvennoj istorii. Uchebnye izdaniya kak istoricheskij istochnik* [School Textbook of National History. Educational Publications as a Historical Source] // *Dokument. Arhiv. Istorija. Sovremennost*. Vyp. 12. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2011. S. 264–286.
5. Halbvaks M. *Sotsialnye ramki pamyati* [Social framework of memory]. M.: Novoe izdatelstvo, 2007. 348 s.
6. Assman Y. *Kulturnaya pamyat. Pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokih kulturah drevnosti* [Cultural Memory. Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. M.: Yazyki slavyanskoj kultury, 2004. 368 s.
7. *Postanovlenie Sekretariata CK KPSS «O merah uluchsheniya zhurnala “Voprosy istorii”»*. 28 maya 1953 g. [Decree of the Secretariat of the Central Committee of the CPSU «On measures to improve the journal “Questions of History”». May 28, 1953] // *Akademiya nauk v resheniyah Politbyuro CK RKP(b) – VKP(b) – KPSS*. Vol. 2. 1952–1958. M.: ROSSPEN, 2010. S. 63–64.
8. Radzhabov Z.S. *Nekotorye osnovnye zadachi istoricheskoy nauki v Tadjikistane v svete reshenij XX s'ezda KPSS* [Some Main Tasks of Historical Science in Tajikistan in the Light of the Decisions of the 20th Congress of the CPSU] // *Uchenye zapiski Tadjikskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1956. Vol. XIV. S. 3–11.
9. *Materialy Pervoy Vsesoyuznoj nauchnoj konferencii vostokovedov v g. Tashkente. 4–11 iyunya 1957 g.* [Materials of the First All-Union Scientific Conference of Orientalists in Tashkent. June 4–11, 1957] / red. S.R. Rashidov. Tashkent: Ak. nauk UzSSR, 1958. 1064 s.

10. Ocherki istorii istoricheskoy nauki v SSSR [Essays on the History of Historical Science in the USSR]. Vol. VII. Vyp. 6 / K.P. Marsakov, N.N. Negmatov // *Sovetskaya istoriografiya Tadjikistana*. Dushanbe: AN Tadjh. SSR In-t istorii im. A. Donisha, 1968. 65 s.
11. Kulish V.M. Sovetskaya istoriografiya Velikoj Otechestvennoj vojny [Soviet Historiography of the Great Patriotic War] // *Sovetskaya istoriografiya*; red. Y.N. Afanasev. M.: RGGU, 1996. S. 274–315.
12. Istoriya Tadjhikskoj SSR [History of the Tajik SSR]: uchebnoe posobie dlya vysshih uchebnyh zavedenij respubliki; red. Z.S. Radzhabov. Dushanbe: Irfon, 1965. 451 s.
13. Arkhiv Rossiyskoy Akademii nauk (ARAN) [Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAS)]. F. 394. Op. 12. D. 6.
14. Radzhabov Z.S. Stranicy proshlogo (Iz vospominanij veterana kulturnogo stroitelstva v Tadjhikskoj SSR) [Pages of the Past (From the Memoirs of a Veteran of Cultural Construction in the Tajik SSR)]. Dushanbe: Irfon, 1986. 256 s.
15. Radzhabov Z.S. Razvitie obshchestvennoj mysli tadjhikskogo naroda vo vtoroj polovine XIX v. i v nachale XX v.: kratkij ocherk [The Development of Social Thought of the Tajik People in the Second Half of the XIX Century and at the Beginning of the 20th Century]. Stalinabad: Izd-vo M-va prosveshcheniya Tadjh. SSR, 1951. 42 s.
16. Nekrich A.M. Otreshis ot straha. Vospominaniya istorika [Let Go of Fear. Memoirs of a Historian]. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1979. 414 s.
17. Radzhabov Z.S. Iz istorii obshchestvenno-politicheskoy mysli tadjhikskogo naroda vo vtoroj polovine XIX i v nachale XX v. [From the History of Socio-political Thought of the Tajik People in the Second Half of the 19th and Early 20th Century]: dis ... d-ra ist. nauk. Stalinabad, 1957. 459 s.
18. Radzhabov Z.S. Iz istorii obshchestvenno-politicheskoy mysli tadjhikskogo naroda vo vtoroj polovine XIX i v nachale XX vv. [From the History of Socio-political Thought of the Tajik People in the Second Half of the 19th and Early 20th Century]. Stalinabad: Tadjhikgosizdat, 1957. 459 s.
19. Hamidov N.A. Istoriya stanovleniya i razvitiya istoricheskoy nauki v 30–80-e gg. XX v. v Tadjhikistane (na primere nauchnogo naslediya akademika Z.S. Radzhabova) [The History of the Formation and Development of Historical Science in the 30s – 80s of 20th Century in Tajikistan (on the Example of the Scientific Heritage of Academician Z.S. Radjabov)]: dis. ... kand. ist. nauk. Hudzhand, 2009. 178 s.
20. Sechkina L.P. Trudovoj podvig tadjhikskogo naroda v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Labor Feat of the Tajik People During the Great Patriotic War]. Stalinabad: AN Tadjhikskoj SSR, 1960. 204 s.
21. Sechkina L.P. Novye dannye o Geroyah Sovetskogo Soyuza – poslancah Tadjhikistana [New Data about the Heroes of the Soviet Union – Envoys of Tajikistan] // *Tadjhikistan v bratskoj sem'e narodov: sbornik statei*. Vyp. II; red. B.I. Iskanderov. Dushanbe: Donish, 1974. S. 119–125.
22. Sechkina L.P. Doblestnye syny Tadjhikistana na frontah Otechestvennoj vojny (1941–1945) [Valiant Sons of Tajikistan on the Fronts of the Patriotic War (1941–1945)]. Dushanbe: Donish, 1980. 227 s.
23. Sechkina L.P. Tvoi geroi, Tadjhikistan (Ob uchastnikah Velikoj Otechestvennoj vojny iz Tadjhikistana, udostoennyh zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza) [Your Heroes, Tajikistan (About Participants of the Great Patriotic War from Tajikistan Who were Awarded the Title the Soviet Union Hero)]. Dushanbe: Maorif, 1985. 240 s.
24. Sechkina L. P. Tadjhikistan v gody Velikoj Otechestvennoj vojny, 1941–1945 gg. [Tajikistan during the Great Patriotic War, 1941–1945]: dis. ... d-ra ist. nauk. Dushanbe, 1987. 435 s.
25. Sechkina L.P. Tadjhikistan v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. 1941–1945 [Tajikistan during the Great Patriotic War, 1941–1945]. Dushanbe: Donish, 1989. 244 s.
26. Karaev F.K. Osveshchenie Velikoj Otechestvennoj vojny v trudah doktora istoricheskikh nauk L.P. Sechkinoj [Studying of the Great Patriotic War in the works of Doctor of Historical Sciences L.P. Sechkina] // *Vestnik Tadjhikskogo nacional'nogo universiteta*. 2017. № 3/4. S. 104–108.
27. Abduloev K. Ne stalo Lidii Sechkinoj – vedushchego istorika Tadjhikistana [Lydia Sechkina, the Leading Historian of Tajikistan, has Passed away]. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20210112/ne-stalo-lidii-sechkinoi-vedushchego-istorika-tadjhikistana> (data obrashcheniya: 16.07.2021).
28. Istoriya Tadjhikskoj SSR [History of the Tajik SSR]: uchebnyk dlya 7–10 klassov / red. Z.S. Radzhabov. Dushanbe: Irfon, 1975. 263 s.

Farhod K. Karaev – Cand. Sc. (History), Associate Professor of the Department of the Tajik People History, Tajik National University (Dushanbe), e-mail: karaev.farhod@mail.ru

Received October 4, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Караев, Ф. К. История Великой Отечественной войны в учебнике для высших учебных заведений советского Таджикистана / Ф. К. Караев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 14–22. DOI: 10.14529/ssh230402

FOR CITATION

Karaev F. K. History of the Great Patriotic War in a Textbook for Higher Educational Institutions of Soviet Tajikistan. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 14–22. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230402

ХЛЕБОПЕКАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1946–1950 гг.

И. В. Рудометова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье на основе обширной источниковой базы, с введением в оборот ранее не использовавшихся документов, проводится выяснение модели экономического развития, в рамках которой функционировала хлебопекарная промышленность Челябинской области в 1946–1950 гг. С окончанием Великой Отечественной войны и началом восстановительного периода новыми задачами, стоявшими перед хлебопекарной отраслью, стали повышение качества продукции, расширение довоенного ассортимента, увеличение мощностей предприятий с целью полного удовлетворения спроса населения в хлебобулочных изделиях. В статье рассматриваются сеть, размещение, материально-техническая и сырьевая база хлебопекарной индустрии, исследуются номенклатура и объемы выпускаемой продукции, анализируется решение таких вопросов, как подготовка кадров, повышение квалификации. Автор приходит к выводам, что хлебопекарная промышленность Челябинской области в 1946–1950 продолжала существовать в мобилизационной модели экономики. Это было продиктовано тревожной международной обстановкой и внутренними факторами развития СССР. За послевоенную пятилетку хлебопекарная промышленность расширила свою сеть и мощности за счет строительства новых пекарен, печей и капитального ремонта изношенных зданий и оборудования. Производство остро нуждалось в рабочих и инженерно-технических кадрах высокой квалификации. Незирая на внимательность и поддержку со стороны партийных, советских органов, ассортимент производимой продукции оставался крайне узким и низкого качества. Это было связано с поступлением нестандартной муки, неудовлетворительной организацией производства, низкой квалификацией работников. Недостаточность транспортных средств на предприятиях приводила к задержкам в поступлении сырья, топлива. Работа треста по обучению и переподготовке рабочих важнейших профессий – хлебопеков, булочников, бракеров – осуществлялась недостаточно. Таким образом, задачи IV пятилетки хлебопекарная отрасль выполнила лишь частично, потребности населения в качественных, разнообразных хлебобулочных изделиях удовлетворялись не полностью.

Ключевые слова: хлебопекарная промышленность, Челябинская область, хлебобулочные изделия, восстановление экономики, ассортимент, качество.

Введение

Вопросы, касающиеся пищевой промышленности, актуальны на сегодняшний день. В «Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации 2020 г.» [1], в «Стратегии развития пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации на период до 2030 года» [2] ставится цель снабжения россиян безопасным, качественным и доступным продовольствием в ассортименте и объемах, обеспечивающих рациональные нормы потребления пищевой продукции. Для прояснения сегодняшних установок необходимо исторический взгляд в прошлое, включая советский период.

После завершения Великой Отечественной войны хлебопекарные предприятия треста «Росглавхлеб» располагались в основном в промышленных городах: Челябинске, Троицке, Магнитогорске, Златоусте, Миассе, Копейске, Каслях, Сатке, Симе, Коркино, Усть-Катаве, В. Уфалее, Кыштыме, Аше, Миньяре и др. Объединение «Росглавхлеб» насчитывало в своем составе 24 хлебопекарных предприятия различной мощности. В сельской местности хлеб выпекали предприятия потребительской кооперации и районные пищевые комбинаты [3, л. 98].

К этому времени в хлебопекарной отрасли Челябинской области трудились 4009 человек. Среди них рабочих насчитывалось 2450, инженерно-технических работников – 180, служащих – 444, учеников – 65, младшего обслуживающего персонала – 204, непромышленная группа исчислялась 600 работниками. Управлял объединением «Росглавхлеб» Мартынов, главным инженером числился Гончаров, начальником планово-экономического отдела – Андреев [3, л. 103]. Именно этим трудящимся и управленцам предстояло выполнить задачи по восстановлению и развитию хлебопекарной промышленности Челябинской области.

Хронологические рамки данного исследования объясняются годами пятилетнего плана (1946–1950), именуемыми как восстановительный период. Территориально изучение проблемы ограничивается Челябинской областью, поскольку регион в военный период был тыловым и имел свои особенности реконструкции народного хозяйства. Кроме того, в архивах представлен материал, позволяющий решить поставленную научную проблему.

Целью данной статьи является выяснение на материалах Челябинской области того, в какой модели экономического развития функциони-

рвала хлебопекарная промышленность (как крупнейшая отрасль в пищевой) после войны: насколько использовались мобилизационные возможности советской экономики, было ли движение в сторону социально-ориентированной экономики.

Обзор литературы

Между тем, описание деятельности хлебопекарных предприятий Челябинской области в послевоенный период совершенно не репрезентировано в отечественных и зарубежных изысканиях. Сведения о пищевой индустрии, содержащиеся в нескольких советских работах общесоюзного [4–7] и регионального [8] значения, излагались в виде попутных, неосновных сюжетов обобщенных тем: истории промышленности, рабочего класса, роли партии в восстановительный период. Особого внимания заслуживает публикация министра пищевой промышленности СССР В. П. Зотова [9], в которой автор подробно изложил задачи, стоявшие перед пищевой индустрией в 1946–1950 гг., осветил пути их достижения. Также стоит указать серию работ по исследованию пищевой промышленности СССР [10, 11]. В них разъясняются некоторые вопросы восстановления пищевой индустрии в наиболее пострадавших регионах СССР и РСФСР. Хлебопекарная отрасль Урала, тем более Челябинской области, в указанных трудах даже не упоминается.

К. Е. Филатов в своем исследовании [12] подчеркнул, что сдерживающее влияние на развитие пищевой индустрии в начале IV пятилетки оказал неурожай 1946 г. По его мнению, высокими темпами пищевая промышленность начала развиваться только с 1947 г., а к концу 1950 г. был преодолен уровень 1940 г. по выпуску важнейших продуктов питания. Подобные выводы прозвучали в коллективном труде Л. В. Опацкого, А. С. Шатхана, Н. А. Петрова [13]. Кроме того, авторы утверждали, что промышленное производство продуктов питания в 1950 г. сохранялось на невысоком уровне и значительно отставало от предъявляемого спроса.

В постсоветской историографии появились работы зарубежных авторов [14–16], в которых говорилось о том, что в первые послевоенные годы Советский Союз вернулся к модели экономического развития, свойственной для 1930-х гг. Выделяя причины этого явления, Н. Верт указывает на увеличение международной напряженности в 1946–1947 гг., низкий урожай 1946 г., укрепление позиций консервативных руководителей промышленности. В это же время западные историки дают положительную оценку намерению советских управленцев добиться повышения выпуска товаров народного потребления. С точки зрения Н. Верта, большинство сложностей в возрождении советской экономики в годы четвертой пятилетки увязано с волонтаристской переоцен-

кой параметров пятилетнего плана, что перекликалось с обстановкой начала 1930-х гг.

Интересен автореферат В. В. Дроздова по зарубежной историографии [17], в котором выделена глава, касающаяся советской экономической политики в последние годы жизни И. В. Сталина. Автор показал трактовку зарубежными авторами плана четвертой пятилетки и изменений в государственном управлении экономикой.

Современная историческая наука пополнилась работами регионального масштаба [18, 19], в которых авторы на примере пищевых предприятий Пскова и Мордовии описали трудности восстановительного периода. П. В. Евдокимов [18] подчеркнул, что «...основной упор делался на развитие металлообработки и машиностроения, но при этом вступали в строй и предприятия пищевой промышленности».

Исследований на материалах Челябинской области автором не обнаружено.

Методы исследования

Теоретическую основу исследования составила гипотеза о мобилизационном характере советского общества. В изыскании нашли применение такие методы, как факторный, сравнительно-исторический, статистический.

Результаты и дискуссия

Вскоре после завершения военного периода на заседании бюро Челябинского обкома ВКП (б) от 29 июня 1945 г. отмечалось, что хлебопекарные предприятия в ряде городов и районов значительно износились, многие хлебозаводы и пекарни не подготовлены к выработке широкого ассортимента хлебобулочных изделий, удовлетворяющих запросы населения в мирное время, и требуют серьезного ремонта, расширения и переоборудования. На этом же бюро была поставлена задача увеличить производственно-техническую мощность хлебопредприятий области с 1100 до 1460 тонн в сутки за счет нового строительства хлебозаводов и капитального ремонта изношенных зданий и оборудования [20, л. 7, 7 об.]. В 1946–1947 гг. проектировалось введение новых мощностей: по г. Челябинску – 160 тонн в сутки (вблизи металлургического завода, в Тракторозаводском и Ленинском районах), по городам Челябинской области – 200 тонн ежесуточно, в том числе по Копейску – 50 тонн, Магнитогорску – 30, по Златоусту – 20, Коркино – 20, Каслям – 15, Троицку, Уфалею, Усть-Катаву, Катав-Ивановску, Симу – по 10 тонн (всего 13 новых хлебозаводов). Это обеспечило бы удовлетворение потребности населения в хлебобулочных изделиях (расчет был 600 г ежедневно на человека). Впоследствии плановые показатели были пересмотрены, и проект суточного прироста мощностей был снижен до 300 тонн [3, л. 122].

В марте 1946 г. Сессия Верховного Совета СССР приняла пятилетний план восстановления

и развития народного хозяйства на 1946–1950 гг. Этот план предполагал превышение довоенного уровня народного дохода и потребления, для этого нужно было максимально поднять пищевую индустрию, воссоздать довоенный ассортимент и увеличить качество продукции [21, с. 251, 252, 254].

В соответствии с задачами восстановительного периода, в четвертой пятилетке планировалось инвестировать большой объем капитальных затрат (17,1 млн руб.) в предприятия треста «Росглавхлеб». Наибольший размер вложений намечался в строительство и реконструкцию хлебозаводов Челябинска (6165 тыс. руб.), Магнитогорска (2900 тыс. руб.), Копейска (2500 тыс. руб.), Миасса (1650 тыс. руб.), Коркино (1180 тыс. руб.) и Златоуста (1 млн руб.) [3, л. 96; 22, л. 48].

В план реорганизации включался ремонт или замена различных печей, тестомесилок, дежей (деревянные кадушки для приготовления теста), тестоделителей, опрокидывателей, вагонеток [3, л. 98; 23, л. 14].

Директорам хлебозаводов и пекарен были даны поручения в июле–сентябре 1945 г. провести капитальный и текущий ремонт всех существующих предприятий, для этого объединению «Росглавхлеб» выделяли необходимое количество стройматериалов (лес, кирпич, кровельное железо, стекло). Секретарей местных ГК ВКП(б) обязали ежедневно контролировать реконструкцию и строительство хлебопекарных предприятий, оказывать помощь руководителям строительства и директорам предприятий [20, л. 9, 9 об.].

Невзирая на данные поручения, на заседаниях Челябинского областного исполкома от 21 марта, обкома партии от 4 июля 1946 г., 10 сентября 1947 г., отмечалась неудовлетворительная работа хлебопекарных предприятий по реконструкции. Так, к 15 августа 1947 г. прирост суточной мощности пекарен составил 198 тонн вместо планируемых 300 тонн. Это было достигнуто за счет восстановления существующих и ввода в действие 26 новых печей на предприятиях треста «Росглавхлеб», а также строительства трех пекарен ежесуточной мощностью 10 тонн каждая в Коркино, Копейске, Еманжелинске. На заседании бюро Челябинского обкома ВКП (б) от 10 сентября 1947 г. подчеркивалось, что отдельные горкомы партии (гг. Кыштым, Касли, В. Уфалей) не контролируют ход строительства и пуск новых печей на хлебозаводах, не оказывают практическое содействие руководителям хлебопекарен. Также отсутствовала помощь со стороны заинтересованных организаций (директоров заводов тяжелой промышленности, вблизи которых строились хлебопекарни), монтажных управлений в изготовлении и установке технологического оборудования. По этой причине постановление обкома партии от 29 июня 1945 г. по увеличению мощностей хлебопекарных

предприятий было не выполнено в отдельных городах [24, л. 18–25; 25, л. 79, 81; 26, л. 6].

Несвоевременно выполнялась и работа по обновлению оборудования на производствах. В марте 1947 г. контролер государственной хлебной инспекции Черезова отмечала следующие нерешенные материально-технические вопросы на челябинских хлебозаводах № 1, 2: износ деталей механизмов печей, неисправность весов, изношенность вагонеток и полок в экспедиции, ветхость дежей, отсутствие стеллажей на мучном складе [27, л. 93].

Отследить дальнейшее увеличение мощностей, результаты реконструкции хлебопекарных предприятий не представляется возможным из-за отсутствия информации в архивных фондах. Известно лишь, что в конце 1950 г. в области размещалось 30 предприятий [28, л. 48]. Исходя из этих данных, можно подытожить, что за годы IV пятилетки было построено 6 новых объектов хлебопекарной промышленности из запланированных тринадцати, т. е. задание по строительству новых предприятий было выполнено лишь частично.

С наступлением мирного времени на заседании бюро Челябинского обкома ВКП (б) от 29 июня 1945 г. были даны распоряжения по сырьевой базе хлебопекарных предприятий – мукомольной промышленности: предприятия треста «Главмука» должны были перейти на сортовые помолы для выработки муки повышенного качества (мельзаводы № 1, 2 Челябинска, мельзаводы № 10 Магнитогорска, № 9 Троицка, утверждались объемы суточной выработки муки, при некоторых мельницах планировалось построить элеваторы (мельзавод № 1 Челябинска), зерносушилки (мельзавод № 3, крупозавод № 8 в Челябинске). В ряде районов планировалось построить мельницы (Еткульском, Нязепетровском, Полтавском), 9 крупощехов (в селах Ларино, Кизил, Октябрьское, Чудиновское). Наркопищепром РСФСР должен был выделить оборудование для мукомольно-крупяного производства [20, л. 9 об., 10].

Партийные, советские и хозяйственные организации выражали поддержку предприятиям в получении сырьевых материалов. Классическим методом оставались обращения в вышестоящие партийные, государственные и хозяйственные органы. Так, при хлебопекарнях в соответствии с постановлениями бюро обкома партии от 23 января 1946 г., 23 января 1947 г., 30 октября 1950 г. создавались неснижаемые запасы муки. 30 октября 1950 г. обком партии просил Совет министров СССР о выделении 60 тонн растительного масла, 450 тонн сахара, 60 тонн маргарина, 30 тонн изюма, 10 тонн мака, 16 тонн меланжа [23, л. 14; 28, л. 53; 29, л. 40].

Сложная ситуация с поставками основного сырья на хлебопекарных предприятиях сложилась к осени 1946 г. По причине засухи в 1946 г. хлебные ресурсы государства снизились. В связи

с этим высшие партийные и советские органы признали необходимым пойти на некоторые уменьшения в расходовании хлеба. В соответствии с постановлением Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) и последующего решения Челябинского облисполкома и обкома партии от 30 сентября 1946 г., с 1 октября расход хлеба по нормированному снабжению населения был сокращен на 30 % (за счет снятия со снабжения или уменьшения норм для некоторых категорий граждан), уменьшен отпуск крупы по основным карточкам с заменой картофелем, снижено производство сортовой и белой муки и увеличен выпуск муки обойного (грубого) помола [30, л. 8, 9].

Следующей мерой для экономии хлебных резервов стало постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) от 18 октября 1946 г. и последующая резолюция бюро обкома партии от 22 октября, согласно которым с 1 ноября 1946 г. при выпекании хлеба примесь фуражных культур (овсяной, ячменной и кукурузной муки) должна была составлять 40 %, припек хлеба необходимо было поднять на 1 %, прекращалась выпечка подового хлеба, выход муки при обойном помоле должен был возрасти с 98 до 99 % [31, л. 31].

В целях сбережения хлебных ресурсов было приказано тщательно выбивать муку из мешков и собирать хлебные крошки, образующиеся при перевозке хлеба в торговые организации или при резке хлеба (стандартная булка хлеба того времени весила 2 кг). В дальнейшем хлебные крошки использовались как для пищевых, так и для кормовых (в случае засорения) целей [27, л. 85; 29, л. 39].

Партийные, хозяйственные органы осуществляли постоянную проверку исполнения принятых решений. Кроме того, выполнение постановлений об экономии хлебных резервов взял под свой личный контроль уполномоченный комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Челябинской области (в разное время эту должность занимали Кучмистый, А. Н. Бакин). Именно на имя уполномоченного с ноября 1946 г. по апрель 1947 г. хозяйственные организации присылали справки о ежемесячном расходе муки и крупы, пятидневные отчеты реализации пайкового и коммерческого хлеба, размеры его экономии по городам и районам области, количество выданных хлебных карточек и талонов [27, л. 1, 2, 6, 9].

Кроме того, в практику работы хлебного треста был введен ежедекадный и ежемесячный анализ деятельности предприятий по вопросам экономии ресурсов и сокращения производственных потерь, а также внезапные ревизии хлебозаводов и экспедиций. Директора хлебопекарен присылали данные о припеке хлеба, примесях фуражных культур в муке, выходах муки при размоле, естественных убылях при хлебопечении, экономии хлеба [27, л. 58, 61, 87].

Так, проверкой было установлено, что в ноябре 1946 г. примеси фуражных культур при выпекании хлеба составили 29,4 %, в декабре – 35 %, причем в одних районах (Миньяр, Копейск) хлеб выпекался из муки без примеси, в других (Кыштым, Карабаш, Нязепетровск) из одной овсяной муки. Причинами указанных фактов были необеспеченность предприятий фуражной мукой со стороны снабжающих организаций и слабая партийно-политическая работа среди трудящихся, занятых в хлебопечении [29, л. 38, 39; 32, л. 248].

Принятые меры и усиление контроля давали свои положительные результаты. Так, уже в январе–феврале 1947 г. примеси фуражных культур по тресту составили необходимые 40 %. Количество брака уменьшилось, к примеру, на челябинских хлебопекарных предприятиях в ноябре 1946 г. брак составлял 0,41 %, а в феврале 1947 г. – 0,25 %. Экономия муки по тресту в I квартале составила 162 тонны [27, л. 87, 90, 97].

Оснащенность транспортными средствами на хлебопекарных предприятиях была недостаточной. Так, в октябре 1945 г. на балансе треста «Росглавхлеб» числилось 163 лошади и 14 грузовых автомашин. Потребности же были намного больше. Машины имелись лишь на предприятиях крупных городов: Челябинска, Магнитогорска, Копейска, Кусы, В. Уфалея, Кыштыма. Транспорт был необходим главным образом для подвоза муки и топлива. За послевоенную пятилетку планировали приобрести еще 17 грузовых машин и 63 лошади, при этом некоторые предприятия небольших городов так и должны были функционировать без автомашин (Бакал, Сатка, Юрюзань, Аша, Миньяр и др.) [3, л. 99]. Этот факт служил частой причиной несвоевременного завоза топлива и муки на предприятия, неисполнения производственного плана, приводил к перебоям в обеспечении населения хлебобулочными изделиями. Партийные органы 30 октября 1950 г. просили министра пищевой промышленности СССР Павлова выделить тресту 20 грузовых автомашин, в том числе 6 специализированных для перевозки хлебобулочных изделий, а также запасные части и автопокрышки [26, л. 6; 20, л. 54; 33, л. 14]. Таким образом, и к окончанию IV пятилетки транспортные затруднения оставались актуальными.

Между тем, объединение «Росглавхлеб» числилось в списке организаций, у которых в соответствии с распоряжениями Челябинского горисполкома от 3 марта 1946 г., 28 апреля 1947 г., 30 сентября 1948 г. легковые автомобили относились к первой группе на право расходования горючего. Всего по тресту числилась одна такая машина марки ГАЗ-А. По всей видимости, это была служебная машина управляющего Мартынова. Также необходимо отметить, что в указанном перечне числились партийные, советские, хозяйственные организации, от пищевых были представлены

только изучаемое объединение «Росглавхлеб» и молококомбинат [34, л. 44; 35, л. 61; 36, л. 181]. Этот факт говорит о значимости этой отрасли промышленности в исследуемый период.

Актуальной проблемой для хлебопекарной индустрии в течение всего послевоенного времени была нехватка топлива: уголь по фондам отгружался не полностью, для завоза местного топлива (дров) транспортных средств было недостаточно. Вопрос оснащённости топливом хлебопекарных предприятий решался на заседаниях бюро обкома партии: пекарням отводились лесосеки в близлежащих участках, например, в январе 1946 г. Усть-Катавскому хлебообъединению выделили участок в 3500 кубометров, Катавскому – в 2000 кубометров. Кроме того, партийные органы давали распоряжения о выделении из колхозов и артелей района лошадей для подвоза топлива. Облисполком в марте 1946 г. обязывал создавать месячный запас топливных ресурсов на всех предприятиях [26, л. 60б.; 37, л. 22]. В марте 1946 г. облисполком, а в январе 1947 г. обком партии обращался в министерство пищевой промышленности РСФСР с просьбой ежемесячно выделять хлебопекарным организациям области 2000 тонн угля [26, л. 7 об.; 29, л. 41]. Несмотря на принимаемые меры, простой в работе хлебопекарен по причине отсутствия топлива все же случались.

Сложности, связанные с недостаточным материальным обеспечением изучаемой отрасли, приводили к крахам сырья, строительных материалов, готовой продукции. Эти факты происходили по причине неудовлетворительно организованной охраны предприятий, отсутствия надлежащих заграждений, недостаточного учета на производстве. Зачастую воровство учиняли сами бойцы охраны [27, л. 114, 141; 32, л. 243].

На предприятиях треста «Росглавхлеб» выпекали следующие изделия: ржаной хлеб, пшеничный, смешанный хлеб (из муки I и II сорта), бараночные изделия, сухари сдобные, гренки, пироги, пирожки, пряники, коврижки, кексы. За послевоенную пятилетку объем почти всего ассортимента должен был увеличиться, достигнуть довоенного уровня выпуска или даже перегнать его. Например, пшеничного хлеба в 1940 г. произвели 106914 тыс. тонн, в 1945 г. – 71184 тыс. тонн, а в 1950 г. ожидали выпечки в 158772 тыс. тонн; сухарей сдобных в 1940 и 1945 г. вообще не производили (их изготавливали только в 1942 – 44 тыс. тонны, в 1943 – 21 тыс. тонн, в 1944 – 6 тыс. тонн), а в 1950 г. планировали изготовить 18 тыс. тонн; пирожных и тортов в 1940 г. произвели 20,2 тыс. тонн, в 1945 г. – 4 тыс. тонн, на 1950 г. стоял план в 25 тыс. тонн. Некоторые позиции довоенной и военной номенклатуры должны были исчезнуть из послевоенного производства (к примеру, овсяный хлеб, его производили только в 1943–1945 гг.), или постепенно должны были уменьшиться объе-

мы выпуска за счет расширения ассортимента (например, ржаного хлеба в 1940 г. изготовили 43760 тыс. тонн, в 1945 г. – 38510 тыс. тонн, на 1950 г. планировали 32 тыс. тонн). Всего объем производства в 1940 г. составил 264630,7 тонн, в 1945 – 209387 тонн, в 1950 проектировалось 369015 тонн продукции. Валовая продукция в стоимостном выражении в 1940 г. имела в сумме 47966 тыс. руб., в 1945 г. – 45364 тыс. руб., в 1950 г. намечалось выработать изделий на 70 млн руб. [3, л. 100, 101]. Готовая продукция распределялась по торговым организациям в соответствии с ежемесячными решениями горисполкомов [38, л. 46, 103, 439; 39, л. 40].

Незирая на внимательность партийных, советских органов к вопросу ассортимента хлебопекарных предприятий в течение всей послевоенной пятилетки, на заседании бюро Челябинского обкома партии от 30 октября 1950 г. подчеркивалось, что набор производимых изделий крайне узок, булочные изделия (сухари, городская булка, сдоба, баранки и др.) производятся в ограниченных размерах. Причинами этого были мука низкого качества и неудовлетворительное руководство предприятиями со стороны как управляющего трестом «Росглавхлеб», так и директоров заводов [28, л. 48].

Вопросы качества выпускаемой продукции часто затрагивались на заседаниях Челябинского обкома ВКП (б) (от 23 января 1946 г., 23 января 1947 г., 10 сентября 1947 г., 30 октября 1950 г.) и облисполкома (от 21 марта, 14 августа 1946 г.). Отмечалось, что хлеб поступает в торговую сеть недоброкачественным (пресным, сырым, загрязненным, деформированным), высок процент производственного и экспедиционного брака. Госсан инспекция слабо контролировала качество выпускаемого хлеба, недостаточно следила за санитарным состоянием предприятий. Химические анализы на добротность хлеба зачастую не проводились. Отсутствовала надлежащая проверка со стороны бракеров экспедиций хлебозаводов. Заводские лаборатории слабо контролировали соблюдение установленной технологии и рецептуры.

Одной из главных причин низкого качества продукции было то, что мельзаводы допускали отгрузку некачественной муки – нестандартной, затхлой, с повышенным процентом влажности, низким процентом клейковины, с посторонними примесями. Также в числе причин отмечалась неудовлетворительная организация производства, нарушение технологического процесса, низкий уровень технического руководства (сказывалась нехватка инженерно-технических работников), недостаточная квалификация бракеров. Принимались решения для исправления данных недостатков, но на протяжении изучаемого периода эти проблемы всегда оставались актуальными [23, л. 11; 25, л. 73; 26, л. 6, 7, 47; 28, л. 48; 29, л. 39].

Низкое качество выпускаемых изделий было связано и с недостаточной обеспеченностью работников спецодеждой. Ее остро не хватало, отсутствовали сменные комплекты. Просьбы о выделении хлопчатобумажной ткани для пошива экипировки рабочим были отправлены в адрес министра пищевой промышленности РСФСР С. Д. Романычева в марте и августе 1946 г. Очевидно, эти прошения оставались без удовлетворения, поскольку и в I квартале 1947 г. потребность в тканях составляла 10 тыс. метров [26, л. 7 об.; 27, л. 97; 29, л. 41; 39, л. 145].

Выявленные источники не дают возможности определить перемены в общем количестве трудящихся хлебопекарной промышленности Челябинской области в период 1945–1950 гг. Статистические данные, указанные в архивных документах, дают шанс продемонстрировать только совокупные параметры кадровой структуры по состоянию на конец 1945 г. К данному периоду в хлебопекарной отрасли трудилось 4009 человек. Штат работников на предприятиях утверждался наркоматом (затем министерством) пищевой промышленности и получал отражение в планах по труду. Направляемые в Управление пищевой промышленности планы по труду содержали в себе также величины средней выработки на одного рабочего, валовой продукции, фонда заработной платы, численность персонала по группам [3, л.103].

Промышленно-производственный штат охватывал рабочих, учеников, инженерно-технических работников, служащих, младший обслуживающий персонал. Должности директоров предприятий в апреле 1947 г. занимали исключительно члены партии [27, л.100].

Непромышленная группа рабочих складывалась из таких классов, как занятые на транспорте, в жилищно-хозяйственных, культурно-бытовых учреждениях, в пожарной охране, торговых точках и пр.

На хлебозаводах существовали следующие должности: директор, начальники отдела кадров, службы технического контроля, административно-хозяйственного отдела, кладовщик, заведующий экспедицией, весовщик контрольных весов, бракеры, санитарный врач, охранники, экспедитор, мукосев, тестомес, слесарь, технолог, шофер [27, л. 71].

Значительное внимание уделялось делу подготовки кадров. Обучение вновь принимаемых рабочих проводилось на курсах техминимума и через школу ФЗУ, которая ежегодно выпускала 100–120 специалистов-хлебопеков. Но этого было недостаточно, поэтому обком партии на своих заседаниях давал распоряжения о дополнительной подготовке специалистов, так, постановлением от 4 июля 1946 г. трест «Росглахлеб» был обязан подготовить 450 хлебопеков в течение второго полугодия 1946 г. [24, л. 25; 27, л. 97].

Однако руководящий состав хлебообъединения не всегда тщательно выполнял указания партийных органов по этому вопросу. К примеру, на заседании бюро Челябинского обкома партии от 30 октября 1950 г. подчеркивалась слабая работа треста по подготовке и переподготовке рабочих основных профессий: хлебопеков, булочников, бракеров. Кроме того, не работали стахановские школы, кружки по изучению технического минимума, курсы по освоению новой техники [28, л. 49].

Для хлебопекарных объектов промышленно-сти был свойственен недостаток квалифицированных кадров. Так, на заседании бюро Челябинского обкома ВКП (б) от 30 октября 1950 г. отмечалось, что предприятия не обеспечены инженерно-техническими кадрами, при наличии 30 производств имелось всего 3 специалиста с высшим образованием. Должности директоров и главных инженеров хлебозаводов были укомплектованы практиками, не имеющими специального образования. В результате этого медленно осваивалось новое оборудование, поступающее на заводы, нарушалась технология производства и рецептура изделий. Предпринимались меры для улучшения ситуации, например, 30 октября 1950 г. партийные органы обращались с просьбой к министру пищевой промышленности СССР Павлову направить на предприятия треста 10 инженеров и 12 специалистов-технологов [28, л. 49, 54].

Хлебопекарни ощущали нехватку рабочих кадров, особенно это имело место в первые послевоенные годы, поскольку на производства к июлю 1946 г. до сих пор не была возвращена рабочая сила, мобилизованная во время Великой Отечественной войны [23, л. 14; 24, л. 25]. В середине 1945 г. в тресте числилось 4009 работающих (из них рабочих – 2450), за пятилетку их количество должно было возрасти до 5545 человек, но по прошествии двух послевоенных лет, в IV квартале 1947 г. число работающих, наоборот, уменьшилось и составило 4000 человек. А в соответствии с планом III пятилетки оно должно было увеличиться к этому времени до 4856 человек [3, л. 103; 27, л. 97].

Средняя годовая зарплата рабочих хлебообъединения в 1945 г. составила 3450 рублей (в 1940 г. – 3136), к 1950 г. намечался рост до 3511 рублей (111,9 % к 1940 г.). При этом наиболее высокой годовой зарплатой в 1945 г. была у инженерной группы – 8366 руб., меньше всех зарабатывали ученики – 1307 руб., доход служащих составил 4524 руб., младшего обслуживающего персонала – 1888, непромышленная группа получила годовое жалование в размере 2786 руб. [3, л. 103]. Для сравнения, средняя зарплата работников областной пищевой промышленности (иная ведомственная принадлежность) в 1945 г. насчитывала 2575 руб., работников районной пищевой промышленности – 2637 руб. [40, л. 51, 52].

Партийные и хозяйственные организации оказывали содействие хлебопекарным предприятиям в продовольственном и промтоварном снабжении рабочих. Так, в соответствии с постановлением бюро обкома партии от 4 июля 1946 г. работающим должны были выделить в III квартале 1946 г. хлопчатобумажной ткани на 50 тыс. рублей, шелка на 10 тыс. руб., шерсти на 15 тыс. руб., кожаной обуви на 20 тыс. руб., табачных изделий на 50 тыс. рублей [24, л. 25].

Политико-массовая работа выполнялась на предприятиях членами и кандидатами в члены партии. Их прикрепляли к сменам для проведения политических бесед. Так, в марте 1947 г. на хлебозаводе № 2 г. Челябинска проводились разговоры на следующие темы: совещание министров по германскому вопросу, обсуждение соцобязательств и заключение соцдоговоров, призыв ленинградских рабочих к воплощению плана к 30-й годовщине октября, борьба с потерями, хищениями хлеба, экономия и качество хлеба. Также проводилась читка газет по разным вопросам. Учет коммунистов и комсомольцев на объектах хлебообъединения не осуществлялся [27, л. 72].

Социалистические соревнования между бригадами на производствах реализовывались, но не везде подводились их итоги (хлебокомбинат № 1 г. Челябинска) [27, л. 142].

В дальнейшем некоторым хлебопекарням удавалось перевыполнить план и быть в числе передовых предприятий, которым обком партии и облизполком вручали Красные знамена. Так, в мае 1949 г. таковым являлся Челябинский хлебозавод № 2. Также были отмечены Ашинский (выполнение плана на 127,2 %), Копейский (122,7 %) и Челябинский № 4 (112,5 %) хлебозаводы. За хорошую работу в августе 1949 г. были выделены хлебозаводы № 1, 2, 3 г. Челябинска, хлебозаводы в г. Златоусте, с. Бреды, с. Полтавка [41, л. 36, 47; 42, л. 174, 175].

К сожалению, не все трудящиеся были активны лишь в положительном ключе. В архивных документах имеют место данные о таких случаях, как безнравственное поведение работников, злоупотребление своим должностным положением, незаконные растраты хлеба. Так, по распоряжению руководителя пекарни № 1 г. Челябинска в марте 1947 г. зарплата временным рабочим давали не только деньгами, но и печеным хлебом. Кроме этого, хлебом рассчитывались за работу маникюрши, которая приглашалась на предприятие и обслуживала руководящий состав. В дальнейшем всех замешанных лиц освободили от занимаемых должностей.

Отдельные работающие осуществляли кражи на производствах. Например, в январе 1947 г. по челябинским предприятиям было зафиксировано 17 случаев хищений в размере 32 кг хлеба. В феврале 1947 г. десять сотрудников Челябинско-

го хлебозавода № 2 были осуждены за воровство трех булок хлеба. Наказания были различными: увольнение, административные взыскания, судимость [27, л. 87, 152, 206]. Кражи случались не только на территории производств, к примеру, в ноябре 1946 г. по г. Челябинску имелись случаи ограбления хлебных повозок (при транспортировке хлеба с пекарен в торговые организации) [27, л. 81].

Выводы

Анализ исследованных материалов позволяет заявить, что хлебопекарная индустрия Челябинской области в 1946–1950 гг. продолжала функционировать в мобилизационной модели экономики. Это было продиктовано тревожной международной обстановкой и внутренними факторами развития СССР.

Таким образом, за период 1946–1950 гг. хлебопекарная индустрия Челябинской области пополнила свою сеть и мощности за счет строительства новых предприятий, печей и реконструкции изношенных зданий и оборудования. Производству остро не хватало рабочих и высококвалифицированных технических кадров. Номенклатура вырабатываемой продукции оставалась очень узкой, продукция была низкого качества. Это было сопряжено с завозом нестандартной муки, неудовлетворительной организацией производства, недостаточной квалификацией работников. Нехватка транспортных средств на предприятиях порождала задержки в поставках сырья, топлива. Деятельность треста по обучению и переподготовке рабочих основных профессий – хлебопеков, булочников, бракеров – была ограниченной. То есть задачи IV пятилетки хлебопекарная промышленность реализовала лишь частично, спрос населения на качественные, разнообразные хлебобулочные изделия удовлетворялся не полностью. Причинами этого явился неурожай 1946 г., нехватка квалифицированных управленцев и работников, несвоевременное реагирование министерства на просьбы предприятий.

Литература

1. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации. – М., 2020. – URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/3e5/3e5941f295a77fdcfed2014f82ecf37f.pdf?ysclid=lj6f0dm5su51115582> (дата обращения: 22.06.2023).
2. Стратегия развития пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации на период до 2030 года. – URL: <https://barley-malt.ru/wp-content/uploads/2019/11/proekt-strategyu-razvytija-pyschevoj-y-pererabatyvajuschej-promyshlennosti-rf.pdf?ysclid=lj6h34t9p9107983029> (дата обращения: 22.06.2023).
3. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Ф. Р-804. – Оп. 8. – Д. 193.
4. История народного хозяйства СССР (1917 –

1959 гг.) : учебное пособие для экономических вузов / под ред. проф. А. П. Погребинского. – М. : Высшая школа, 1960. – 260 с.

5. История народного хозяйства СССР : курс лекций. – М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1960. – 663 с.

6. Экономическая жизнь СССР : Хроника событий и фактов 1917–1965 гг. : в 2 кн. / гл. ред. С. Г. Струмилин. Кн. 1. 1917–1950. – М. : Советская энциклопедия, 1967. – 440 с.

7. Рабочий класс СССР в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945–1960. Т. 4. – М. : Наука, 1987. – 520 с.

8. Уральский, М. И. Деятельность партийных организаций Челябинской области по перестройке промышленности в послевоенный период / М. И. Уральский // Социалистическое строительство на Урале : сборник научных трудов № 154. – Челябинск, 1974. – С. 124–135.

9. Зотов, В. Послевоенные перспективы пищевой промышленности / В. Зотов // Плановое хозяйство. – 1945. – № 5. – С. 15–24.

10. Развитие пищевой промышленности и экономия общественного труда в СССР. – М. : Изд-во экономической литературы, 1962. – 195 с.

11. Пищевая промышленность СССР за 60 лет Советской власти. – М., 1978. – 81 с.

12. Филатов, К. Е. Основные этапы развития пищевой промышленности в СССР / К. Е. Филатов ; под ред. А. С. Шатхана. – М., 1965. – 200 с.

13. Пищевая промышленность СССР / предисл. А. И. Микояна ; гл. ред. В. П. Зотов. – М. : Пищевая промышленность, 1967. – 535 с. : ил.

14. Верт, Н. История советского государства. 1900–1991 / Н. Верт ; пер. с фр. – М. : Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. – 480 с.

15. Боффа, Дж. История Советского Союза / Дж. Боффа ; пер. с итал. – М., 1994. – Т. 2. – 627 с.

16. Хоскинг, Дж. История Советского Союза, 1917–1991 / Дж. Хоскинг ; пер. с англ. – М. : Вагриус, 1994. – 510 с.

17. Дроздов, В. В. Современная зарубежная историография экономической политики СССР

в 1946–1985 гг. : автореф. дис. ... д-ра экон. наук / В. В. Дроздов. – М., 1998. – 40 с.

18. Евдокимов, П. В. Предприятия пищевой промышленности Пскова в первые послевоенные годы (1945 – начало 1950-х гг.) / П. В. Евдокимов. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predpriyatiya-pischevoy-promyshlennosti-pskova-v-pervye-poslevoennye-gody-1945-nachalo-1950-h-gg/viewer> (дата обращения: 22.06.2023).

19. Пыков, А. М. Пищевая промышленность Мордовской АССР в послевоенный период (1946–1950 годы) / А. М. Пыков. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pischevaya-promyshlennost-mordovskoy-assr-v-poslevoennyi-period-1946-1950-gody/viewer> (дата обращения: 22.06.2023).

20. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Ф. П-288. – Оп. 9. – Д. 51.

21. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сборник докладов за 50 лет : в 5 т. Т. 3. 1941–1952 гг. / сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. – М. : Политиздат, 1968. – 754 с.

22. ОГАЧО. – Ф. Р-804. – Оп. 2. – Д. 80.

23. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 10. – Д. 18.

24. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 10. – Д. 58.

25. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 11. – Д. 70.

26. ОГАЧО. – Ф. Р-804. – Оп. 8. – Д. 217.

27. ОГАЧО. – Ф. П-297. – Оп. 2. – Д. 967.

28. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 14. – Д. 100.

29. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 11. – Д. 13.

30. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 10. – Д. 79.

31. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 10. – Д. 85.

32. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 10. – Д. 96.

33. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 9. – Д. 62.

34. ОГАЧО. – Ф. Р-220. – Оп. 6. – Д. 116.

35. ОГАЧО. – Ф. Р-220. – Оп. 7. – Д. 24.

36. ОГАЧО. – Ф. Р-220. – Оп. 12. – Д. 12а.

37. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 10. – Д. 19.

38. ОГАЧО. – Ф. Р-220. – Оп. 6. – Д. 97.

39. ОГАЧО. – Ф. Р-220. – Оп. 6. – Д. 98.

40. ОГАЧО. – Ф. Р-804. – Оп. 2. – Д. 85.

41. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 13. – Д. 81.

42. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 13. – Д. 101.

Рудометова Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: rudometovaiv@susu.ru. ORCID 0000-0002-0900-5620

Поступила в редакцию 26 июня 2023 г.

THE BAKING INDUSTRY OF CHELYABINSK REGION IN 1946–1950**I. V. Rudometova***South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation*

Based on an extensive source base, the article introduces previously unknown documents on the baking industry of the Chelyabinsk region in 1946–1950. It also clarifies the model of economic development of that period. The end of the Great Patriotic War and the beginning of the reconstruction period posed the new tasks for the bakery industry: to improve the quality of products, to expand the pre-war assortment, and to increase the capacity of enterprises in order to fully meet the demand of the population in bakery products. The article examines the network, location, material, technical and raw material base of the bakery industry. It also describes the range and volume of products, analyzes the solution of such issues as personnel training and advanced training. The author comes to the conclusion that the baking industry of the Chelyabinsk region in 1946–1950 continued to exist in the mobilization model of the economy. This was dictated by the alarming international situation and internal factors of the USSR development. During the post-war five-year period, the bakery industry expanded its network and capacity through the construction of new bakeries, ovens and major repairs of worn-out buildings and equipment. The production was in dire need of highly qualified workers and engineering and technical personnel. Despite the attentiveness and support from the party and Soviet bodies, the range of products remained extremely narrow and of poor quality. This was due to non-standard flour, unsatisfactory organization of production, and low qualification of workers. The insufficiency of vehicles at enterprises led to delays in the raw materials and fuel. Besides, there was a lack of training and retraining programs for the most important professions – bakers, bread sellers, and bakery inspectors. Thus, the bakery industry partially fulfilled the tasks of the IV five-year plan, and did not fully satisfy the needs of the population in high-quality and diverse bakery products.

Keywords: bakery industry, Chelyabinsk region, bakery products, economic recovery, assortment, quality.

References

1. Doktrina prodovol'stvennoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii [The Doctrine of Food Security of the Russian Federation]. M., 2020. URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/3e5/3e5941f295a77fdcfed2014f82ecf37f.pdf?ysclid=lj6f0dm5su51115582> (data obrashcheniya: 22.06.2023).
2. Strategiya razvitiya pishchevoy i pererabatyvayushchey promyshlennosti Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda [Strategy for the Development of the Food and Processing Industry of the Russian Federation for the Period up to 2030]. URL: <https://barley-malt.ru/wp-content/uploads/2019/11/proekt-strategyy-razvytyja-pyshevoj-y-pererabatyvajuschej-promyshlennosti-rf.pdf?ysclid=lj6h34t9p9107983029> (data obrashcheniya: 22.06.2023).
3. Ob"edinennyy gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti (OGACHO) [United State Archive of the Chelyabinsk Region (USACR)]. F. R-804. Op. 8. D. 193.
4. Istoriya narodnogo khozyaystva SSSR (1917–1959 gg.) [History of the National Economy of the USSR (1917–1959)]: uchebnoe posobie dlya ekonomicheskikh vuzov. M.: Vysshaya shkola, 1960. 260 s.
5. Istoriya narodnogo khozyaystva SSSR: kurs lektsiy [History of the National Economy of the USSR]. M.: Izd-vo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury, 1960. 663 s.
6. Ekonomicheskaya zhizn' SSSR: Khronika sobytiy i faktov 1917–1965 gg. [Economic Life of the USSR: Chronicle of Events and Facts]: v 2 kn. / gl. red. S.G. Strumilin. Kn. 1. 1917–1950. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1967. 440 s.
7. Rabochiy klass SSSR v gody uprocheniya i razvitiya sotsialisticheskogo obshchestva. 1945–1960. [The Working Class of the USSR in the Years of Consolidation and Development of Socialist Society]. T. 4. M.: Nauka, 1987. 520 s.
8. Ural'skiy M.I. Deyatel'nost' partiynykh organizatsiy Chelyabinskoy oblasti po perestroyke promyshlennosti v poslevoenny period [Activities of Party Organizations of the Chelyabinsk Region on Industrial Restructuring in the Post-War Period] // *Sotsialisticheskoe stroitel'stvo na Urals: sbornik nauchnykh trudov № 154*. Chelyabinsk, 1974. S. 124–135.
9. Zotov V. Poslevoennye perspektivy pishchevoy promyshlennosti [Post-War Prospects of the Food Industry] // *Planovoe khozyaystvo*. 1945. № 5. S. 15–24.
10. Razvitie pishchevoy promyshlennosti i ekonomiya obshchestvennogo truda v SSSR [The Development of the Food Industry and the Economy of Social Labor in the USSR]. M.: Izd-vo ekonomicheskoy literatury, 1962. 195 s.
11. Pishchevaya promyshlennost' SSSR za 60 let Sovetskoy vlasti [Food Industry of the USSR for 60 Years of Soviet Power]. M., 1978. 81 s.

12. Filatov K.E. Osnovnye etapy razvitiya pishchevoy promyshlennosti v SSSR [The MAIN STAGES of the Development of the Food Industry in the USSR]; pod red. A.S. Shatkhan. M., 1965. 200 s.
13. Pishchevaya promyshlennost' SSSR [Food Industry of the USSR] / predisl. A.I. Mikoyana; gl. red. V.P. Zotov. M.: Pishchevaya promyshlennost', 1967. 535 s.: il.
14. Vert N. Istoriya sovetskogo gosudarstva. 1900–1991 [History of the Soviet State. 1900–1991]; per. s fr. M.: Progress: Progress-Akademiya, 1992. 480 s.
15. Boffa Dzh. Istoriya Sovetskogo Soyuza [The History of the Soviet Union]. T. 2 / per. s ital. M., 1994. 627 s.
16. Khosking Dzh. Istoriya Sovetskogo Soyuza, 1917–1991 [The History of the Soviet Union]; per. s angl. M.: Vagrius, 1994. 510 s.
17. Drozdov V.V. Sovremennaya zarubezhnaya istoriografiya ekonomicheskoy politiki SSSR v 1946–1985 gg. [Modern Foreign Historiography of the Economic Policy of the USSR in 1946–1985]: avtoref. dis. ... d-ra ekon. nauk. M., 1998. 40 s.
18. Evdokimov P.V. Predpriyatiya pishchevoy promyshlennosti Pskova v pervye poslevoennye gody (1945 – nachalo 1950-kh gg.) [Pskov Food Industry Enterprises in the First Post-War Years (1945 – early 1950s)]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predpriyatiya-pishchevoy-promyshlennosti-pskova-v-pervye-poslevoennye-gody-1945-nachalo-1950-h-gg/viewer> (data obrashcheniya: 22.06.2023).
19. Pykov A.M. Pishchevaya promyshlennost' Mordovskoy ASSR v poslevoenny period (1946–1950 gody) [Food Industry of the Mordovian ASSR in the Post-War Period (1946–1950)]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pishchevaya-promyshlennost-mordovskoy-assr-v-poslevoenny-period-1946-1950-gody/viewer> (data obrashcheniya: 22.06.2023).
20. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 9. D. 51.
21. Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam [Decisions of the Party and the Government on Economic Issues]: v 5 t.: sbornik dokumentov za 50 let. T. 3. 1941–1952 gg. / sost. K.U. Chernenko, M.S. Smirnyukov. M.: Politizdat, 1968. 754 s.
22. OGACHO [USACR]. F. R-804. Op. 2. D. 80.
23. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 10. D. 18.
24. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 10. D. 58.
25. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 11. D. 70.
26. OGACHO [USACR]. F. R-804. Op. 8. D. 217.
27. OGACHO [USACR]. F. P-297. Op. 2. D. 967
28. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 14.D. 100.
29. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 11. D. 13.
30. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 10. D. 79.
31. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 10. D. 85.
32. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 10. D. 96.
33. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 9. D. 62
34. OGACHO [USACR]. F. R-220. Op. 6. D. 116.
35. OGACHO [USACR]. F. R-220. Op. 7. D. 24.
36. OGACHO [USACR]. F. R-220. Op. 12. D. 12a.
37. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 10. D. 19.
38. OGACHO [USACR]. F. R-220. Op. 6. D. 97.
39. OGACHO [USACR]. F. R-220. Op. 6. D. 98.
40. OGACHO [USACR]. F. R-804. Op. 2. D. 85.
41. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 13. D. 81.
42. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 13. D. 101.

Irina V. Rudometova – Cand. Sc. (History), Associate Professor of the Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: rudometovaiv@susu.ru

Received June 26, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Рудометова, И. В. Хлебопекарная промышленность Челябинской области в 1946–1950 гг. / И. В. Рудометова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 23–32. DOI: 10.14529/ssh230403

FOR CITATION

Rudometova I. V. The Baking Industry of Chelyabinsk Region in 1946–1950. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 23–32. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230403

ВИРТУАЛЬНЫЕ МУЗЕИ «СОВЕТСКИХ АТЛАНТИД»**Г. А. Янковская***Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Российская Федерация*

Строительство гидроэлектростанций и водохранилищ порождает ряд общих проблем. Меняются ландшафт, климат, затоплению подвергаются обширные территории, безвозвратно уходят под воду памятники археологии, историческая среда обитания. Строительство «гидроузлов» приводит к массовым вынужденным переселениям, утрате наследия, идентичности, разрушает связи в традиционных сообществах. Память о негативных последствиях больших инфраструктурных проектов нередко подвергается цензуре, вытесняется из публичного пространства. В статье проводится обзор подходов к проблематике памяти о затоплении территорий в российской и зарубежной историографии; рассматриваются актуальные практики коммеморации о негативных последствиях советской гидрополитики в формате виртуального музея. Показано, что широкое использование виртуальных решений позволяет непрофессиональным историкам, свидетелям исторических событий и их сторонникам быть включенными в мемориальные сообщества. Рассматривается специфика репрезентации темы гидростроительства в виртуальных пространствах корпоративных музеев современных гидрокорпораций, сайтов музеев и виртуальных проектах мемориальных инициатив «снизу». Показана особенность коммуникативного менеджмента, а также артефактов и коллекций, представленных на информационных ресурсах. В центре внимания статьи – виртуальные нарративы и формирование цифровых сообществ памяти.

Ключевые слова: виртуальные музеи, Советская Атлантида, зоны затопления, вынужденная релокация, виртуальные мемориальные сообщества.

Введение

Гидротехнические сооружения возводят во многих странах и регионах, последствия этого строительства охватывают колоссальные территории по всей планете. Ежегодно в эксплуатацию вводятся сотни новых водохранилищ. В конце XX в. их насчитывалось более 60 тыс. Территории, которые были охвачены серьезными трансформациями, составляли около 1,5 млн кв. км [1].

Эффективность и социально-экономическая значимость строительства водохранилищ обосновывается различными аргументами: риторикой экономической безопасности, устойчивого развития, суверенитета, улучшения качества жизни. ГЭС и гидрохранилища не раз в истории становились витринами больших социально-политических экспериментов, таких, как советская индустриализация, «Сталинский план покорения природы» или деколонизация Африки. Но и менее идеологизированные проекты по строительству дамб и водохранилищ затрагивают интересы многих тысяч (а порой и миллионов) людей, поскольку релокация жителей – это повсеместное явление в ходе строительства гидроэлектростанций. Большие резервуары воды – водохранилища, формирующиеся в ходе ввода ГЭС в эксплуатацию, – представляют собой как позитивный ресурс, так и источник опасности (катастрофических наводнений и экологических катастроф в случае разрушения плотин).

Социальная история водохранилищ – это «неудобные» страницы истории, они связаны с утратами (идентичности, традиций, материального и нематериального наследия), с политикой при-

нуждения к переселению и другими противоречивыми решениями властей.

Память об этом детерминируется политическими и социальными контекстами. Во многих странах публичный мемориальный дискурс о затоплениях территорий и их последствиях выстраивался вокруг семантической доминанты «научно-технического прогресса» и «покорения природы». В СССР, Китае и ряде других стран память о массовых переселениях в ходе строительства водохранилищ долго была под контролем цензуры, подвергалась политике замалчивания и забвения.

Цифровые трансформации, затронувшие все сферы жизни, меняют мемориальные практики. Виртуальные экспозиции музеев и архивов, историко-культурный блоггинг, цифровой сторителлинг, виртуальные мемориальные сообщества в социальных сетях – вот далеко не полный перечень инструментов и опций, которые сегодня иницируют, поддерживают, формируют продвигают память о затопленных территориях и вынужденных переселенцах.

В предлагаемой статье в центре внимания будет один из аспектов этой темы: виртуальные музеи в пространстве российского интернета как формат социальной и культурной памяти о «зонах затопления».

Обзор литературы

Память о строительстве гидроэлектростанций и водохранилищ в социальном и антропологическом измерении привлекает внимание исследователей во многих странах и регионах. Анализ мемориальных практик в виртуальном пространстве о долговре-

нных последствиях гидрополитики предполагает междисциплинарные пересечения культурной географии, устной истории, культурной антропологии, культурной истории технологий и других подходов. Спектр тем для интерпретации в пространстве виртуальных музеев широк.

В первую очередь объектом анализа и рефлексии становится релокация жителей прибрежных территорий. Именно они непосредственно испытывают на себе социальные и экологические последствия гидрополитики. Так, в Бразилии исследовали память жителей деревни Сенто-Се (Sento-Sé), которые вынуждены были переехать в город после строительства плотины Собрадинхо (Sobradinho, 1973). Опираясь на устные интервью, публикации в прессе, документы, фотографии, авторы исследования анализировали факторы, которые порождают у вынужденных переселенцев чувство оторванности от своих исторических корней и ощущение детерриторизации. В целом в Бразилии более одного млн жителей вынуждены были оставить свои земли в результате строительства гидроэлектростанций [2]. В Китае в исследованиях о принудительном переселении при строительстве гигантского водного резервуара «Трех ущелий» приоритетной была задача строительства гигантской дамбы, обеспечивающей производство электроэнергии, контроль над уровнем воды, навигацией. Гораздо меньше внимания уделялось социальным проблемам, порожденным строительством гидроохранилища [3].

Большие резервуары воды могут восприниматься как пространство рекреации, туризма, выходного дня. Но они же выступают источником чувства опасности, страха из-за угрозы катастрофических наводнений. Так, в современной России самые высокие риски от потенциального затопления территории в случае разрушения водохранилищ, ассоциируются с каскадом ГЭС, возведенным в Сибири на реках Ангара и Енисей [4].

В целом в литературе не раз история водохранилищ рассматривалась с точки зрения «политической экологии эмоций», связанной с сакральными пространствами и борьбой с гегемонистскими подходами к управлению природными ресурсами, когда социокультурным последствиям уделяется минимальное внимание [5].

Переселение людей, затопление обжитых территорий, гибель материальных объектов, символических мест памяти наносит урон локальным сообществам, о чем убедительно размышляет Х. Гриффитс, когда рассматривает долговременные последствия создания водохранилища и затопления валлийской деревни в 1965 г. [6].

Противоречивость социальных и гидрологических последствий масштабного инжиниринга при строительстве водохранилищ показана и в исследованиях на материалах Финляндии [7]. В ряде стран наиболее уязвимыми группами населения

при строительстве плотин и водохранилищ становятся индигенные группы населения (в России, Канаде, Бразилии, странах Африки). И, как следствие, критика водохранилищ соотносится с вопросами сохранения культурной идентичности, традиционных мест проживания. Так, например, эта проблематика резко обострялась в ходе создания крупных инфраструктурных гидропроектов в Африке – водохранилища Кахоре Баса в Мозамбике, водохранилища на реке Вольта и других объектов [8].

В СССР критическая рефлексия о негативных последствиях строительства водохранилищ стала возможной в середине 1970-х гг. А после распада СССР эта тема стала постоянно звучать в публичном пространстве [9].

Драма затопления населенных территорий коснулась жителей многих регионов современной России и республик бывшего Советского Союза. Первой с масштабными последствиями строительства крупного гидроузла столкнулась Украинская ССР. При строительстве Днепрогэса в начале 1930-х гг. было затоплено 16 тыс. га земель, на которых было расположено 56 населённых пунктов (из них 14 были затоплены полностью). В 1950–1970-е гг. при строительстве Кременчугской ГЭС были затоплены 186 населенных пунктов, почти 200 тыс. га высокоплодородных черноземов, 47 тыс. га лесов, почти тысяча километров автомобильных дорог и около 4 тыс. различных зданий. Ушли под воду многие исторические поселения, значимые для формирования национальной украинской идентичности (Крылив, Бужин, Желнино, Воишь). Трудным был процесс принудительного переселения жителей при строительстве Киевской и Каневской ГЭС. С 2000 г. в Украине набирает силу «ретроспективный протест». Этим термином характеризуют преодоление самоцензуры памяти бывших переселенцев с затопляемых территорий. В советском политическом режиме публичности они не решались на воспоминания и критическую рефлексию о своем травматическом опыте утраты дома и привычной среды. В новых обстоятельствах вынужденные переселенцы активно включились в практики коммеморации о затопленных территориях [10].

В целом специфика реализации «Сталинского плана преобразования природы» в различных республиках СССР вызывает все больший интерес, поскольку позволяет ставить вопросы о субъектности местной элиты при реализации советской гидрополитики [11].

В России самым медийным кейсом в истории российских «Атлангид» является история затопления территорий при формировании Рыбинского водохранилища, когда был полностью затоплен исторический город Молога, частично – города Весьегонск, Мышкин, Пошехонье, Череповец. Общее количество переселенцев в Ярославской

области составило не менее 130 тыс. человек. На дне Рыбинского моря оказались около ста храмов и часовен, три монастыря.

Крупнейшие реки Европейской части СССР Волга и Кама превратились к 1970-м гг. в каскад водохранилищ [12]. В 1960–1970-е гг. в Западной Сибири появляются несколько «морей» – водохранилищ, возникших в результате строительства Братской, Иркутской, Новосибирской и других ГЭС.

Несмотря на тот факт, что сотни тысяч жителей различных регионов Советского Союза оказались в той или иной степени затронуты негативными последствиями гидростроительства, эта проблематика длительное время была периферийным сюжетом российской мемориальной культуры. Ситуация меняется на протяжении последних 20 лет. Социальные последствия гидростроительства исследуются в рамках академической истории, получают новые толкования в музейных нарративах, порождают историко-культурный активизм и репрезентируются в цифровых проектах.

Методы исследования

Виртуальные музеи часто становятся местом памяти о затопленных территориях. Именно этот ракурс и будет в дальнейшем предметом обсуждения. Важно определиться с содержанием гибкого термина «виртуальный музей».

Дискуссии о семантической рамке понятия «виртуальный музей» активно ведутся уже более 30 лет. Термины и концепции виртуального музея меняются по мере развития технологий и музейных практик. Характерным в этом контексте является высказывание Энн Лафоре: «Очень сложно дать определение “виртуальному музею”, поскольку этих определений ровно столько, сколько людей интересуются этой темой» [13]. В дальнейшем мы будем придерживаться определения, предложенного Н. Г. Поврозник: «Виртуальный музей – это информационная система, содержащая концептуально единую электронную коллекцию или совокупность коллекций предметов (экспонатов) с метаданными, имеющая характеристики музея и позволяющая осуществлять научную, просветительскую, экспозиционную и экскурсионную деятельность в виртуальном пространстве» [14].

Опираясь на это определение виртуального музея как систематизированной коллекции цифровых артефактов, информационных и коммуникативных ресурсов, нами был проведен анализ следующих источников. В первую очередь рассматривались сайты, которые, во-первых, специализируются на теме гидростроительства или затопления территорий и, во-вторых, сами себя именуют музеем (сайты ведомственных, государственных и локальных музеев). Далее были выявлены и проанализированы персональные сайты, интернет-проекты и аккаунты в социальных сетях активистов коммеморации о зонах затопления при строительстве водохранилищ. Еще одну группу источ-

ников составляют проекты и аккаунты мемориальных сообществ, объединенных темой релокации жителей затопленных территорий. Внимание было сосредоточено на том, заявлена ли в выбранном источнике концепция / музейная интерпретация темы негативных социальных последствий гидрополитики, на решение какой значимой проблемы настроен тот или иной виртуальный музей, какие артефакты представлены в источниках, какой коллекционной или экспозиционной идеей они объединены, сопровождаются ли аннотациями, метаданными, комментариями экспертов, демонстрируется ли провенанс (история владения и происхождения). Важным аспектом анализа был вопрос о форматах и типах коммуникации в виртуальном пространстве.

Результаты и дискуссия

Виртуальные музеи современных российских гидрокорпораций ориентированы на глорификацию отрасли, на позиционирование бизнеса в публичном пространстве, рекрутинг будущих сотрудников через эдьютеймент, формирование корпоративных ценностей и культуры. Центральное место в этой сети музеев занимает единый учебно-производственный информационный центр Гидроэнергетики, открытый в 2007 г. на базе административного здания ГЭС в городе Углич Ярославской области. Филиалы этого единого центра функционируют на всех крупных ГЭС, входящих в корпорацию РусГидро. Музеи РусГидро также ориентированы на развитие индустриального туризма, повышение туристической привлекательности территории [15]. Схожие задачи решают музефицированные объекты гидроэнергетики, входящие в европейский маршрут индустриального наследия [16].

Названный выше музей гидроэнергетики в Угличе анонсируется так: «Музей гидроэнергетики – один из пяти лучших региональных музеев России. Его экспозиция – удачная попытка охватить необъятное: рассказать о развитии гидроэнергетики, советских и российских ГЭС и выдающихся учёных, благодаря которым появились Угличские и другие ГЭС. Здесь разрешено трогать экспонаты. Попробовать выработать электрический ток можно на велотренажере и “посетить” гидроэлектростанцию в стереозале» [17]. В экспозиции (реальной и виртуальной) этого музея вопросы затопленных территорий не поднимаются. Ведомственные музеи гидроэнергетики поднимают вопросы о «трудном» советском прошлом, но затрагивают такую его страницу, как использование принудительного труда, системы ГУЛАГА при строительстве ГЭС.

Виртуальный тур и экспонаты транслируют большой нарратив о значимости гидроэнергетики, «...сыгравшей ключевую роль в становлении российской экономики» [18]. У корпоративного музея в Рыбинске созданы филиалы во многих регионах,

где работают ГЭС, входящие в корпорацию Рус-Гидро. Музей и его филиалы работают непосредственно на территориях ГЭС, т. е. подчиняются особому режиму безопасности. Посетитель имеет к офлайн-экспозиции ограниченный доступ. В этом контексте виртуальная экспозиция, у которой нет ограничений по доступу к информации, могла бы стать многопрофильным информационным ресурсом. Однако за вывеской / адресом в строке браузера виртуального корпоративного музея нередко обнаруживается имитация виртуального музея в виде информационной страницы с небольшим набором текста и фотографий. На ней нет ни виртуального тура, ни коллекции, ни описания музейных предметов, ни других музейных опций. Мемори-нарратив не встроен в виртуальное пространство. Часто современные корпоративные музеи создаются там, где до распада СССР функционировали «народные ведомственные музеи». Но прямой преемственности и памяти об этом не прослеживается.

Виртуальная составляющая в таких реально существующих музеях играет все возрастающую роль. За последние 20 лет создано несколько музеев, тематическим приоритетом которых являются затопленные территории. Одним из них стал проект «Музей затопленных святынь Мологского края» [19]. Экспонаты и технологические решения музейных экспозиций в нем формируются по материалам подводной «исторической археологии». В ходе экспедиций проводится видеодокументация выявленных мемориальных объектов – сохранившихся набережных, фундаментов домов и церквей, материальных объектов. В дальнейшем создаются 3D-модели затопленных усадеб, голограммы утраченных ландшафтов, цифровые реконструкции звуков колоколов затопленных церквей. Исследовательский, экологический и туристический проект получил поддержку Русского географического общества, муниципалитета, бизнеса. Итогом стало открытие музея, в котором виртуальные музейные решения доминируют.

Однако экспозиция этого музея переводит разговор о затоплении территорий в регистр «чужда», зрелища цифрового «воскрешения» погибших городов, зданий, предметов. Персональная память об опыте переживания релокации переселенцев нуждается в других форматах.

Виртуальные пространства становятся точкой сборки локальных сообществ. Это формальные и неформальные объединения переселенцев, их родственников и потомков, которые осознают себя как сообщество, объединенное общей судьбой и памятью о затопленных территориях. Сообщества институционализируются, конструируют мемориальные ритуалы, места памяти, порождают нарративы. Сообщество-долгожитель такого типа – землячество мологжан – сложилось еще в СССР в 1972 г. и было формой позднесоветского

исторического активизма. Землячество мологжан и сегодня остается уникальным примером сохранения памяти об исчезнувшем городе и крае. Чтобы сохранить память о Мологе, в Рыбинске в 1995 г. был открыт Музей Мологского края, который позиционирует себя как «единственный в мире музей затопленных территорий». Землячество инициирует разработку многочисленных интернет-ресурсов, туристических маршрутов, документальных и художественных фильмов о Мологе, питает энергией движение «Прости, Молога» и другие практики коммеморации.

«Кежемское землячество» с 1997 г. объединяет жителей старожильческих поселений русских приангарья. Оно объединяет тех, для кого прощание с родиной растянулось на несколько десятилетий строительства Богучанской ГЭС на Ангаре. Проведенные исследования показывают, что ликвидация стабильных семейных и дружеских связей неизбежно сопутствует вынужденным миграциям. Ситуация усугубляется тем, что при планировании строительства гигантских ГЭС власти не учитывали интересы местного населения ни в советский, ни в постсоветский период. Так, большинство жителей затопленных сел на Ангаре сейчас проживает в пригородах крупных городов, таких как Красноярск и Абакан, и быстро теряет свою прежнюю идентичность. Уникальная местная культура потомков поморов, переселившихся на берега Ангары несколько столетий назад, утрачена в результате вынужденного переселения [20].

С утратой малой родины соцсети стали местом виртуальной встречи землячков [21]. Поскольку переселение из обжитых районов для представителей этого сообщества памяти – совсем недавняя история (прощание с селом Кежда состоялось в 2009 г.), то его участники пользуются современными медийными средствами сопротивления и критики действий власти и бизнеса в ходе строительстве Богучанской ГЭС.

Виртуальные музеи, существующие только в интернете, часто являются плодом деятельности мнемонических пассионариев, которые выступают инициаторами и драйверами коммемораций. Один из самых ярких тому примеров – деятельность Анзор Тукаевой и благотворительного фонда «Центр возрождения культурного наследия «Крохино» [22]. С 2010 г. фонд занимается сохранением и консервацией церкви Рождества Христова в деревне Крохино, сохранившейся при наполнении Шекснинского водохранилища. Несколько лет сотрудники фонда и волонтеры собирали архивные, устные и материальные свидетельства. Виртуальный музей, созданный по результатам и в ходе этой деятельности, стал фактически цифровым местом памяти и площадкой для выстраивания сетевых взаимодействий, как это произошло в рамках выставки «Незатопленные истории» с участием центральных, региональных, государ-

ственных и частных музеев, которые присылали фотографии, воспоминания жителей затопленных территорий, архивные данные о переселениях и строительстве гидроэлектростанций из Центральной, Южной, Северной, Восточной и Западной частей России. Выстраивание таких коммуникативных сетей становится программной задачей команды фонда, прямо заявляющей: «Крохино, главный символ и маяк ушедшего под воду Белозерья. Однако мы идем дальше, увеличивая масштаб и не забывая о судьбе других территорий. Их истории, скрытые как под толщей воды, так и под грузом исторического забвения, имеют шанс стать незатопленными» [23]. Для создания выставки команда фонда «Крохино» связалась с 65 краеведческими и историческими музеями, к сотрудничеству подключилось более 20 музеев со всей страны, чтобы по кусочкам собрать воспоминания и объединить их в виртуальную экспозицию.

Цифровой музей «История и наследие водных путей Белозерья» [24] возвращает перемещенных лиц к реальному месту памяти – полуразрушенному храму на месте затопленной деревни Крохино. Виртуальный музей становится драйвером «реальной» музеефикации. Собираемые экспонаты обретают голос, обрастают историями, встраиваются в нарратив. Таким образом они обретают ауру аутентичности. С другой стороны, в виртуальном музее вопрос подлинности экспоната отходит на второй план. Приоритет отдается самому предмету, материальному свидетельству, которое становится маркером места, территории, биографии «маленького человека» на фоне «большой» истории. У многих экспонатов, поступивших в фонд Крохино и представленных в виртуальном музее, нет достоверного провенанса, да он и не всегда запрашивается.

Этнографы, фольклористы накопили массив устных рассказов переселенцев с затопленных территорий во многих регионах России и бывших союзных республик СССР. Они отмечают очень важную и общую черту этих воспоминаний: постепенную фольклоризацию. Она проявляется в клишированных речевых оборотах, повторяющихся мотивах. Исследователи Е. Клейкова, С. Брюханова, С. Королева к таким универсалиям относят общую ностальгическую, не критическую интонацию по отношению к ушедшему под воду дому: идеализацию утраченного места окружающей его природы, локации, межличностных отношений; противопоставление нового места старому [25, с. 23–24]. Аналогичные черты прослеживаются в документах, представленных на сайте виртуального музея.

Реализация этого низового негосударственно-го мемориального проекта зависит от поддержки филантропических организаций и краудфандинга, осуществляемого в виртуальной среде. Донаты пользователей социальных сетей виртуального

музея не только помогают реализовать проекты по благоустройству и созданию комфортной среды вокруг руин храма в Крохино. Эта социальная технология является первым шагом на пути к мемориальному волонтерству, к сетевому сообществу, объединенному культурой участия. Так виртуальный музей форсирует оффлайн-музейную активность по ревитализации почти утраченного историко-культурного наследия.

Выводы

Различные формы коммеморации о противоречивых социальных последствиях больших инфраструктурных гидропроектов функционируют во многих странах мира. Строительство водохранилищ применяется повсеместно для решения экономических и социальных проблем, порождая схожие проблемы (релокация больших масс людей, утрата исторического ландшафта и историко-культурного наследия и т. д.). В современном мире виртуальные мемориалы и музеи затопленных территорий становятся универсальным форматом новой цифровой памяти об издержках глобальных технологических проектов преобразования природы и социального инжиниринга.

В современной России виртуальные музеи, сфокусированные на гидрополитике и памяти о ее социальных последствиях, демонстрируют типичные черты функционирования памяти в цифровой среде. Контент виртуальных музеев структурирован в виде информационного ресурса. События прошлого представлены в формате цифровых текстов, документов, визуальных образов, исторических нарративов, цифровых экспликаций музейных предметов, таймлайнов и других репрезентаций / интерпретаций следов прошлого. Виртуальные музеи функционируют как онлайн-мемориал / место памяти [26]. Они берут на себя инициативу по консолидации низового мемориального активизма, по выстраиванию сетевых взаимодействий.

Не менее важным аспектом функционирования виртуального музея становится событийный менеджмент, поддержка коммуникации внутри мемориального сообщества и другие аспекты социального маркетинга.

Дизайн сайтов инициативных виртуальных музеев затопленных территорий выстроен вокруг экспонатов, собранных «в розницу». Таким образом происходит валоризация персональной памяти, ее трансформация в универсальное свидетельство. Информация, представленная в виртуальных музеях активистских проектов, формирует альтернативную память, связана с проработкой травматического опыта, формированием новых паттернов воспоминаний.

Виртуальные музеи затопленных территорий, формирующиеся на базе историко-культурного активизма «снизу», монологичны по проблематике. Они поддерживают контрпамять, конфликтующую с большими нарративами корпоративных музеев

гидроэнергетики, политехнических музеев, государственных и региональных исторических музеев.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 20-49-590004 «Добровольные общества и низовые историко-культурные инициативы: трансформации позднесоветских социальных институтов и форм активности во второй половине 1980-х – 1990-е годы (региональный аспект)».

Литература

1. Avakian, A. Ecological Problems of River Systems Regulated by Reservoirs / A. Avakian // *Restoration of Degraded Rivers: Challenges, Issues and Experiences*; D. P. Loucks (eds). Vol. 39. – Springer, Dordrecht, 1998.
2. Palha, A. The construction of the Sobradinho Dam and the relocation of the residents of Velha Sento-Sé to Nova Sento-Sé / A. Palha, J. Marques dos Santos // *Bahia International Journal of Advanced Engineering Research and Science (IAERS)*. – 2019. – Vol. 6, № 8. – P. 249–256.
3. Heming, L. Reservoir resettlement in China: past experience and the Three Gorges Dam / L. Heming, P. Waley, P. Rees // *Geographical Journal*. – 2001. – Vol. 167, № 3. – P. 195–212.
4. Korytny, L. M. Geographical analysis of river floods and their causes in southern East Siberia / L. M. Korytny, N. V. Kichigina // *Hydrological Sciences Journal*. – 2006. – Vol. 51, № 3. – P. 450–464.
5. Dallman, S. Political ecology of emotion and sacred space: The Winnemem Wintu struggles with California water policy / S. Dallman, M. Ngo, P. Laris, D. Thien // *Emotion, Space and Society*. – 2013. – Vol. 6, № 2. – P. 33–43.
6. Griffiths, H. M. Water under the bridge? Nature, memory and hydropolitics / H. M. Griffiths // *Cultural Geographies*. – 2014. – Vol. 21, № 3. – P. 449–474.
7. Krauze, C. Making a reservoir: Heterogeneous engineering on the Kemi River in Finnish Lapland / C. Krauze // *Geoforum*. – 2015. – Vol. 66, № 11. – P. 115–125.
8. Isaacman, A. Displaced People, Displaced Energy, and Displaced Memories: The Case of Cahora Bassa, 1970–2004 / A. Isaacman // *The International Journal of African Historical Studies*. – 2005. – Vol. 38, № 2. – P. 201–238.
9. Янковская, Г. А. Негативные последствия советских гидроэнергетических проектов: форматы и практики мемориализации / Г. А. Янковская // *Сибирские исторические исследования*. – 2021. – № 3. – С. 119–137.
10. Koval-Fuchylo, I. Protesting Retrospectively: Oral Memories and Social Practices of Migrants from the Areas of Artificial Water Reservoirs in Soviet Ukraine / I. Koval-Fuchylo // *Folklorica*. – 2021. – Vol. XXV. – P. 21–35.
11. Roberts, F. A Controversial Dam in Stalinist Central Asia: Rivalry and «Fraternal Cooperation» on the Syr Darya / F. Roberts // *Ab Imperio*. – 2018. – № 2. – P. 117–143.
12. Бурдин, Е. А. Волжский каскад ГЭС. Триумф и трагедия России / Е. А. Бурдин. – М.: РОССПЭН. – 2011.
13. Schweibenz, W. The virtual museum: an overview of its origins, concepts, and terminology / W. Schweibenz // *The Museum Review*. – 2019. – Vol. 4, № 1.
14. Поврозник, Н. Г. Виртуальный музей: сохранение и репрезентация историко-культурного наследия / Н. Г. Поврозник // *Вестник Пермского университета. Серия: История*. – 2015. – № 4. – С. 213–222.
15. Туристический сайт о ГЭС на реке Амур. – URL: <https://visitamur.ru/en/article/hydropower-plants> (дата обращения: 18.03.2023).
16. Kraftmuseet. Norwegian museum of hydropower and industry. – URL: <https://www.erih.net/i-want-to-go-there/site/kraftmuseet-norwegian-museum-of-hydropower-and-industry> (дата обращения: 10.01.2023).
17. Англоязычная страница туристического сайта о музее гидроэнергетики в Угличе. – URL: <https://tourism.restexpert.com/russia/place/hydropower-engineering-museum/> (дата обращения: 14.01.2023).
18. Сайт учебно-производственного информационного центра «Музей гидроэнергетики в Угличе». – URL: <http://www.hydropowermuseum.ru/about-our-museum> (дата обращения: 16.01.2023).
19. Исследовательский и туристический проект «Затопленные святыни Мологского края». – URL: <http://www.breytovo.ru/staticpage.aspx?id=16> (дата обращения: 18.12.2022).
20. Ablazheya, A. M. Identity, Community and Belonging (on the Example of Kezhemsky & Evenkiysky Municipal Districts of Krasnoyarsk Krai) / A. M. Ablazheya, R. C. Craig // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. – 2018. – № 11. – P. 526–533.
21. Сайт Красноярской региональной общественной организации по сохранению культуры русских старожилов Сибири «Кежемское землячество». – URL: <https://kezhemskoe-zemlyachestvo.ru/> (дата обращения: 16.02.2023).
22. Borodulina, A. Undrowned Story: The Landscape on the Volgo–Baltic Waterway as the Volga Hydropower Cascade Submersions Memorial / A. Borodulina // *European Review*. – 2022. – Vol. 30, № 4. – P. 519–531.
23. Сайт виртуального музея «Музей затопленных историй Белого озера». – URL: <http://museum.pronasledie.ru/> (дата обращения: 14.03.2023).
24. Раздел «Коллекции» виртуального музея затопленных историй Белого озера. – URL: <http://museum.pronasledie.ru/collections> (дата обращения: 22.02.2023).

25. Ключикова, Е. А. От основания до затопления. Устная история Майкорского завода / Е. А. Ключикова, С. Ю. Королева, М. А. Брюханова // Живая старина. – 2022. – № 4 (116). – С. 22–28.

26. Зубанова, Л. Б. Цифровая память в пространстве мемориальной культуры: образы прошлого в медиа-технологиях будущего / Л. Б. Зубанова // Челябинский гуманитарий. – 2020. – № 3. – С. 15–22.

Янковская Галина Александровна – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой междисциплинарных исторических исследований, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь), e-mail: yank64@yandex.ru. ORCID 0000-0002-7651-488X

Поступила в редакцию 27 сентября 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh230404

VIRTUAL MUSEUMS OF THE SOVIET ATLANTIS

G. A. Yankovskaya

Perm State University, Perm, Russian Federation

The construction of hydroelectric power plants and reservoirs in different regions and under different historical circumstances raises a number of common problems. It causes landscape and climate changes, flooding of vast territories, irreversible loss of archaeological heritage and historical habitats going underwater. The construction of hydroelectric power plants leads to mass relocations, loss of heritage and identity, as well as destroys ties in traditional communities. The memory of the negative consequences of large infrastructure-related projects is often censored and pushed out of the public space. The article discusses current practices of commemorating the negative effects of Soviet hydropolitics in the format of a virtual museum. The wide availability of digital tools allows non-professional historians, witnesses and their descendants to be included in memorial activities. Internet sites are becoming places of memory and communication for memorial communities. The article considers specific features of the representation of hydraulic engineering issues in the virtual spaces of corporate museums of modern hydraulic corporations, museum sites and virtual projects of memorial initiatives «from below». It also reveals the peculiarities of communicative management, as well as artifacts and collections that can be found on information resources. It focuses mainly on virtual representation of narratives and the formation of memorial communities' network.

Keywords: virtual museums, Soviet Atlantis, flood zone, forced relocation, virtual memorial communities.

References

1. Avakian A. Ecological Problems of River Systems Regulated by Reservoirs // *Restoration of Degraded Rivers: Challenges, Issues and Experiences*; D. P. Loucks (eds). Vol. 39. Springer, Dordrecht, 1998.
2. Palha A.R., Marques dos Santos J. The construction of the Sobradinho Dam and the relocation of the residents of Velha Sento-Sé to Nova Sento-Sé // *Bahia International Journal of Advanced Engineering Research and Science (IJAERS)*. 2019. Vol. 6, № 8. P. 249–256.
3. Heming L., Waley, P. and Rees, P. Reservoir Resettlement in China: Past Experience and the Three Gorges Dam // *Geographical Journal*. 2001. Vol. 167, № 3. P. 195–212.
4. Korytny L.M, Kichigina N.V. Geographical Analysis of River Floods and their Causes in Southern East Siberia // *Hydrological Sciences Journal*. 2006. Vol. 51, № 3. P. 450–464.
5. Dallman S., Ngo M., Laris P., Thien D. Political Ecology of Emotion and Sacred Space: The Winne-mem Wintu Struggles with California Water Policy // *Emotion, Space and Society*. 2013. Vol. 6, № 2. P. 33–43.
6. Griffiths H.M. Water under the bridge? Nature, memory and hydropolitics // *Cultural Geographies*. 2014. Vol. 21, № 3. P. 449–474.
7. Krauze C. Making a Reservoir: Heterogeneous Engineering on the Kemi River in Finnish Lapland // *Geoforum*. 2015. Vol. 66, № 11. P. 115–125.
8. Isaacman A. Displaced People, Displaced Energy, and Displaced Memories: The Case of Cahora Basa, 1970–2004 // *The International Journal of African Historical Studies*. 2005. Vol. 38, № 2. P. 201–238.

9. Yankovskaya G. Negativnye posledstviya sovetskikh gidroenergeticheskikh proektov: formaty i praktiki memorializatsii [Adverse Effects of Soviet Hydropower Projects: Formats and Practices of Memorialization] // *Siberian Historical Research*. 2021. № 3. S. 119–137.
10. Koval-Fuchylo I. Protesting Retrospectively: Oral Memories and Social Practices of Migrants from the Areas of Artificial Water Reservoirs in Soviet Ukraine // *Folklorica*. 2021. Vol. XXV. P. 21–35.
11. Roberts F.A. Controversial Dam in Stalinist Central Asia: Rivalry and «Fraternal Cooperation» on the Syr Darya // *Ab Imperio*. 2018. № 2. P. 117–143.
12. Burdin E.A. Volzhskij kaskad GES. Triumf i tragediya Rossii [Cascade of Hydroelectric Power Stations on the Volga River: Triumph and Tragedy of Russia]. M., 2011.
13. Schweibenz W. The Virtual Museum: an Overview of its Origins, Concepts, and Terminology // *The Museum Review*. 2019. Vol. 4, № 1.
14. Povroznik N.G. Virtual'nyj muzej: sohranenie i reprezentatsiya istoriko-kul'turnogo naslediya [Virtual Museum: Preservation and Representation of Historical and Cultural Heritage] // *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istorija*. 2015. № 4. С. 213–222.
15. Turisticheskij sayt o GES na reke Amur [Travel Website about Hydroelectric Power Station on the Amur River]. URL: <https://visitamur.ru/en/article/hydropower-plants/> (data obrashcheniya: 18.03.2023).
16. Kraftmuseet. Norwegian Museum of Hydropower and Industry. URL: <https://www.erih.net/i-want-to-go-there/site/kraftmuseet-norwegian-museum-of-hydropower-and-industry> (data obrashcheniya: 10.01.2023).
17. Angloyazychnaya stranitsa turisticheskogo sayta o muzee gidroenergetiki v Ugliche [The Hydropower Museum in Uglich Website]. URL: <https://tourism.restexpert.com/russia/place/hydropower-engineering-museum/> (data obrashcheniya: 14.01.2023).
18. Sayt uchebno-proizvodstvennogo informatsionnogo tsentra «Muzey gidroenergetiki v Ugliche [Website of the Educational and Information Center «Museum of Hydropower in Uglich»]. URL: <http://www.hydromuseum.ru/about-our-museum> (data obrashcheniya: 16.01.2023).
19. Issledovatel'skiy i turisticheskij proekt «Zatoplennye svyatyni Mologskogo kraja» [Research and Tourism Project «Flooded Shrines of the Mologsky Region» Website]. URL: <http://www.breytovo.ru/staticpage.aspx?id=16> (data obrashcheniya: 18.12.2022).
20. Ablazheya A.M., Craig R.C. Identity, Community and Belonging (on the Example of Kezhemsky & Evenkiysky Municipal Districts of Krasnoyarsk Krai) // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2018. № 11. P. 526–533.
21. Sayt Krasnoyarskoy regional'noy obshchestvennoy organizatsii po sokhraneniyu kul'tury russkikh starozhilov Sibiri «Kezhemskoe zemlyachestvo» [Website of the Krasnoyarsk Regional Public Organization for the Preservation of the Culture of Russian Old-Timers of Siberia «Kezhemskoe fraternity»]. URL: <https://kezhemskoe-zemlyachestvo.ru/> (data obrashcheniya: 16.02.2023).
22. Borodulina A. Undrowned Story: The Landscape on the Volgo-Baltic Waterway as the Volga Hydro-power Cascade Submersions Memorial // *European Review*. 2022. Vol. 30. № 4. P. 519–531.
23. Sayt virtual'nogo muzeya «Muzey nezatoplennykh istoriy Belogo ozera» [Website of the «Museum of Unflooded Stories of White Lake»]. URL: <http://museum.pronasledie.ru/> (data obrashcheniya: 14.03.2023).
24. Razdel «Kollektsii» virtual'nogo muzeya nezatoplennykh istoriy Belogo ozera [Section «Collections» of the Virtual Museum «Unflooded Stories of White Lake»]. URL: <http://museum.pronasledie.ru/collections> (data obrashcheniya: 22.02.2023).
25. Klyujkova E.A., Koroleva S.Y., Bryuhanova M.A. Ot osnovaniya do zatopeniya. Ustnaya istoriya Majkorskogo zavoda [From Foundation to Flooding. Oral History of the Maykor Plant] // *Zhivaya starina*. 2022. № 4 (116). S. 22–28.
26. Zubanova L.B. Cifrovaya pamyat' v prostranstve memorial'noj kul'tury: obrazy proshlogo v mediatekhnologiyah budushchego [Digital Memory in the Space of Memorial Culture: Images of the Past in Media Technologies of the Future] // *Chelyabinskij gumanitarij*. 2020. № 3. S. 15–22.

Galina A. Yankovskaya – D. Sc. (History), Associate Professor, Head of the Department of Interdisciplinary Historical Research, Perm State University (Perm), e-mail: yank64@yandex.ru

Received September 27, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Янковская, Г. А. Виртуальные музеи «Советских Атлантис» / Г. А. Янковская // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 33–40. DOI: 10.14529/ssh230404

FOR CITATION

Yankovskaya G. A. Virtual Museums of the Soviet Atlantis. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 33–40. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230404

Статья анализирует идейные и художественные диалоги современных цифровых художников с мастерами искусства прошлых эпох, прежде всего – модернизма и авангарда. Несмотря на популярное мнение, согласно которому современная цифровая культура радикально ломает и отвергает любую связь с художественной традицией, мы наблюдаем постоянный интерес к художественной культуре прошедших периодов, ее переосмысление и интерпретацию. На наш взгляд, видимый при первичном рассмотрении спор «отцов и детей» не является конфликтом, но представляется нам продуктивным диалогом, показывающим самоценность и самодостаточность новейшего цифрового искусства.

Ключевые слова: современное искусство, цифровое искусство, крипто-арт, NFT-арт, искусство на блокчейне.

Введение

Историческое художественное наследие имеет непреходящую роль в становлении и развитии новейшей культуры, помогая самоидентификации поколений «отцов и детей», провоцируя конфликты или налаживая плодотворные диалоги, тем самым открывая горизонты и перспективы далекого будущего. Таким образом, художественная традиция не прерывается, но постоянно развивается, отражая изменчивую природу современной цивилизации и философское мировоззрение.

Отношения новейшего цифрового искусства к художественному наследию на первый взгляд могут быть антагонистическими, агрессивными, граничащими с радикальным неприятием, полными непреодолимых противоречий. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что идейные и художественные поиски «радикалов», видящих будущее в глобальной цифровизации всей культуры, не настолько категоричны. Совершенно очевидно, что их поиски выросли на хорошо ухоженной почве культурного наследия, отказаться от которого невозможно, без которого невозможно представить далекое будущее. Этот парадокс конфликта «отцов и детей» – всего лишь признак быстрого, динамичного движения вперед, которое типично для западного общества, пронизанного идеологией «прогрессизма», который сопровождается беспрецедентным уважением к культурному наследию, его сохранению, изучению и масштабной популяризации.

Современные художники одновременно и чтят традицию, и бросают ей вызов, движимые сильнейшим желанием расширить границы самовыражения, используя все доступные для этого творческие методы и технологии. Так, с появлением и утверждением технологии NFT произошла демократизация искусства и обогащение его но-

выми смыслами. Именно благодаря этому процессу развиваются и добиваются невероятного признания цифровые художники, прежде не имевшие доступа в мир «большого искусства», расширяется аудитория зрителей и коллекционеров, формируются новые жанры арт-критики.

Таким образом, анализ взаимоотношений новейшего мультимедийного искусства и художественного наследия в странах Запада находится в центре внимания нашей статьи.

Обзор литературы

Направления новейшего цифрового искусства развиваются с огромной скоростью, что создает некоторые затруднения для комплексного освещения в научных трудах. Доступные широкой публике на русском языке релевантные исследования зарубежных коллег К. Пол [1], М. Раша [2] и Л. Мановича [3] значительно продвинули изучение и систематизацию цифрового искусства, а также расширили теоретическую основу новых медиа. Среди публикаций отечественных специалистов стоит выделить исследования С. В. Ерохина [4] по систематизации компьютерного искусства и эстетике цифровых медиа. Данные публикации исследуют взаимодействие технологий, искусства и социокультурного контекста, подчеркивая преобразующий потенциал новых медиа в изменении формы художественного самовыражения и вызове традиционным формам искусства. Перечисленные исследования сыграли значительную роль в становлении цифрового искусства как нового вида художественного творчества, способствовали критическому дискурсу, заложили теоретические основы, представили историко-культурный контекст, в котором развивались новейшие медиа. Более того существенно расширили образ современного искусства. Главной проблемой вышеперечисленных исследований является то, что они давно не

переиздавались и не отражают существенных изменений в тенденциях последних 10 лет. Для актуализации информации были использованы отдельные публикации зарубежных музеев последних трех лет, среди них LACMA (Лос-Анджелес) [5], Мосо (Амстердам) [6], МоМА (Нью-Йорк) [7], Центр Помпиду (Париж) [8], впервые представившие искусство на блокчейне в своих коллекциях и кураторских выставочных проектах.

Методы исследования

В рамках исследования были применены формально-стилевой, иконографический, иконологический, историко-культурный и историко-социальный методы исследования.

Результаты и дискуссия

Несмотря на то что движение искусства на блокчейне находится на ранней стадии своего развития (2016–2023 гг.), оно уже имеет своих звезд. И одним из признанных пионеров криптоискусства по праву считается анонимный художник из Лондона – Хсору (Икскопи) [9]. О нем известно немного: только то, что, занимаясь созданием gif-анимаций с 2010 г., он первоначально размещал их в известной соцсети Tumblr [10]. Однако известные ограничения, свойственные этой площадке, повлияли на формат его авторских произведений: как правило, это несложные анимированные файлы с минимальным количеством цветов [11]. Также известно, что Хсору – весьма продуктивный художник, ведь в течение 10 лет он выкладывал новые работы каждый месяц [12]. С появлением возможности коммерциализации своего творчества с помощью блокчейна Хсору завоевывает обширный рынок, формируя еще больший круг почитателей и коллекционеров, приведший его к феноменальному успеху. Известно, что свои первые работы он загрузил на блокчейн («заминтил» – от англ. to mint – чеканить) еще в 2017 г. Расширяя свою экспансию, он охватывает многие блокчейн-платформы, среди которых Super Rare, Known Origin, Async, NiftyGateway и Opensea [13].

Как утверждает сам Хсору, в своих произведениях он «...исследует смерть, антиутопию и апатию через искаженные визуальные петли» [14], используя резкие вспышки, яркие цвета и глитч-эстетику (glitch – с англ. «сбой»).

В одном из двух своих интервью для площадки SuperRare он говорит, что «...многому научился у пиксельных анонов (анонимный пользователь) в твиттере – этом развлекательном и вдохновляющем пространстве» [14]. Таким образом, эстетика gif-изображений кажется уже ретроспективной, отдавая дань временам культуры 2009–2014 гг., нашедшей свое воплощение на платформе Tumblr [15].

Хсору нарочито использует эстетику пиксель-арта, граффити и глитчей для создания визуально насыщенных сцен, которые часто населены странными и тревожными существами. Художник ком-

бинирует различные текстуры, формы и цвета, чтобы создать уникальный стиль, одновременно яркий и в то же время потусторонний.

Изучая эволюцию творчества Хсору на Tumblr, можно заметить, как происходит становление его визуального языка. Начиная с исследований глитчей и совмещая их с коллажной техникой (2010–2013 гг.), художник постепенно вырабатывает характерные для своего творчества иконографические мотивы – изображение глаз, черепа, портретных силуэтов, которые охвачены дрожащей многослойной, почти истеричной линией. Подобные произведения появляются в ленте с ноября 2017 г., становясь истоком для его современных образов.

С другой стороны, нельзя не заметить некоторое сходство между работами Хсору и Жана Мишеля Баскии, хотя и очевидно, что они представляют собой совершенно разные направления в искусстве.

В 2017 г. в Центре Барбикан в Лондоне прошла крупная ретроспектива Баскии под громким названием – «Баския: настоящий бум», которая стала первой масштабной выставкой работ художника в Великобритании. Экспозиция представила более 100 картин, рисунков и мультимедийных инсталляций Баскии, а также архивные материалы и фотографии [16]. Эта выставка вызвала огромный резонанс, укрепив положение Баскии как одного из самых влиятельных художников 20 века, показав неизменную актуальность его наследия для новейшего искусства и культуры [17]. Неслучайно, что именно после 2017 г. в творчестве Хсору стали появляться многочисленные портреты, а роль художественного наследия в его творчестве приобрела особенно яркий характер.

Кроме того, нельзя не отметить диалоги с Хсору с творчеством Фрэнсиса Бэкона, его хонтологическими [18] портретами 1950-х годов, представляющими собой призрачные, мрачные образы, сложные вибрирующие силуэты будто бесплотных фигур, пребывающих в состоянии аффекта, с лицами, искривленными гримасой.

Другим крупнейшим событием художественной жизни Великобритании 2016 г. стала большая монографическая выставка произведений Фрэнсиса Бэкона в галерее Тейт Ливерпуль, под интригующим названием «Фрэнсис Бэкон: невидимые комнаты». Экспозиция включала более 80 работ художника, в том числе целый ряд неизвестных и малоизвестных картин из частных коллекций. Помимо того, выставочный проект также исследовал творческий метод художника, влияние его особого студийного пространства, разрушающего все мыслимые и немыслимые границы, что безусловно выплеснулось в его ярком художественном высказывании [19]. Невероятное напряжение и длительный резонанс, вызванные этой выставкой, спровоцировали ажиотаж вокруг картин мастера, которому стали посвящать многочисленные пуб-

ликаций. Более того, стали расти аукционные продажи, сделавшие Бэкона фаворитом самых успешных коллекционеров. Так, например, 6 октября 2017 г. на аукционе Christie's была продана картина *Head with Raised Arm* (1955 г.), отметившая рекордную для той поры сумму в £11,483,750 [20]. Кажется, что успехи аукционных продаж картин Баскни и Бэкона сделали их имена еще более популярными в глазах нового поколения цифровых художников, мечтающих о признании.

Однако некоторые работы Хсору выражают ясную гражданскую позицию, непримиримую реакцию на злободневные вызовы современности – в цифровых коллажах, совмещающих трафаретные заливки с узнаваемыми текстурами, «глитчями», характерными для индивидуального стиля художника. Вероятно, автор вдохновлялся стрит-арт культурой, в частности, работами Бэнкси и Шепарда Фейри. Художник не стесняется бросать вызов общественным нормам и порядкам, провоцировать. Пик политических высказываний Хсору приходится на 2016–2018 гг.: это провокативные изображения премьер-министра Великобритании Терезы Мэй (2016–2019 гг.) и президента США Дональда Трампа (2017–2021 гг.), непринужденно позирующих на фоне мотивов, знаменующих глобальные конфликты и катастрофы.

Затем художник обратился к другим, более близким ему, остросоциальным темам – проблеме чрезмерного потребления и произвола средств массовой информации. Такая честность вызвала симпатии современных крипто-коллекционеров. Так, работа «Какая-то сволочь» (*Some Asshole*, 2018) [21] (рис. 1) была приобретена Cozomo de' Medici за 3,86 миллиона долларов США. А коллекция «Сброд на телевидении» [22] в числе первых была продана Sotheby's на их новой платформе Sotheby's Metaverse, запущенной в октябре 2021 г.



Рис. 1. Хсору «Какая-то сволочь», 2018
Fig. 1. Xsoru «Some Asshole», 2018

Помимо прочего, работы Хсору заставляют задуматься и о природе цифрового искусства, в частности, крипто-искусства. Например, коллекция «Щелкните правой кнопкой и «сохраните как» парня» (*Right-click and Save As Guy*, 2018) [23] высмеивает популярное мнение обывателя: «Зачем мне покупать это, если я могу просто щелкнуть правой кнопкой мыши и сохранить это?». Помимо того, Музей современного цифрового искусства (MOGDA) отмечает, что Хсору использует ««эффект глитча» как острый художественный прием для критики современных проблем и взглядов... Кажется, будто эта работа отражает саму природу крипто-искусства» [24].

Творчество художника уже широко признано арт-сообществом [25]. Его работы были представлены на таких выставках, как «Lugano NFT Week» на вилле Ciani в Лугано (2021 г.) [26], «CryptOGs»: пионеры искусства NFT на Bonhams, (2021 г.) [27], «DART2121» в Museo della Permanente (Милан, 2021 г.) [28], «Milano Art Week 2022» (Милан, 2022 г.) [29] и других.

Виктор Ланглуа (Victor Langlois, р. 2002) – другой молодой цифровой художник из США, больше известный под ником Fewocious (Февошеус), получивший значительное признание в мире крипто-искусства, начал творческий путь в возрасте 13 лет, размещая свои работы в интернете [30]. Таким образом, он «сбежал» от жестокой реальности, окружавшей его в семье, направляя всю свою энергию в творчество. Постепенно художник освоил цифровую живопись, отчасти и по той причине, что его религиозная, консервативная семья не принимала его творческие поиски, а, скрытые в цифровом пространстве, его рисунки оставались незамеченными для членов его семьи [31]. В 2020 г. художник обратился к крипто-искусству. Ланглуа быстро привлек внимание своими яркими и выразительными работами, сочетающими в себе элементы поп-культуры, аниме и стрит-арта. Кроме того, Fewocious часто исследует темы идентичности в своих произведениях, преобразуя их в сложные динамичные и яркие композиции. Его образы провоцируют зрителя, заставляя задуматься о самых острых проблемах современного общества (рис. 2).

Fewocious продает свои работы через ряд крипто-арт-платформ, включая SuperRare [32], Nifty Gateway [33], Opensea [34] и Foundation [35]. В марте 2021 г. он стал героем таблоидов, продав одно из своих произведений искусства на аукционе Christie's за сумму, превышающую 1,5 миллиона долларов, что сделало его самым молодым художником, когда-либо представленным аукционным домом. Более того, 23 июня 2021 г., в день старта продаж, огромное количество пользователей, желающих сделать ставку, обрушили работу сайта. По свидетельству журнала Esquire такое случилось впервые [36].



Рис. 2. Виктор Ланглуа «Год четвертый, семнадцать лет – Его зовут Виктор», 2021
 Fig. 2. Victor Langlois «Year 4, Age 17 – His Name is Victor», 2021

В своем интервью для Christie's [37] Fewocious отмечает, что на его художественный вкус повлияла обложка музыкального альбома Канье Уэста *My Beautiful Dark Twisted Fantasy* (2010 г.) [38], в разработке которой участвовал художник-портретист Джордж Кондо (р. 1957 г.) [39]. И действительно, и у Fewocious, и у Джорджа Кондо есть похожие черты в поиске особенного портретного образа, где лицо героя деформировано, искажено гримасой или даже фрагментировано, напоминая пластические опыты раннего авангарда и кубизма. Оба художника создают гротескные, почти карикатурные изображения, показывая сложность человеческих состояний и психики.

Fewocious также отмечает, что мода для него является источником особого вдохновения. Прежде всего, коллекция Voss сезона весна-лето 2001 г. Александра МакКуина [37].

В многослойной красочности, фактурности открытых мазков и текстур, размашистых ударах кисти можно разглядеть влияние стрит-арта, а также творчества Баскии. Тем более, как говорилось выше, выставочные проекты, посвященные этому афроамериканскому мастеру, с триумфом прокатились по крупнейшим городам мира с начала 2000-х гг.

О широком признании Fewocious в арт-сообществе и даже в музейных кругах свидетельствует участие в престижных выставках, в числе которых «The New FuTure exhibition» под кураторством Музея Мосо (Амстердам, 2023) [6].

Дмитрий Черняк (Dmitri Cherniak, р. 1988 г.) [40] – цифровой художник из Канады, работающий в жанре генеративной графики. Стал исполь-

зовать NFT-технологии еще в 2014 г. Являясь инженером по образованию, он рассматривает свое творчество как часть «автоматизированного процесса», утверждая, что на самом деле «...творчества в этом процессе гораздо больше, чем это принято было считать» [41]. Черняк работает со скриптами, которые позволяют автоматически генерировать изображения на платформе Art Blocks. Он известен своей серией «Ringers», состоящей из 1000 NFTs, в которых используются различные комбинации расположения «струн и колышков», образующих уникальные геометрические композиции (рис. 3).



Рис. 3. Дмитрий Черняк «Кольца #910», 2021
 Fig. 3. Dmitri Cherniak «Ringers #910», 2021

Использование Черняком ярких локальных цветов, смелых геометрических форм и контрастных композиционных решений, а также намеренное соединение несопоставимых элементов, создающих напряжение, конфликт в его цифровых произведениях, – дань его давнему увлечению супрематизмом, конструктивизмом и функционализмом Баухауза.

В одной из своих последних NFT-серий «Световые годы» (*Light Years*, 2022) Черняк по-новому взглянул на творческое наследие Ласло Мохой-Надя (1895–1946 гг.), с целью найти взаимосвязи с современным генеративным искусством (рис. 4). Выбор художника очевиден: ведь именно с творческими экспериментами Мохой-Надя напрямую связано искусство новейших медиа. Мохой-Надя одним из первых использовал телекоммуникационные технологии для создания произведения искусства – «Телефонные картины» (*Telephone pictures*, 1922 г.), которые были выполнены на фабрике по заказу, который был продиктован художником по телефону [4, с. 16]. Венгерский мастер вдохновился русским авангардом после посещения «Первой русской художественной вы-

ставки» в Берлине в 1920 г. [42] «Телефонные картины» не только предвосхищают новые подходы и способы создания произведений искусства, но и показывают, что идейный замысел для современного художника важнее технического исполнения, которое может быть реализовано на фабрике. Таким образом, художник позиционирует себя, как «генератор идей», творец нового типа, для которого замысел важнее, чем его реализация, которую можно перепоручить «ремесленникам». Так, быть может, впервые интеллектуальное и художественное творчество отделяется от производственного процесса.



Рис. 4. Дмитрий Черняк «Световые годы», 2022
Fig. 4. Dmitri Cherniak «Light Years», 2022

Для реализации проекта «Световые годы» Черняк получил возможность исследовать сотни предметов в семейном архиве Мохой-Надя, разместившемся в мичиганском имении художника. Кроме того, в изучении наследия венгерского мастера очень помогло интервью с его 87-летней дочерью Хаттулой.

Каждое изображение коллекции было создано посредством системы генерации на основе кода, затем вручную отобраны варианты были распечатаны в аналоговой технике: с использованием пленочных негативов, проявленных в желатиносеребряной технологии [43] – точно так же, как в 1930-е гг. Затем негативы были оцифрованы и «отчеканены» как NFT [44].

В своем интервью для Christie's Черняк рассказывает о том, что творчество Мохой-Надя стало источником его вдохновения задолго до реализации

проекта. Художника восхитило то, как мастер-конструктивист 1920-х гг. почувствовал и предвосхитил техногенную красоту эпохи гипериндустриализации. Хитросплетение проводов и железнодорожных путей, которые окружили дом авангардиста, нарушив патриархальные просторы полей, нашли отражение в динамичных ракурсах большого цикла фотографий, среди которых «Пересечение диагоналей» (1925 г.) и «Радио и железнодорожный пейзаж» (1919–1920 гг.). Безудержно растущий индустриальный мир открывается ему и в путешествиях, где в фокусе его камеры оказываются не дворцы и соборы древней германской столицы, но «Берлинская радиобашня» (1928–1929 гг.).

Размышляя о своих диалогах с венгерским авангардистом Черняк в своем интервью красноречиво рассказывает о своем проекте: «Использование железнодорожных путей и телефонных проводов казалось мне довольно символичным, связывая идеи Мохой-Надя с моей собственной генеративной художественной практикой, соединяя нас во времени и в пространстве. Алгоритм композиционного построения составляют сегменты, напоминающие железнодорожные пути, которые смещаются в перспективе, напоминая одновременно и телефонные столбы, и провода». Также, по его мнению, проект «Световые годы» – это во многом «...дань уважения истокам, а именно фотограмме как медиуму, продолжающему свою жизнь в цифровой культуре». Однако он создает «...фотографии не используя фотокамеру, обращаясь к автономной системе, запрограммированной с помощью кода, и к “отточенному вручную” аналоговому процессу создания фотографий» [39].

Фотограмма [45], или, как ее иногда называют, «бескамерная фотография», была популярна в начале XX в. Помимо Мохой-Надя (в 1922 г.) к этой технике прибегали Кристиан Шад (с 1918 г.) и Ман Рей (в 1921 г.), вдохновленные дадаизмом. С данной техникой экспериментировали на протяжении всего 20 века, и продолжают это делать по сей день. На основе своих экспериментов с фотограммой Мохой-Надя создал «Модулятор света и пространства» (Light Prop for an Electric Stage, 1930 г.) и снял абстрактный фильм под названием «Игра света: черный-белый-серый» (Ein Lichtspiel schwarz weiss grau, 1930), с попыткой визуализации «акта видения» [46].

При поддержке коллектива фотографов Fellowship 10–13 ноября 2022 г. была организована выставка в рамках ежегодного смотра Paris Photo, а 1 декабря 2022 г. стартовал онлайн-аукцион. Запуску предшествовал выпуск документального фильма, рассказывающего о процессе производства данной коллекции в партнерстве с семейным архивом Мохой-Надя в Мичигане [47].

Важно отметить, что произведения Черняка вошли в состав NFT-экспозиции музея LACMA (The Los Angeles County Museum of Art), а также

экспонировались в составе «The New Future exhibition» под патронажем Музея Моко (Амстердам, 2023 г.) [38].

Другой представитель этого поколения – Рафаэль Розендал (Rafaël Rozendaal, род. 1980 г.) – современный художник голландско-бразильского происхождения, пионер и яркий представитель нет-арта (интернет-искусства). Его работы исследуют отношения между цифровым и физическим миром. В центре его внимания оказывается сама плоскость «экран» на которую проецируется изображение, однако эта плоскость осмыслена как метафизическая граница между мирами – реальным и вымышленным [48]. Несмотря на то что Розендал является одним из самых ярких представителей именно цифрового искусства, он создает также «физические» версии в виде иммерсивных пространственных инсталляций, настенных росписей, холстов и видеоинсталляций, которые отражают эстетические и концептуальные темы его цифровых работ. Современная арт-критика, в лице интернет-издательства Stirworld, анализирует художественный метод автора, отмечая, «...что увлечение веб-сайтами и доменными именами постепенно превратилось в объединение различных материалов и форм для выдвижения аргументов, которые часто пересекают тонкую грань между виртуальным и физическим. Эта дихотомия наряду с вопросами доступности составляет суть политики Розендала, поскольку он регулярно работает как для интернета, так и для галерей» [49] (рис. 5).



Рис. 5. Рафаэль Розендал «Один дома», 2020
Fig. 5. Rafaël Rozendaal «HOME ALONE», 2020

Изначально Розендал выступал за свободу искусства, поэтому рассматривал интернет как «свободную зону», лишенную границ и условностей. Расширяя доступ к своему творчеству, он бросает вызов предрассудкам, согласно которым искусство – сфера элитарных вкусов. Лишенная контроля, культурных и государственных институций сеть интернет позволила насладиться этой независимостью, отсутствием регламента, предвзятости, тенденциозности, политической и эстетической конъюнктуры. Без всяких преград художники делятся самыми смелыми идеями и экспериментальными работами, расширяя круг своих зрителей. Таким образом, веб-сайты Розендала могут быть использованы людьми в любой точке мира, где есть подключение к интернету, и они

предлагают альтернативу учреждениям, от которых традиционно зависели художники. Публичный доступ к его работам особенно важен: когда коллекционер покупает один из веб-сайтов мастера, художник ставит условие, согласно которому произведение должно оставаться в свободном доступе в интернете навечно. Именно поэтому Розендал обратился к технологии NFT, ведь доступ к просмотру токенов не ограничен во времени и пространстве [49].

Примечательно, что только в 2022 г. художник выпустил несколько NFT-коллекций, в числе которых проекты «Пересечения» и «Углы» [50]. В своем интервью для креативного директора Art Blocks Джеффа Дэвиса художник подчеркивает: «...я очень долго работал с доменными именами и придерживался Web1. Теперь я полностью принял блокчейн» [51], что является наглядным свидетельством динамичной эволюции художника, «идущего в ногу» с интернетом, вступающим в эпоху Web3, одним из проявлений которой стал блокчейн [52].

Важно отметить, что прогрессизм Розендала далек от нигилизма: художник страстно увлечен искусством модернизма, вдохновляющим его на новые художественные открытия [53]. Строгие геометричные и постоянно меняющиеся формы будто продолжают эксперименты абстракции начала XX в., пионерами которой были такие художники, как Казимир Малевич и Пит Мондриан [54]. Помимо того, среди фаворитов Розендала – венгр Виктор Вазарели, признанный основоположник оп-арта, а также американец Фрэнк Стелла (р. 1936 г.), с его яркими, эксцентричными панно. Ряд модернистов XX в. замыкает наш современник Джеймс Таррелл (р. 1943 г.), мастер киноэффектов, вырвавшийся за пределы плоскости в иллюзорное трехмерное пространство, созданное с помощью света, оптических и физических эффектов.

Ярким примером такого диалога стала монографическая выставка мастера с эффектным названием «Цвет, Код, Коммуникация» (Color, Code, Communication) [55] в Музее Фолькванг (г. Эссен, Германия, 2023 г.). Кураторская концепция наглядно выражена в названии, указывающем на исключительную важность цвета в истории человеческой цивилизации.

Особенный проект Розендала – малотиражная коллекционная книга «Один дома» (2019 г.) [56], а также связанные с ней серии NFT «Посвящение» (2022 г.), «Двери» (2022 г.) и «Шкафы» (2022 г.), в которых художник исследует механизмы демократизации искусства посредством различных цифровых инструментов. Поиски Розендала в направлении NFT и блокчейна обнаруживают искреннюю веру в потенциальную мощь союза искусства и технологий.

Творчество Розендала, некоторое время декларативно ограничивавшее себя пространством

сети, в последние годы смело переступило пороги престижных европейских и дальневосточных музеев и галерей, включивших его произведения в состав коллекций, постоянных экспозиций и выставок. Так, например, в 2023 г. одно из его NFT-произведений было включено в собрание первой NFT-коллекции Центра Помпиду в Париже [57].

Среди самых известных художников современности отметим также Урса Фишера (р. 1973 г.) – швейцарца по происхождению, известного своими эклектичными, нередко сюрреалистическими скульптурами, картинами, фотографиями и инсталляциями. Творческий процесс Фишера известен своей спонтанностью, включает работу с различными материалами – глиной, воском, бронзой и даже пищевыми продуктами. Российской аудитории Урс Фишер известен благодаря скульптуре «Большая глина № 4», находящейся около здания ГЭС-2 на Болотной набережной в Москве.

В 2021 г. художник опубликовал на платформе Makersplace [58] свою первую коллекцию NFT под названием «Хаос» [59]. Коллекция, состоящая из 500 уникальных NFT, каждый из которых представляет собой цифровую скульптуру, составленную из двух знакомых всем объектов, отсканированных в 3д. Объекты движутся по орбитам, пересекаясь друг с другом и образуя причудливые формы. Проект будто бы возвращает нас в баснословные времена сотворения мира, когда из обломков хаоса, а может быть, даже повседневного мусора рождался божественный космос – порядок, ставший основой мироздания. Цикл бесконечных метаморфоз Вселенной показан художником с наивной непосредственностью, таящей глубокий философский смысл. Кульминацией проекта можно смело назвать объект CHAOS #501, объединяющий тысячу отсканированных фигур.

Помимо цифрового пространства, проект был представлен в Marciano Art Foundation (MAF, Лос-Анджелес) в 2022 г. Помимо того, была организована сопутствующая выставка с претенциозным названием «Знаменатель» в нью-йоркской галерее Гагосяна, где CHAOS #501 был показан на огромном настенном дисплее [59]: «Вместе объекты, собранные здесь, образуют субъективную энциклопедическую композицию, рассказывающую историю человечества через артефакты, которые оно оставляет после себя». Так арт-критики галереи оценили историософский смысл инсталляции [60].

Работа Урса Фишера из серии «Хаос: Буколический» (рис. 6) была представлена на выставке «Невидимый эфир» в Эрмитаже (Санкт-Петербург, 2021 г.) [61].

Очевидно, что идейные истоки этой коллекции берут свое начало в произведениях Марселя Дюшана, его объектах реди-мейд, вызвавших столько скандалов и споров 100 лет назад. Фишер показывает оцифрованные объекты максимально детально, со всеми изъянами, нарочитым натура-

лизмом, намеренно искажая их масштаб. Благодаря этому приему художник меняет фокус зрения, заставляя всякого переосмыслить привычный предметный мир и место создавшего его человека. Таким образом, коллекцию «Хаос» можно рассматривать как исследование концепции реди-мейда в эпоху цифровых технологий, когда эти технологии обеспечивают новый уровень точности и манипулирования повседневными предметами.



Рис. 6. Урс Фишер «Хаос №21. Буколический», 2021
Fig. 6. Urs Fischer «CHAOS #21 (Bucolic)», 2021

Диалог с искусством поп-арта и, в частности, художником Класом Олденбурггом (1929–2022 гг.) позволяет Фишеру с неподдельной иронией и юмором еще раз обратить пристальное внимание на культуру безудержного, разрушительного потребления, спровоцированного им массового производства, влекущего дегуманизацию искусства и общества.

Использование Фишером высокодетализированных отсканированных 3D-моделей, преобразованных в цифровые скульптуры, поднимает целый ряд острых вопросов: о природе аутентичности, оригинальности и авторства в эпоху цифровых технологий, об отношениях человечества и цифрового мира. Фишер подчеркивает исключительную зависимость современного общества от быстрого роста технологий, их влияния на наше восприятие реальности.

Выводы

Кажется, будто совсем недавно многие рассуждали о том, что NFT-культура – пристанище маргиналов, создающих цифровые аттракционы и аватарки, которые лишены художественной значимости, какого-либо смысла, принципиально отказавшихся от культурного наследия человечества. Однако наше исследование показывает всю предвзятость этого широко распространенного и весьма поверхностного мнения. Нигилизм, максимализм и «задиристость» NFT-сообщества не обернулись крушением старой цивилизации, знаменуя рождение новой эпохи, открывающей двери в чудесное будущее. Этот спор «отцов и детей» представляется нам не конфликтом, но диалогом, связующим звеном которого стало культурное и художественное наследие.

Литература

1. Пол, К. Цифровое искусство / К. Пол. – М.: Ад Маргинем Пресс : Музей современного искусства «Гараж», 2020. – 272 с.
2. Раш, М. Новые медиа в искусстве / М. Раш ; пер. с англ. – М.: Ад Маргинем Пресс : Музей современного искусства «Гараж», 2022. – 256 с.
3. Манович, Л. З. Язык новых медиа / Л. З. Манович. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 400 с.
4. Ерохин, С. В. Цифровое компьютерное искусство / С. В. Ерохин. – СПб.: Алетейя, 2011. – 188 с. [16 с.]
5. NFTs and the Museum // Los Angeles County Museum of Art. – URL: <https://www.lacma.org/lab/nfts-and-museum> (дата обращения: 24.04.2023).
6. The New FuTure exhibition // Moco museum. – URL: <https://mocomuseum.com/exhibitions/amsterdam/the-new-future/15678> (дата обращения: 24.04.2023).
7. What NFTs Mean for Contemporary Art // MoMA. – URL: <https://www.moma.org/magazine/articles/547> (дата обращения: 24.04.2023).
8. The Centre Pompidou in the age of NFTs // Centre Pompidou. – URL: <https://www.centrepompidou.fr/en/magazine/article/the-centre-pompidou-in-the-age-of-nfts> (дата обращения: 24.04.2023).
9. XCOPY, Cryptoart Legend // Metaversal. – URL: <https://metaversal.banklessHQ.com/p/xcopy-cryptoart-legend> (дата обращения: 24.04.2023).
10. XCOPY // Tumblr. – URL: <https://xcopy.tumblr.com/> (дата обращения: 24.04.2023).
11. XCOPY // Sothby's Metaverse. – URL: <https://metaverse.sothebys.com/natively-digital/lots/rabbles-bundle-3-4-16> (дата обращения: 24.04.2023).
12. XCOPY // Tumblr. – URL: <https://xcopy.tumblr.com/> (дата обращения: 24.04.2023).
13. XCOPY: Crypto Art Pioneer // Otis. – URL: <https://www.withotis.com/mag/xcopy-artist-crypto-art> (дата обращения: 24.04.2023).
14. SuperRare x Bonhams presents CryptOGs: 7 Questions with XCOPY // SuperRare Magazine. – URL: <https://superrare.com/magazine/2021/06/21/superrare-x-bonhams-presents-cryptogs-7-questions-with-xcopy/> (дата обращения: 24.04.2023).
15. The Art of XCOPY // Cryptowriter. – URL: <https://crypto.writer.io/p/the-art-of-xcopy> (дата обращения: 24.04.2023).
16. Basquiat: Boom for real // Barbican. – URL: <https://www.barbican.org.uk/whats-on/2017/event/basquiat-boom-for-real> (дата обращения: 24.04.2023).
17. В Лондоне открылась масштабная выставка Жан-Мишеля Баскии // РБК Стиль. – URL: <https://style.rbc.ru/impressions/59c4e3859a79471c63a305d> (дата обращения: 24.04.2023).
18. Гаврилин, К. Н. Портретный жанр в творчестве Мао Яня. Опыт живописной хонтологии / К. Н. Гаврилин, Г. К. Кошелев, Фей Лу // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА – МГХПА. – 2022. – № 4. – Ч. 3. – С. 34–41.
19. Francis Bacon: Invisible Rooms // Tate. – URL: <https://www.tate.org.uk/whats-on/tate-liverpool/francis-bacon-invisible-rooms> (дата обращения: 24.04.2023).
20. Post-War and Contemporary Art Evening Auction // Christie's. – URL: <https://www.christies.com/en/auction/Post-War-and-Contemporary-Art-Evening-Auction-26979?intsaleid=26979&lid=1> (дата обращения: 24.04.2023).
21. Some Asshole // SuperRare. – URL: <https://superrare.com/artwork/some-asshole-7> (дата обращения: 24.04.2023).
22. XCOPY // Sothby's Metaverse. – URL: <https://metaverse.sothebys.com/natively-digital/lots/rabbles-bundle-3-4-16> (дата обращения: 24.04.2023).
23. Right-click and Save As guy // SuperRare. – URL: <https://superrare.com/artwork/right-click-and-save-as-guy-1154> (дата обращения: 24.04.2023).
24. XCOPY: Crypto Art Pioneer // Otis. – URL: <https://www.withotis.com/mag/xcopy-artist-crypto-art> (дата обращения: 24.04.2023).
25. XCOPY // Wikipedia. – URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/XCOPY_\(artist\)](https://en.wikipedia.org/wiki/XCOPY_(artist)) (дата обращения: 24.04.2023).
26. Lugano NFT Week: Non Fungible Tangible // Assodigitale. – URL: <https://assodigitale.it/blockchain/nft-art/lugano-nft-week-non-fungible-tangible/> (дата обращения: 24.04.2023).
27. Bonhams x SuperRare present: CryptOGs: The Pioneers of NFT Art // FAD Magazine. – URL: <https://fadmagazine.com/2021/06/18/bonhams-x-superrare-present-cryptogs-the-pioneers-of-nft-art/> (дата обращения: 24.04.2023).
28. Al Museo della Permanente di Milano “2121”, la più grande mostra sulla Crypto Art // Artribune. – URL: <https://www.artribune.com/progettazione/new-media/2021/11/museo-permanente-milano-2121-mostra-crypto-art/> (дата обращения: 25.04.2023).
29. Art Innovation Gallery presenta NFT. Digital Art Exhibition: la magia dell'arte digitale arriva a Milano // Il giornale d'Italia. <https://www.ilgiornaleditalia.it/news/cultura/352096/art-innovation-gallery-nft-digital-art-exhibition-arte-digitale-milano.html> (дата обращения: 25.04.2023).
30. Fewocious // Fewocious. – URL: <https://fewocious.com/> (дата обращения: 25.04.2023).
31. The FEWOCIOUS Interview // Youtube. – URL: <https://youtu.be/SRgmcscCg40> (дата обращения: 25.04.2023).
32. Fewocious // SuperRare. – URL: <https://superrare.com/fewocious> (дата обращения: 25.04.2023).
33. Looking in the Mirror by FEWOCIOUS // Nifty Gateway. – URL: <https://www.niftygateway.com/collections/fewocious> (дата обращения: 25.04.2023).
34. Fewocious // OpenSea. – URL: <https://opensea.io/collection/fewocious> (дата обращения: 25.04.2023).
35. Fewocious // Foundation. – URL: <https://foundation.app/collection/fewo> (дата обращения: 25.04.2023).
36. Meet FEWOCIOUS, the Teenager Who

Crashed Christie's Auction House // Esquire. – URL: <https://www.esquire.com/entertainment/a36878931/fe-wocious-crypto-nft-art-christies-profile/> (дата обращения: 25.04.2023).

37. 'This is who I am': FEWOCiOUS on his life in art // Christie's. – URL: <https://www.christies.com/features/FEWOCiOUS-on-his-life-in-art-11746-3.aspx> (дата обращения: 25.04.2023).

38. My Beautiful Dark Twisted Fantasy // Wikipedia. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/My_Beautiful_Dark_Twisted_Fantasy (дата обращения: 25.04.2023).

39. Artist George Condo Explains His Five Covers for Kanye West's Twisted Fantasy // Vulture. – URL: https://www.vulture.com/2010/11/kanye_george_condo.html (дата обращения: 25.04.2023).

40. Dmitri Cherniak // MutualArt. – URL: <https://www.mutualart.com/Artist/Dmitri-Cherniak/B06FF2C2FB1F54D3> (дата обращения: 25.04.2023).

41. Dmitri Cherniak // Makersplace. – URL: <https://makersplace.com/dmitricherniak/about> (дата обращения: 25.04.2023).

42. László Moholy-Nagy // MoMA. – URL: <https://www.moma.org/collection/works/78747> (дата обращения: 25.04.2023).

43. Gelatin silver process // Wikipedia. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Gelatin_silver_process (дата обращения: 25.04.2023).

44. Light Years. Dmitri Cherniak // Fellowship. – URL: <https://lightyears.fellowship.xyz/> (дата обращения: 25.04.2023).

45. Photogram // Wikipedia. – URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Photogram> (дата обращения: 25.04.2023).

46. László Moholy-Nagy, Ein Lichtspiel schwarz weiss grau, 1930, 16 mm black-and-white film, silent, 5min. 49 sec. (excerpt) // Vimeo. – URL: <https://vimeo.com/184544366> (дата обращения: 25.04.2023).

47. NFT Artist Dmitri Cherniak Is Taking Creative Cues From the Archives of László Moholy-Nagy for His New Generative Art Series // Artnet News. – URL: <https://news.artnet.com/market/generative-artist-dmitri-cherniak-laszlo-moholy-nagy-light-years-nft-2200681> (дата обращения: 25.04.2023).

48. Rafaël Rozendaal // Artsy. – URL: <https://www.artsy.net/artist/rafael-rozendaal> (дата обращения: 26.04.2023).

49. Artist Rafaël Rozendaal talks about making art on the internet // STIR world. – URL: <https://www.stirworld.com/see-features-artist-rafael-rozendaal-talks-about-making-art-on-the-internet>

rozendaal-talks-about-making-art-on-the-internet (дата обращения: 26.04.2023).

50. Rafaël Rozendaal. Intersections // ArtBlocks. – URL: <https://www.artblocks.io/collections/presents/projects/0xa7d8d9ef8d8ce8992df33d8b8cf4aebabd5bd270/373> (дата обращения: 26.04.2023).

51. In Conversation with Rafaël Rozendaal and Danny Wolfers (Legowelt) // Medium. – URL: <https://medium.com/the-link-art-blocks/in-conversation-with-rafael-rozendaal-and-danny-wolfers-legowelt-e6d61f69efa9> (дата обращения: 26.04.2023).

52. Rafaël Rozendaal // Foundation. – URL: <https://foundation.app/@newrafael> (дата обращения: 26.04.2023).

53. Museum Folkwang shows major NFT-show: Rafael Rozendaal. Color, Code, Communication from 21 April 2023 // Museum Folkwang. – URL: <https://www.museum-folkwang.de/en/press/museum-folkwang-shows-major-nft-show-rafael-rozendaal-color-code-communication-21-april-2023> (дата обращения: 26.04.2023).

54. Rafaël Rozendaal. Artist Profile // Stedelijk. – URL: <https://clck.ru/3645oF> (дата обращения: 26.04.2023).

55. Rafael Rozendaal. Color, Code, Communication // Museum Folkwang. – URL: <https://www.museum-folkwang.de/en/exhibition/rafael-rozendaal> (дата обращения: 26.04.2023).

56. HOME ALONE a limited edition for Three Star Books by Rafaël Rozendaal // Youtube. – URL: https://youtu.be/QW45sIGq_Qw (дата обращения: 26.04.2023).

57. Paris's Centre Pompidou breaks new ground by acquiring 18 NFTs // The Art Newspaper. – URL: <https://www.theartnewspaper.com/2023/02/14/pariss-centre-pompidou-breaks-new-ground-by-acquiring-18-nfts> (дата обращения: 26.04.2023).

58. Urs Fischer. Chaos // Makers place. – URL: <https://makersplace.com/ursfischer/drops/chaos/> (дата обращения: 26.04.2023).

59. Urs Fischer. Chaos // Chaos Chaos. – URL: <https://www.chaosoahchaos.com/> (дата обращения: 26.04.2023).

60. Urs Fischer. Denominator // Ocula. – URL: <https://clck.ru/3645oY> (дата обращения: 26.04.2023).

61. Звезды NFT-арта участвуют в создании «Небесного Эрмитажа» // The Art Newspaper. – URL: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/20211110-trsw/> (дата обращения: 26.04.2023).

Гаврилин Кирилл Николаевич – кандидат искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой истории искусств и гуманитарных наук, Российский государственный художественно-промышленный университет им. С. Г. Строганова, член-корреспондент Российской Академии Художеств (Москва), e-mail: gavrilin_strog@mail.ru. ORCID 0000-0002-0432-5617

Поступила в редакцию 15 июня 2023 г.

NFT ART: DIALOGUES WITH THE HERITAGE OF AVANT-GARDE AND MODERNISM

K. N. Gavrilin

Russian State University of Design and Applied Arts, Moscow, Russian Federation

The article analyzes the ideological and artistic dialogues of contemporary digital artists with masters of art of past eras, primarily modernism and avant-garde. Despite the widespread opinion that modern digital culture radically breaks and rejects any connection with the artistic tradition, we observe a constant interest in the artistic culture of past periods, its rethinking and interpretation. In our opinion, the dispute between generations, notable even at the initial examination, is not a conflict, but rather a productive dialogue showing the inherent value and self-sufficiency of the latest digital art.

Keywords: contemporary art, digital art, crypto art, NFT art, art on blockchain.

References

1. Paul C. Tsifrovoe iskusstvo [Digital Art]. M.: Ad Marginem Press, 2020. 272 s.
2. Rush M. Novye media v iskusstve [New Media in Art]: per. s angl. M.: Ad Marginem Press, 2022. 256 s.
3. Manovich L. Yazyk novykh media [The Language of New Media]. M.: Ad Marginem Press, 2018. 400 s.
4. Erokhin S.V. Tsifrovoe komp'yuternoe iskusstvo [Digital Art]. SPb.: Aleteyya, 2011. 188 s.
5. NFTs and the Museum // Los Angeles County Museum of Art. URL: <https://www.lacma.org/lab/nfts-and-museum> (data obrashcheniya: 24.04.2023).
6. The New FuTure exhibition // *Moco museum*. URL: <https://mocomuseum.com/exhibitions/amsterdam/the-new-future/15678> (data obrashcheniya: 24.04.2023).
7. What NFTs Mean for Contemporary Art // *MoMA*. URL: <https://www.moma.org/magazine/articles/547> (data obrashcheniya: 24.04.2023).
8. The Centre Pompidou in the age of NFTs // *Centre Pompidou*. URL: <https://www.centrepompidou.fr/en/magazine/article/the-centre-pompidou-in-the-age-of-nfts> (data obrashcheniya: 24.04.2023).
9. XCOPY, Cryptoart Legend // *Metaversal*. URL: <https://metaversal.banklesshq.com/p/xcopy-cryptoart-legend> (data obrashcheniya: 24.04.2023).
10. XCOPY // *Tumblr*. URL: <https://xcopy.tumblr.com/> (data obrashcheniya: 24.04.2023).
11. XCOPY. Sothby's // *Metaverse*. URL: <https://metaverse.sothebys.com/natively-digital/lots/rabbles-bundle-3-4-16> (data obrashcheniya: 24.04.2023).
12. XCOPY // *Tumblr*. URL: <https://xcopy.tumblr.com/> (data obrashcheniya: 24.04.2023).
13. XCOPY: Crypto Art Pioneer // *Otis*. URL: <https://www.withotis.com/mag/xcopy-artist-crypto-art> (data obrashcheniya: 24.04.2023).
14. SuperRare x Bonhams presents CryptOGs: 7 Questions with XCOPY // *SuperRare Magazine*. URL: <https://superrare.com/magazine/2021/06/21/superrare-x-bonhams-presents-cryptogs-7-questions-with-xcopy/> (data obrashcheniya: 24.04.2023).
15. The Art of XCOPY // *Cryptowriter*. URL: <https://crypto.writer.io/p/the-art-of-xcopy> (data obrashcheniya: 24.04.2023).
16. Basquiat: Boom for real. Barbican. URL: <https://www.barbican.org.uk/whats-on/2017/event/basquiat-boom-for-real> (data obrashcheniya: 24.04.2023).
17. V Londone otkrylas' masshtabnaya vystavka Zhan-Mishelya Baskii [A Large-Scale Exhibition of Jean-Michel Basquiat Opened in London] // *RBK Stil'*. URL: <https://style.rbc.ru/impressions/59c4e3859a79471c63ac305d> (data obrashcheniya: 24.04.2023).
18. Gavrilin K.N., Koshelev G.K., Lu Fey. Portretnyy zhanr v tvor-chestve Mao Yanya. Opyt zhivopisnoy khontologii [Portrait Genre in Mao Yan's Works. The Experience of Pictorial Hauntology] // *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik MGKhPA – MGKhPA*. 2022. № 4. Ch. 3. S. 34–41.
19. Francis Bacon: Invisible Rooms // *Tate*. URL: <https://www.tate.org.uk/whats-on/tate-liverpool/francis-bacon-invisible-rooms> (data obrashcheniya: 24.04.2023).
20. Post-War and Contemporary Art Evening Auction // *Christie's*. URL: <https://www.christies.com/en/auction/Post-War-and-Contemporary-Art-Evening-Auction-26979?intsaleid=26979&lid=1> (data obrashcheniya: 24.04.2023).
21. Some Asshole // *SuperRare*. URL: <https://superrare.com/artwork/some-asshole-7> (data obrashcheniya: 24.04.2023).

22. XCOPY // *Sothby's Metaverse*. URL: <https://metaverse.sothebys.com/natively-digital/lots/rabbles-bundle-3-4-16> (data obrashcheniya: 24.04.2023).
23. Right-click and Save As guy // *SuperRare*. URL: <https://superrare.com/artwork/right-click-and-save-as-guy-1154> (data obrashcheniya: 24.04.2023).
24. XCOPY: Crypto Art Pioneer // *Otis*. URL: <https://www.withotis.com/mag/xcopy-artist-crypto-art> (data obrashcheniya: 24.04.2023).
25. XCOPY // *Wikipedia*. URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/XCOPY_\(artist\)](https://en.wikipedia.org/wiki/XCOPY_(artist)) (data obrashcheniya: 24.04.2023).
26. Lugano NFT Week: Non Fungible Tangible // *Assodigitale*. URL: <https://assodigitale.it/blockchain/nft-art/lugano-nft-week-non-fungible-tangible/> (data obrashcheniya: 24.04.2023).
27. Bonhams x SuperRare present: CryptOGs: The Pioneers of NFT Art // *FAD Magazine*. URL: <https://fadmagazine.com/2021/06/18/bonhams-x-superrare-present-cryptogs-the-pioneers-of-nft-art/> (data obrashcheniya: 24.04.2023).
28. AI Museo della Permanente di Milano «2121», la più grande mostra sulla Crypto Art // *Artribune*. URL: <https://www.artribune.com/progettazione/new-media/2021/11/museo-permanente-milano-2121-mostra-crypto-art/> (data obrashcheniya: 25.04.2023).
29. Art Innovation Gallery presenta NFT. Digital Art Exhibition: la magia dell'arte digitale arriva a Milano // *Il giornale d'Italia*. URL: <https://www.ilgiornaleditalia.it/news/cultura/352096/art-innovation-gallery-nft-digital-art-exhibition-arte-digitale-milano.html> (data obrashcheniya: 25.04.2023).
30. Fewocious // *Fewocious*. URL: <https://fewocious.com/> (data obrashcheniya: 25.04.2023).
31. The FEWOCiOUS Interview // *Youtube*. URL: <https://youtu.be/SRgmcsCg40> (data obrashcheniya: 25.04.2023).
32. Fewocious // *SuperRare*. URL: <https://superrare.com/fewocious> (data obrashcheniya: 25.04.2023).
33. Looking in the Mirror by FEWOCiOUS // *Nifty Gateway*. URL: <https://www.niftygateway.com/collections/fewocious> (data obrashcheniya: 25.04.2023).
34. Fewocious // *OpenSea*. URL: <https://opensea.io/collection/fewocious> (data obrashcheniya: 25.04.2023).
35. Fewocious // *Foundation*. URL: <https://foundation.app/collection/fewo> (data obrashcheniya: 25.04.2023).
36. Meet FEWOCiOUS, the Teenager Who Crashed Christie's Auction House // *Esquire*. URL: <https://www.esquire.com/entertainment/a36878931/fewocious-crypto-nft-art-christies-profile/> (data obrashcheniya: 25.04.2023).
37. 'This is who I am': FEWOCiOUS on his life in art // *Christie's*. URL: <https://www.christies.com/features/FEWOCiOUS-on-his-life-in-art-11746-3.aspx> (data obrashcheniya: 25.04.2023).
38. My Beautiful Dark Twisted Fantasy // *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/My_Beautiful_Dark_Twisted_Fantasy (data obrashcheniya: 25.04.2023).
39. Artist George Condo Explains His Five Covers for Kanye West's Twisted Fantasy // *Vulture*. URL: https://www.vulture.com/2010/11/kanye_george_condo.html (data obrashcheniya: 25.04.2023).
40. Dmitri Cherniak // *MutualArt*. URL: <https://www.mutualart.com/Artist/Dmitri-Cherniak/B06FF2C2FB1F54D3> (data obrashcheniya: 25.04.2023).
41. Dmitri Cherniak // *Makersplace*. URL: <https://makersplace.com/dmitricherniak/about> (data obrashcheniya: 25.04.2023).
42. László Moholy-Nagy // *MoMA*. URL: <https://www.moma.org/collection/works/78747> (data obrashcheniya: 25.04.2023).
43. Gelatin silver process // *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Gelatin_silver_process (data obrashcheniya: 25.04.2023).
44. Light Years. Dmitri Cherniak // *Fellowship*. URL: <https://lightyears.fellowship.xyz/> (data obrashcheniya: 25.04.2023).
45. Photogram // *Wikipedia*. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Photogram> (data obrashcheniya: 25.04.2023).
46. László Moholy-Nagy, Ein Lichtspiel schwarz weiss grau, 1930, 16 mm black-and-white film, silent, 5min. 49 sec. (excerpt) // *Vimeo*. URL: <https://vimeo.com/184544366> (data obrashcheniya: 25.04.2023).
47. NFT Artist Dmitri Cherniak Is Taking Creative Cues From the Archives of László Moholy-Nagy for His New Generative Art Series // *Artnet News*. URL: <https://news.artnet.com/market/generative-artist-dmitri-cherniak-laszlo-moholy-nagy-light-years-nft-2200681> (data obrashcheniya: 25.04.2023).
48. Rafaël Rozendaal // *Artsy*. URL: <https://www.artsy.net/artist/rafael-rozendaal> (data obrashcheniya: 25.04.2023).
49. Artist Rafaël Rozendaal talks about making art on the internet // *STIR world*. URL: <https://www.stirworld.com/see-features-artist-rafael-rozendaal-talks-about-making-art-on-the-internet> (data obrashcheniya: 26.04.2023).
50. Rafaël Rozendaal. Intersections // *ArtBlocks*. URL: <https://www.artblocks.io/collections/presents/projects/0xa7d8d9ef8d8ce8992df33d8b8cf4aebabd5bd270/373> (data obrashcheniya: 26.04.2023).

51. In Conversation with Rafaël Rozendaal and Danny Wolfers (Legowelt) // *Medium*. URL: <https://medium.com/the-link-art-blocks/in-conversation-with-rafa%C3%ABl-rozendaal-and-danny-wolfers-legowelt-e6d61f69efa9> (data obrashcheniya: 26.04.2023).
52. Rafaël Rozendaal // *Foundation*. URL: <https://foundation.app/@newrafael> (data obrashcheniya: 26.04.2023).
53. Museum Folkwang shows major NFT-show: Rafael Rozendaal. Color, Code, Communication from 21 April 2023 // Museum Folkwang. URL: <https://www.museum-folkwang.de/en/press/museum-folkwang-shows-major-nft-show-rafael-rozendaal-color-code-communication-21-april-2023> (data obrashcheniya: 26.04.2023).
54. Rafaël Rozendaal. Artist Profile // *Stedelijk*. URL: <https://www.stedelijk.nl/en/digdeeper/rafael-rozendaal#:~:text=He%20is%20particularly%20inspired%20by,and%20the%20browser%20the%20canvas> (data obrashcheniya: 26.04.2023).
55. Rafael Rozendaal. Color, Code, Communication // *Museum Folkwang*. URL: <https://www.museum-folkwang.de/en/exhibition/rafael-rozendaal> (data obrashcheniya: 26.04.2023).
56. HOME ALONE a limited edition for Three Star Books by Rafaël Rozendaal // *Youtube*. URL: https://youtu.be/QW45sIGq_Qw (data obrashcheniya: 26.04.2023).
57. Paris's Centre Pompidou breaks new ground by acquiring 18 NFTs // *The Art Newspaper*. URL: <https://www.theartnewspaper.com/2023/02/14/pariss-centre-pompidou-breaks-new-ground-by-acquiring-18-nfts> (data obrashcheniya: 26.04.2023).
58. Urs Fischer. Chaos. Makers place. URL: <https://makersplace.com/ursfischer/drops/chaos/> (data obrashcheniya: 26.04.2023).
59. Urs Fischer. Chaos // *Chaos Chaos*. URL: <https://www.chaosoahchaos.com/> (data obrashcheniya: 26.04.2023).
60. Urs Fischer. Denominator // *Ocula*. URL: <https://ocula.com/art-galleries/gagosian-gallery/exhibitions/urs-fischer-denominator/> (data obrashcheniya: 26.04.2023).
61. Zvezdy NFT-arta uchastvuyut v sozdanii «Nebesnogo Ermitazha» [NFT Art Stars are Participating in the Creation of the «Heavenly Ermitage»] // *The Art Newspaper*. URL: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/20211110-trsw/> (data obrashcheniya: 26.04.2023).

Kirill N. Gavrilin – Cand. Sc. (Art History), Professor, Head of the Department of Art History and Humanities, Russian State University of Design and Applied Arts, Corresponding member of the Russian Academy of Arts (Moscow), e-mail: gavrilin_strog@mail.ru

Received June 15, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Гаврилин, К. Н. NFT-арт: диалоги с наследием авангарда и модернизма / К. Н. Гаврилин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 41–52. DOI: 10.14529/ssh230405

FOR CITATION

Gavrilin K. N. NFT Art: Dialogues with the Heritage of Avant-Garde and Modernism. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 41–52. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230405

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА И ЦИФРОВОЕ ИСКУССТВО КАК СПОСОБ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ БУДУЩЕГО

А. А. Дружинина

*Российский государственный художественно-промышленный университет
имени С. Г. Строганова, г. Москва, Российская Федерация*

Научная фантастика всегда была способом осмысления человеком его будущего, возможностей и ограничений. Сейчас сфера научной фантастики активно расширяет свои границы, пытается вобрать в себя все аспекты динамично меняющейся современной жизни. Повестку актуализируют такие обстоятельства, как возрастающая роль интернета и цифровизации, расширяющаяся информационная вселенная, виртуальное пространство, бегство от реального мира, проблемы окружающей среды, био- и нанотехнологии, которые влекут за собой философско-этические вопросы и проблемы постчеловека и постгуманизма. Эти вопросы поднимаются не только в научно-фантастической литературе, их также активно задают художники и дизайнеры в своих визуальных произведениях. Работа художника играет очень важную роль, так как позволяет «погрузить» зрителя в иной мир и примерить на себя новые роли, другую историю. То есть с помощью «визуального» «литературного» расширяет возможности восприятия и познания как такового. Визуальное представление помогает составить полноценный образ мира, цивилизации и героя, технологий и способов взаимодействий, акцентировать внимание на одних деталях или прятать или опускать другие. А композиция кадра и динамика повествования напрямую влияют на подсознательные ощущения. Таким образом, визуальный образ имеет огромную силу воздействия на зрителя и позволяет существенно расширять горизонты повествования.

Ключевые слова: цифровое искусство, крипто-арт, NFT-арт, NFT, метавселенная, посткиберпанк, постчеловечество, постгуманизм.

Введение

Быстрый рост интереса к фантастике в первой половине XX века, который наблюдается и по сей день, обусловлен особым, трепетным вниманием к научно-техническому прогрессу, открытиям и изобретениям, а также является способом осмысления будущего. Сейчас сфера научной фантастики активно расширяет свои границы, пытается вобрать в себя все аспекты динамично меняющейся современной жизни. На повестку дня выходят такие темы, как значение интернета и цифровизации, расширяющаяся информационная вселенная, виртуальное пространство, бегство от реального мира, проблемы окружающей среды, био- и нанотехнологии, которые влекут за собой философско-этические вопросы и проблемы постчеловека и постгуманизма.

Обзор литературы

К сожалению, новейшее цифровое искусство еще не получило достаточного освещения в научной литературе. Более общие сведения о цифровом искусстве собраны в научных трудах К. Пол «Цифровое искусство» [1], М. Раша «Новые медиа в искусстве» [2], Л. З. Мановича «Язык новых медиа» [3], С. В. Ерохина «Цифровое компьютерное искусство» [4] и «Эстетика цифрового изобразительного искусства» [5]. Авторы перечисленных публикаций исследовали теоретические и эстетические аспекты цифрового искусства, его исторический контекст, а также заложили основу для изучения его связей с другими областями. Основная проблема заключается в том, что издания

датированы временным промежутком 1999–2015 гг. и не затрагивают изменений последних 5 лет. Таким образом, мы наблюдаем существенный пробел в историографии, никак не отраженный в научном дискурсе. Философскую основу нашего исследования составляют труды «Симулякры и симуляции» [6] Ж. Бодрийяра, «Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма» Ван ден Аккера. Помимо того, к историко-культурному исследованию привлечены произведения фантастической литературы XX–XXI вв., в числе их авторов У. Гибсон, С. Лем, П. Уоттс, а также манифесты и другие программные тексты футурологов Дж. Э. Слассера, Х. Гернсбека, Л. Персона.

Методы исследования

Для нашего исследования были применены типологически-системный, формально-стилевой, иконографический, иконологический, историко-культурный и историко-социальный методы исследования.

Результаты и дискуссия

Известный ученый и критик научной фантастики Джордж Эдгар Слассер (1939–2014 гг.) писал, что «...научная фантастика является единственным настоящим космополитичным литературным жанром, который у нас есть сегодня, и поэтому она расширила границы, включив в себя не только визуальные, интерактивные медиа, но и все новейшие медиа, которые изобретаются и будут изобретены в XXI в. ... Вопросы тесного взаимодействия естественных и гуманитарных наук имеют решающее значение для грядущего ве-

ка» [7]. И, действительно, компьютерная графика и все ее возможности на сегодняшний день, во-первых, были так или иначе давно предсказаны и даже описаны в научной фантастике, а во-вторых, отлично ее дополняют. Работая вместе, они дают огромные возможности для размышлений о прошлом, настоящем или будущем; о реальном, гипотетическом или невозможном. Это также отличное поле для тестирования идей, концепций и гипотез. Еще в 1926 г. известный американский издатель, писатель и изобретатель – Хьюго Гернсбек (1884–1967 гг.) писал о научной фантастике в первом номере «Amazing Stories»: «Эти удивительные рассказы не только чрезвычайно интересны для чтения, но и всегда поучительны. Они расширяют наш кругозор... в очень красивой стилевой форме...» [8]. И какой же замечательный результат появляется в итоге совместной работы литературного повествования и ее визуального воплощения! Именно о такой коллаборации пойдет речь далее: как «художественное» гармонично дополняет и развивает «литературное» при помощи новейших технологий, а также осмысляет эти самые технологии. Мы даже уверены в том, что многие, кто занимается компьютерной графикой сейчас, отчасти выбрали эту профессию именно из-за литературного бэкграунда: фантастические миры и технологии захватывали воображение, возникало желание физически присутствовать в этом иллюзорном мире, исследовать его, дополняя своими идеями, делиться своими открытиями с другими. Отличная мечта, чтобы воплотить ее в жизнь с помощью новейших компьютерных технологий: она легла в основу многих творческих проектов.

Визуальному исследованию в области научной фантастики способствует стремительное развитие технологий: растут аппаратные мощности, развивается и становится более доступным программное обеспечение. Все это позволяет сократить время на производство контента, уменьшить количество «рабочих рук», и при этом добиваться более выразительных результатов. Сейчас на стационарном домашнем компьютере можно посчитать («отрендерить») свой анимационный 3D-ролик за сравнительно небольшой отрезок времени или вообще собрать его на «игровом движке» с мгновенным «рендером» в реальном времени. Конечно, такие возможности открыли доступ для развития небольших творческих команд и художников-одиночек, желающих поделиться своим видением с миром. Многие из них осмысляют научно-фантастические концепции на свой лад, делают оммажи на известные произведения или даже частично экранизируют их, переосмысливают существующие образы и придумывают новые. В отличие от массового производства фильмов или телевизионных шоу такие проекты обладают

огромной свободой для творческой реализации и презентации своих идей.

В современном мире наблюдается тенденция к смешению и взаимопроникновению концепций, стилей, течений, направлений. В век доступности любой информации это не может не сказываться на составлении общей картины мира, образа современного человека и его будущего. В играх, концептуальных полотнах, роликах и короткометражных фильмах прорастают концепции популярных научных фантастов и находят новое прочтение классические произведения литературы. С помощью новых медиа художники и иллюстраторы, продакшн- и киностудии ищут новые захватывающие зрителя сюжеты, пути донесения концепций и популяризации науки. Как мы упоминали в самом начале, классические произведения вдохновляют людей на творчество и создание своих собственных проектов, а эти проекты вдохновляют зрителей на поиск источников и отсылок, на чтение новых книг и изучение новых авторов, на поиск материалов и обсуждение философских вопросов. Причем список тем невероятно огромный и разнообразный, в одном произведении сталкиваются и уживаются разные концепции, задаются многоуровневые вопросы об этике, смысле жизни, будущем человечества. И эти вопросы касаются не только человечества, они распространяются на гипотетическое будущее и возможное развитие технологий, где появляются новые «комбинированные» виды живых существ, а также глубоко в пространство космоса, где, чисто гипотетически, нас могут ожидать невероятные формы жизни и другие открытия. Все эти образы и герои в первую очередь отражают нас как в зеркале, позволяя изучить и переосмыслить себя, свои возможности, историю и свое культурное наследие.

Многие современные игры, анимационные фильмы и ролики, визуальные образы («концепты») и иллюстрации, пронизанные «духом фантастического», развивают не только визуальные концепции, но и философские изыскания, продолжая исследования известных писателей-фантастов. Однако есть и такие, кто ищет новые пути и формы осмысления действительности. Работа художника играет очень важную роль, т. к. позволяет создать эффект присутствия, своеобразный «иммерсивный театр», позволяя зрителю осязать иной мир и примерять на себя новые роли. То есть «визуализация» расширяет возможности литературы, превращая ее в синтетический вид творчества, ведь «картинка» воссоздает полноценный образ нового мира, новой реальности, внутри которой живет и действует новый герой.

Говоря о компьютерной графике, виртуальной реальности и прочих возможностях современных технологий, нам следует углубиться в такое популярное направление, как киберпанк, которое вырастает из научно-фантастических романов «Новой

волны» 1960-х и 1970-х годов. Такие известные писатели, как Филип К. Дик, М. Муркок, Р. Желязны, Дж. Бруннер, Дж. Г. Баллард, Ф. Х. Фармер и Х. Эллисон исследуют новейшие на тот момент компьютерные технологии и их влияние на «культурный и политический ландшафт». Также на киберпанк сильнейшим образом повлияли битники (У. Берроуз, Т. Пинчон) и постмодернисты (Х. Л. Борхес, В. В. Набоков), и конечно же, представители научной фантастики (*hard science fiction*) – Л. Нивен и О. Стэплдон. У постмодернистов был позаимствован черный юмор, ирония, параноидальность и сюрреалистичность происходящего, идеи о гиперреальности, интертекстуальность и другие литературные приемы. У битников позаимствовали интерес к низким проявлениям обыденной жизни, испытывающим героя. Из фантастики (*hard science fiction*) киберпанк почерпнул продуманность и техническую насыщенность миров. А «Новая волна» позволила киберпанку говорить на любую тему и любым языком. На визуальный стиль киберпанка сильно повлияли «нуарные» фильмы. В итоге этого смещения и родился жанр киберпанк, вобравший в себя все самые передовые на тот момент идеи и концепции.

Киберпанк размышляет о недалеком будущем, которое разворачивается в антиутопическом и футуристическом миропорядке. В нем сочетаются экстремальная бедность и высокие технологии, часто киберпанк описывают выражением «*high tech, low life*», что переводится как «высокие технологии, низкий уровень жизни». Большая часть действий происходит в сети, в киберпространстве, что стирает грань между реальной и виртуальной реальностью. Связь между мозгом и компьютерными системами часто происходит напрямую. Киберпанк осмысляет только появившиеся компьютерные технологии, их возможности и силу влияния на человека. Именно киберпанк популяризировал многие образы, тиражируемые в современном кинематографе, цифровом искусстве и иллюстрации. Он повлиял на массовую культуру больше, чем любое другое направление, причем не только визуально, но и идейно. На текущий момент особенно сильное развитие получил идейный переход в виртуальную реальность, он повлиял не только на художников, но и на экономистов и инвесторов, эти технологии не раз обсуждались в докладах Всемирного экономического форума (2020 г., 2021 г., Давос) [9], а также была выпущена книга «Четвёртая промышленная революция», в которой подробно описаны экономические модели будущего, разворачивающиеся в виртуальной реальности и с использованием криптовалют [10]. Также киберпанк поднял идею гуманизма на новый уровень эволюции, развивая концепции трансгуманизма и постгуманизма. Как никогда актуальными стали вопросы гиперреальности, рассматриваемые в контексте появления новых медиа, и, конечно, вопросы технологической сингу-

лярности. Также вхождение киберпанка в массовую культуру привлекло к внедрению в массы стилистических мотивов киберпанка, привело к развитию идей и появлению других разновидностей жанра. Современные интерпретации получили название посткиберпанк, и в них зачастую герой борется с рутиной, пытаясь покинуть пределы скучной и серой реальности.

Так Лоуренс Персон (род. 1965 г.) в своем знаменитом «Манифесте посткиберпанка» (1998 г.) [11] объясняет нам многое: «Персонажи посткиберпанка не отчуждены от общества, а неотъемлемая его часть – то есть у них есть постоянная работа. Они живут в будущем, которое необязательно представляется как антиутопическое, оно скорее даже оптимистическое – но на них всё равно сильно влияют стремительные изменения в технологиях и вездесущая компьютеризация.»

В итоге этого бурного развития, разрушения границ между видами и жанрами литературы и художественного творчества мы получили бесценную классику кинематографа 1980–1990 гг.: «Джонни Мнемоника» (1995 г.), «Бегущего по лезвию» (1982 г.), «Акиру» (1988 г.), «Призрака в доспехах» (1995 г.), «Матрицу» (1999 г.) и др., – ставшую основой новейшего визуального стиля. Как к визуальной, так и к философской составляющим этих работ содержатся отсылки почти во всех современных работах на эту же тематику. Также появились современные интерпретации последних десятилетий: «Бегущий по лезвию 2049» (2017 г.), «Апгрейд» (2018 г.), «Алита: боевой ангел» (2019 г.), «Элизиум: Рай не на Земле» (2013 г.), «Первому игроку приготовиться» (2018 г.), «Видоизмененный углерод» (2018–2020 гг.), «Черное зеркало» (2017–2019 гг.), «Любовь смерть роботы» (2019–2022 гг.) и т. д.

Таким образом, именно благодаря литературе, киносценариям, кинематографу и анимации возрождается интерес к жанру, который переживает бурное обновление, что также обусловлено безудержным технологическим прогрессом. Однако, с другой стороны, описанный нами процесс вызвал острые дискуссии, благодаря появлению разного рода творческих проектов, размывающих границы жанра.

Так, например, испанский иллюстратор Хосан Гонзалес (Josan Gonzalez @ deathburger) [12], который создал, пожалуй, самый популярный сборник графики «Будущее уже сейчас» (англ. *The future is now*) [13] (рис. 1), вдохновленный романом «Нейромант» (1984 г.) Уильяма Гибсона [14]. Это максимально насыщенные и «загрязненные» картины антиутопического будущего, единственным выходом из которого является уход в виртуальную реальность. В ощущении тотального ухода в гиперреальность видно влияние «Футурологического конгресса» (1971 г.) Станислава Лема [15] и его идей о «фантомологии» [16]. Визуально Гон-

залес вдохновлялся художником-фантастом Мебиусом (Жан Жиро), иллюстратором Джофом Дэрроу (Geof Darrow), а также мангой Хироаки Самура и Кацухиро Отото (Акира).



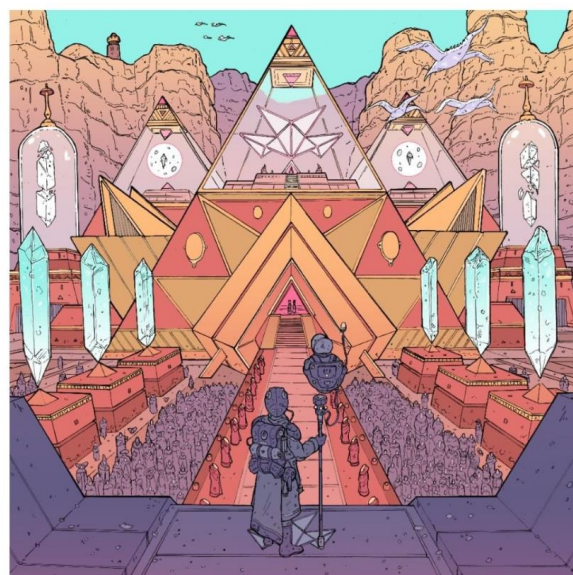
Рис. 1. Хосан Гонсалес «Будущее – сегодня», 2016
Fig. 1. Josan Gonzalez «The Future Is Now», 2016

Другим примером может послужить творчество режиссера игровых синематиков Савы Живковича (Sava Zivcovic) [17], который после продолжительного бэкграунда в сфере производства диджитал-контента стал искать возможности для расширения своих творческих идей и пришел к режиссированию своих собственных анимационных фильмов. Его фильмы повествуют о космических путешествиях, новых мирах и загадочных технологиях. Последний проект, над которым работал Сава, – это экранизация известного графического романа «Huxley» от художника-фантаста Бена Мауро [18] (рис. 2). Это постапокалиптическая история о двух роботах-мусорщиках, которые находят древнего робота Хаксли и втягиваются в приключения по спасению человеческого вида. И хотя визуально этот комикс и экранизацию сложно отнести к киберпанку, некоторые идеи он все-таки вобрал, например, город будущего, который управляется искусственным интеллектом (идея, отсылающая нас к «Нейроманту» [14]), а человечество не справляется с последствиями глобальной катастрофы. В качестве поддержки своего творчества Сава использует новую технологию NFT и успешно продает свои работы на разных платформах [19].



Рис. 2. Бен Мауро «Хаксли», 2019
Fig. 2. Ben Mauro «Huxley», 2019

Иллюстратор из Глазго Лори Гризли (Laurie Greasley, @lauriegreasley) [20] (рис. 3) также работает в смешанном стиле на грани классического киберпанка. Его особенно увлекает эстетика «поддержанного будущего», где все вещи имеют свою собственную историю. На развитие стиля этого художника повлияли такие культовые фильмы, как «Бегущий по лезвию» (1982 г.), «Чужой» (1979 г.) и «Звездные войны» (1977–2005 гг.), а также вышеупомянутые авторы и иллюстраторы, среди которых Мебиус, Джоф Дэрроу и Кацухиро Отото. Работы Гризли максимально насыщены и детализированы: в каждом элементе художник рассказывает историю, постепенно раскрывая замысел. Помимо иллюстраций он создал концепты костюмов для фильма Prospect, а сейчас вместе с командой он работает над новым фильмом The Fringe [21], финансирование к которому они планируют получить благодаря криптотехнологии NFT, о которой речь пойдет позже.



LEMAITRE SUBSTELLAR

Рис. 3. Лори Гризли «Субзвездный», 2021
Fig. 3. Laurie Greasley «Substellar», 2021

Еще один пример – творческий дуэт Xsullo [22], который исследует мир киберпанка, особенно акцентируя внимание на влиянии технологий на человеческое тело на личном и социальном уровнях. Иллюстрации выполнены в ярких и очень насыщенных, почти «кислотных» цветах (рис. 4). Эволюция или даже деградация человека представлены не только в виде физических изменений с помощью имплантов, но и психологических трансформаций, являющихся следствием цифрового потребления. Xsullo используют не только классические образы киберпанка в виде техногенного сеттинга и предметов, прочно вошедших в массовую культуру, они также обращаются к смежным научно-фантастическим и фэнтези-образам, смело используя мифологическую иконо-

графию. Это отличный пример смешения видов и жанров художественного творчества. Дуэт работает не только в сфере цифрового искусства, но также создает классические живописные полотна, графические иллюстрации и принты, а также активно развивается в сфере NFT.

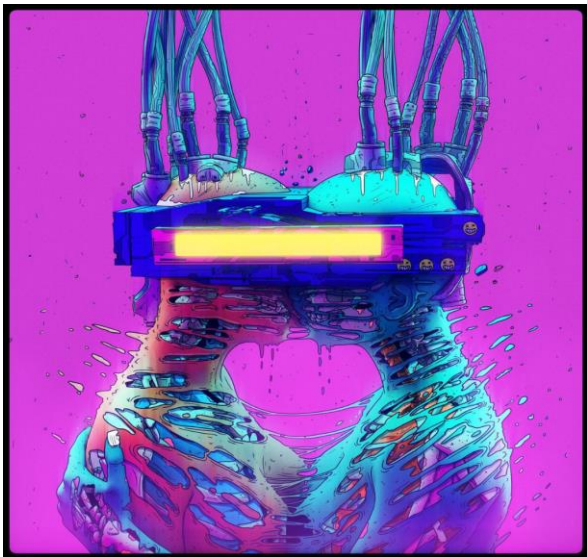


Рис. 4. Xsullo «Целующиеся», 2021
Fig. 4. Xsullo «KISSERS», 2021

Другой пример – цифровой художник Паскаль Бланш (Pascal Blanche) [23], также работающий в этом направлении. В его работах смешиваются визуальные образы киберпанка и шаманские атрибуты, космические корабли и фэнтезийные существа (феи, драконы и т. п.) (рис. 5).



Рис. 5. Паскаль Бланш «Дальний звонок», 2021
Fig. 5. Pascal Blanche «Long distance call», 2021

Эти примеры подтверждают не только возрождение, но и переосмысление жанра, а также интерес к самым актуальным вопросам о будущем человечества и развитии технологий. Каждый художник визуально исследует интересующую его область, тем самым расширяя литературный жанр. Конечно же, сам жанр научной фантастики и киберпанка, в частности, не стоит на месте, а развивается, разрушая границы между жанрами и видами искусства. Литературные и философские мотивы переживают трансформацию, эволюционируют, раскрываются под новым углом. Так, например, некоторые мотивы переключаются и в «твердую фантастику», раскрывая новые ощущения, свойственные нашей эпохе – постгуманистические настроения в обрамлении техногенной, антиутопической сценографии.

В числе примеров упомянем короткометражный фильм дизайнера и арт-директора Данила Криворучко «Ложная слепота» (2020) [24] (рис. 6). Фильм создан по мотивам одноименного литературного произведения.

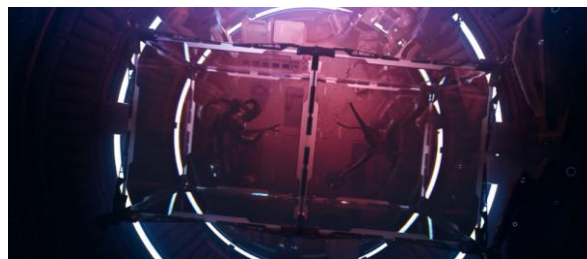


Рис. 6. Данил Криворучко «Ложная слепота», 2020
Fig. 6. Danil Krivoruchko «Blindsight», 2020

«Ложная слепота» – это роман канадского гидробиолога и фантаста Питера Уоттса (род. 1958 г.) [25], который продолжает философские искания Станислава Лема (1921–2006 гг.) и идеи роботократии (космократии) Айзека Азимова (1920–1992 гг.), а также соединяет научную фантастику и реальные исследования, поэтому Уоттса можно смело назвать популяризатором современного «научпопа». Автор размышляет об эпохе постгуманизма, обновленном сознании и свободе воли человека – обстоятельствах крайне важных для сегодняшнего дня. Размышления писателя уводят нас в два параллельных мира: один из которых на земле, другой – в далеком космосе. Действие романа происходит в ближайшем будущем, когда человечество активно пользуется искусственным интеллектом, изменяет гены, устанавливает импланты, в результате чего переживает серьезную трансформацию, меняя человеческий облик и традиционное представление о «венце творения». При всех изменениях страдает «душа»: человек растерян, отчужден от сообщества себе подобных, довольствуясь мимолетными удовольствиями и элементарным потреблением. В поисках иллюзий и некоего идеального мира всякий может

«загрузить» свое сознание в облачное хранилище – «Небеса», в то время как человечеством давно управляет искусственный интеллект, а сам человек не в состоянии постичь своим умом его решения. Помимо земной жизни, воплотившей идеи посткиберпанка, смешение стилей идет и на уровне персонажей, которые находятся в далеком космосе на корабле с недвусмысленным именем «Тесей»: в команде появляется герой-вампир, что совершенно не свойственно «твердой» научной фантастике. Но автору необходим другой интеллект, превосходящий человеческий. В космосе человечество сталкивается с инопланетным разумом, и тут, конечно же, свое развитие находит идея, пришедшая из «Соляриса» С. Лема [26]. И если Лем в своих произведениях приходит к выводу, что человеку нужен человек, то Уоттс вообще выводит человека из общей картины мира: человеку ничего не нужно, и он сам становится лишним в этом мире. Это произведение является квинтэссенцией проблем постгуманизма и выводит вопрос о «сне человеческого разума» на новый уровень, раскрывая его с нескольких сторон: на Земле, в космосе и через инопланетный разум.

Короткий метр, созданный Данилом Криво ручко, является отрывками из воспоминаний главного героя романа – Сири Китона – «синтета» – существа, у которого удалено левое полушарие мозга, а на его месте установлен компьютер. Его задача в рамках миссии – записывать и переводить все, что происходит на корабле, на понятный человечеству язык, но сам Китон не способен понимать смысл происходящего – еще одна метафора «сна человеческого разума». И именно поэтому монтаж выглядит обрывочным. Также повествование идет в реверсивном порядке и концентрируется на ключевых моментах повествования. Огромная работа была проведена по созданию необходимой атмосферы и образов. Питер Уоттс был постоянно на связи с художником, комментируя концепцию, благодаря чему мини-экранизация романа кажется максимально приближенной к тому, что задумывал автор. Также из этого фильма многие узнали о романе и прочли его, вдохновившись потрясающими визуальными образами.

Как образ современности различается с представлениями писателей-фантастов начала XX в., так и представления о взаимодействии с виртуальной реальностью отличаются от образа киберпанка. Изначально мы обратились к киберпанку из-за того, что огромную роль в нем играют компьютерные технологии, Всемирная сеть и отсутствие границ между реальным и виртуальным, а также осмысление изменений человека под влиянием этих технологий. И, несмотря на то, что сможет показаться упадническим и маргинальным, идеи киберпанка прочно вошли в нашу повседневную жизнь. В качестве примера приведем взаимодействие со Всемирной паутиной и виртуальной ре-

альностью, но не в контексте развития технологий виар-шлемов и очков дополненной реальности, а в контексте изменения человеческого сознания. Происходит расширение сознания человека и включение образа виртуального себя в понимание «Я», что отсылает нас к исследованиям Ж. Бодрийяра (1929–2007 гг.) и его концепции гиперреальности [6].

Важнейшей исторической датой мы бы назвали 28 октября 2021 г., когда компания Марка Цукерберга была переименована в Мета, став символом коренного перелома в истории современных медиа, избравших виртуальную реальность местом присутствия каждого из нас. Так возникает Метавселенная, претендующая на замещение реальности. Википедия описывает Метавселенную так: «...постоянно действующее виртуальное пространство, в котором люди могут взаимодействовать друг с другом и с цифровыми объектами через свои аватары, с помощью технологий виртуальной реальности» [27]. Но концепция Метавселенной появилась задолго до знакового ребрендинга. Впервые термин упомянут в 1992 году в фантастическом романе Нила Стивенсона «Лавина» (1992 г.). Таким образом, пользователь больше не является пассивным зрителем, но активно участвует в событиях, происходящих внутри Метавселенной с ее иммерсивной природой, что отражает философию метамодернизма [28].

Как ни странно, дети знакомы с Метавселенной намного больше взрослых, ведь по такому принципу построены крайне популярные игры Minecraft и Roblox. И именно у детей сильнее всего наблюдается включение виртуального образа (образа своего аватара) в «образ Я». Внутри виртуальных игровых вселенных дети общаются, встречаются и даже учатся. Но не только дети. На базе игровых платформ проводятся концерты, вмещающие намного больше зрителей, делая мероприятия абсолютно безопасными. Огромным плюсом являются различные игровые спецэффекты, которые влияют на степень взаимодействия с участником. Самая известная Метавселенная в наши дни – это Decentraland [29]. Именно этот аватар успешно перемещает личные качества пользователя в цифровое пространство, способствуя новому витку развития такой технологии, как NFT.

Выводы

Последние несколько лет NFT, как новейшая технология, позволяет присвоить статус уникальности любому цифровому файлу с помощью специализированной криптографической подписи. Широкое распространение этой технологии среди художников компьютерной графики привело к росту творческого самовыражения, расширив аудиторию «потребителей» искусства. Многие упомянутые нами художники используют NFT не только для монетизации своего труда, но и для

дальнейшего развития своих творческих амбиций и технологических возможностей.

Кроме того, в последнее время активно развивается концепция Метавселенных, аватаров и цифровых предметов, которыми может владеть потребитель в виртуальном пространстве, так что NFT представляет эту концепцию как нельзя лучше. Помимо того, набирают популярность коллекционные персонажи, которые используются как аватары в Метавселенной, персонализируя образ самого владельца, воплощая его уникальность.

Для того чтобы воплотить себя в виртуальной реальности, нет необходимости в использовании традиционной иконографии и атрибутов материального мира, которые изобрели в своем воображении писатели-фантасты прошлого века. Развитие медиа делает этот процесс поступательным, перемещая и трансформируя образ в нашем сознании. Все перечисленное не отменяет концепцию транс- и постгуманизма, расширяя образ «Я» при помощи виртуального аватара. Что происходит с человеком? Меняет ли он свои границы, выходит ли за пределы привычного облика, этических и духовных представлений, предрассудков и т. п., мы не знаем, превращаясь в наблюдателя быстрого и непрерывного процесса метаморфоз. Кажется, будущее, которое не так давно пророчили писатели-фантасты, восхищенные индустриальным веком, быстро текущей промышленной и информационной революцией, уже наступило.

Литература

1. Пол К. Цифровое искусство / К. Пол. – М. : Ад Маргинем Пресс : Музей современного искусства «Гараж», 2020. – 272 с.
2. Раш, М. Новые медиа в искусстве / М. Раш ; пер. с англ. – М. : Ад Маргинем Пресс : Музей современного искусства «Гараж», 2022. – 256 с.
3. Манович, Л. З. Язык новых медиа / Л. З. Манович. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. – 400 с.
4. Ерохин, С. В. Цифровое компьютерное искусство / С. В. Ерохин. – СПб. : Алетейя, 2011. – 188 с.
5. Ерохин, С. В. Эстетика цифрового изобразительного искусства / С. В. Ерохин. – СПб. : Алетейя, 2010. – 432 с.
6. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр. – М. : Постум, 2017. – 320 с.
7. Miller, B. George Slusser, Co-founder of Renowned Eaton Collection, Dies / B. Miller // UCR Today. – 2014. – URL: <https://ucrtoday.ucr.edu/25704> (дата обращения: 16.04.2022).
8. Wertham, F. The World of Fanzines: A Special Form of Communication / F. Wertham. – Carbondale, Illinois : Southern Illinois University Press, 1973. – 160 p.
9. Programme of the Annual Meeting 21–24 January 2020 on the World Economic Forum // World Economic Forum. – URL: <https://www.weforum.org/events/world-economic-forum-annual-meeting-2020/programme> (дата обращения: 16.04.2022).
10. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – М. : Эксмо, 2022. – 208 с.
11. Lawrence, P. Notes Toward a Postcyberpunk Manifesto / P. Lawrence // Nova Express. – 1998. – Vol. 4, № 4. – P. 11–13.
12. Deathburger // Artvee. – URL: <https://artvee.com/artist/death-burger/page/1/> (дата обращения: 17.04.2022).
13. Dazzling Artwork from «The Future Is Now»// Heavy Metal. – URL: <https://www.heavymetal.com/news/dazzling-artwork-from-the-future-is-now/> (дата обращения: 18.04.2022).
14. Гибсон, У. Нейромант / У. Гибсон. – СПб. : Азбука, 2015. – 480 с.
15. Лем, С. Футурологический конгресс / С. Лем. – М. : АСТ, 2017. – 192 с.
16. Лем, С. Фантомология / С. Лем // Сумма технологии. – М. : АСТ, 2006. – С. 326–399.
17. Интервью с Савой Живковичем // Render.ru. – 2021. – URL: <https://render.ru/ru/articles/post/21614> (дата обращения: 16.04.2022).
18. Huxley™ graphic novel // Benmauro. URL: <https://benmaurodesign.com/HUXLEY-GRAPHIC-NOVEL> (дата обращения: 17.04.2022).
19. Sava Zivkovic // Foundation. – URL: https://foundation.app/@Sava_Zivkovic (дата обращения: 18.04.2022).
20. Laurie Greasley // Directory of illustration. – URL: <https://www.directoryofillustration.com/artist.aspx?AID=14544> (дата обращения: 16.04.2022).
21. The Fringe // Fringedfighters. – URL: <https://www.fringedfighters.com/> (дата обращения: 16.04.2022).
22. Xsullo Portfolio. – URL: <https://www.xsullo.com/> (дата обращения: 16.04.2022).
23. Pascal Blanché // ArtStation. – URL: <https://www.artstation.com/pascalblanche> (дата обращения: 17.04.2022).
24. Blindsight. – URL: <https://blindsight.space> (дата обращения: 16.04.2022).
25. Уоттс П. Ложная слепота / П. Уоттс. – М. : АСТ, 2018. – 510 с.
26. Лем, С. Солярис / С. Лем. – М. : АСТ, 2015. – 288 с.
27. Newton, C. Mark Zuckerberg is betting Facebook's future on the metaverse / C. Newton // The Verge. – 2021. – URL: <https://www.theverge.com/22588022/mark-zuckerberg-facebook-ceo-metaverse-interview> (дата обращения: 19.04.2022).
28. Ван ден Аккер, Р. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. Ван ден Аккер. – М. : Рипол-Классик, 2022. – 494 с.
29. Decentraland // Decentraland. – URL: <https://decentraland.org/> (дата обращения: 19.04.2022).

SCIENCE FICTION AND DIGITAL ART AS A WAY TO IMAGINE THE FUTURE

A. A. Druzhinina

Russian State University of Design and Applied Arts, Moscow, Russian Federation

Science fiction has always been a way of understanding human beings, their future, their possibilities and their limitations. Currently, science fiction is actively expanding its borders, trying to incorporate all aspects of the dynamically changing modern life. The issue is highly relevant due to such circumstances as the increasing role of the Internet and digitalization, the expanding information universe, virtual space, escape from the real world, environmental problems, bio- and nanotechnologies, which entail philosophical and ethical issues and problems of the posthuman and posthumanism. These questions are not only raised in science fiction, but are also widely discussed by artists and designers in their visual works. The artist's work plays a very important role, as it allows them to «immerse» the viewer in a different world and to try on new roles and a different story. In other words, with the help of the visual matter, the literary matter widens the possibilities of perception and knowledge as such. Visual representation makes it possible to create a complete picture of the world, the civilization and the hero, technologies, and means of interaction, as well as concentrate on certain details or hide and omit others. Frame composition and narrative dynamics directly affect subconscious feelings. Thus, the visual image has a huge influence on the viewer and significantly expands the horizons of the narrative.

Keywords: digital art, crypto art, NFT art, NFT, metaverse, postcyberpunk, posthumanity, posthumanism.

References

1. Paul C. Tsifrovoye iskusstvo [Digital Art]. M.: Ad Marginem Press, 2020. 272 s.
2. Rush M. Novye media v iskusstve [New Media in Art]: per. s angl. M.: Ad Marginem Press, 2022. 256 s.
3. Manovich L. Yazyk novykh media [The Language of New Media]. M.: Ad Marginem Press, 2018. 400 s.
4. Erokhin S.V. Tsifrovoye komp'yuternoye iskusstvo [Digital Art]. SPb.: Aleteyya, 2011. 188 s.
5. Erokhin S.V. Estetika tsifrovogo izobrazitel'nogo iskusstva [Aesthetics of Digital Art]. SPb.: Aleteyya, 2010. 432 s.
6. Bodriiar Z. Simuliakry i simuliatsii [Simulacres and Simulation]. M.: Postum, 2017. 320 s.
7. Miller B. George Slusser, Co-founder of Renowned Eaton Collection, Dies // *UCR Today*. 2014. URL: <https://ucrtoday.ucr.edu/25704> (data obrashcheniya: 16.04.2022).
8. Wertham F. The World of Fanzines: A Special Form of Communication. Carbondale, Illinois, Southern Illinois University Press, 1973. 160 p.
9. Programme of the Annual Meeting 21–24 January 2020 on the World Economic Forum // *World Economic Forum*. URL: <https://www.weforum.org/events/world-economic-forum-annual-meeting-2020/programme> (data obrashcheniya: 16.04.2022).
10. Shvab K. Chetvertaya promyshlennaya revoliutsiya [The Fourth Industrial Revolution]. M.: Eksmo, 2022. 208 s.
11. Lawrence R. Notes Toward a Postcyberpunk Manifesto // *Nova Express*. Houston, Texas, White Car Publications. 1998. Vol. 4, № 4. P. 11–13.
12. Deathburger // *Artvee*. URL: <https://artvee.com/artist/death-burger/page/1/> (data obrashcheniya: 17.04.2022).
13. Dazzling Artwork from «The Future Is Now» // *Heavy Metal*. URL: <https://www.heavymetal.com/news/dazzling-artwork-from-the-future-is-now/> (data obrashcheniya: 18.04.2022).
14. Gibson U. Neiromant [Neuromancer]. SPb.: Azbuka, 2015. 480 s.
15. Lem S. Futurologicheskii kongress [Futurological Congress]. M.: AST, 2017. 192 s.

16. Lem S. *Fantomologiiia. Summa tekhnologii* [The Sum of Technology]. М.: AST, 2006. S. 326–399.
17. Interv'iu c Savoï Zhivkovichem // *Render.ru*. 2021. URL: <https://render.ru/ru/articles/post/21614> (data obrashcheniya: 16.04.2022).
18. Huxley™ graphic novel // *Benmauro*. URL: <https://benmaurodesign.com/HUXLEY-GRAPHIC-NOVEL> (data obrashcheniya: 17.04.2022).
19. Sava Zivkovic // *Foundation*. URL: https://foundation.app/@Sava_Zivkovic (data obrashcheniya: 18.04.2022).
20. Laurie Greasley // *Directory of illustration*. URL: <https://www.directoryofillustration.com/artist.aspx?AID=14544> (data obrashcheniya: 16.04.2022).
21. The Fringe. Fringedfighters. URL: <https://www.fringedrifters.com/> (data obrashcheniya: 16.04.2022).
22. Xsullo // *Xsullo Portfolio*. URL: <https://www.xsullo.com/> (data obrashcheniya: 16.04.2022).
23. Pascal Blanché // *ArtStation*. URL: <https://www.artstation.com/pascalblanche> (data obrashcheniya: 17.04.2022).
24. Blindsight. URL: <https://blindsight.space> (data obrashcheniya: 16.04.2022). Pascal Blanché.
25. Uotts P. *Lozhnaia slepota* [Blindsight]. М.: AST, 2018. 510 s.
26. Lem S. *Solaris* [Solaris]. М.: AST, 2015. 288 s.
27. Newton C. Mark Zuckerberg is Betting Facebook's Future on the Metaverse // *The Verge*. 2021. URL: <https://www.theverge.com/22588022/mark-zuckerberg-facebook-ceo-metaverse-interview> (data obrashcheniya: 19.04.2022).
28. Van den Akker R. *Metamodernizm. Istorichnost', Affekt i Glubina Posle Postmodernizma* [Metamodernism; Historicity, Affect, and Depth]. М.: Ripol-Klassik, 2022. 494 s.
29. Decentraland. URL: <https://decentraland.org/> (data obrashcheniya: 19.04.2022).

Aleksandra A. Druzhinina – Postgraduate Student of the Department of Art History and Humanities, Russian State University of Design and Applied Arts (Moscow), e-mail: a.turzhanskaya@gmail.com

Received June 14, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Дружинина, А. А. Научная фантастика и цифровое искусство как способ представления будущего / А. А. Дружинина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 53–61. DOI: 10.14529/ssh230406

FOR CITATION

Druzhinina A. A. Science Fiction and Digital Art as a Way to Imagine the Future. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 53–61. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230406

СИСТЕМА РОССИЙСКОЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СИМВОЛИКИ – ОТ ПЕРВЫХ ГЕРБОВ ДО ВИЗУАЛЬНОЙ АЙДЕНТИКИ И БРЕНДОВ МЕСТ

М. М. Маслов

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

В данной статье проводится исследование российской геральдики как средства визуальной идентификации территорий и прототипа современной территориальной айдентики. Отмечается, что геральдика является образцом для неё не только с позиции функции, но и с точки зрения формообразования. Автором рассматриваются конкретные примеры гербов в сравнении с общими тенденциями развития современной территориальной символики и графического дизайна.

Наименование «российская геральдика» в контексте настоящего исследования подразумевает все этапы развития данной дисциплины: царский, имперский, советский, постсоветский. Вместе с ней рассматриваются и современные гербы Республики Приднестровье, так как на всех этапах (кроме постсоветского) данная территория входила в систему российской территориальной символики.

После развала СССР и обретения самостоятельного пути Приднестровье поддерживает про-российский курс, что выражается, в первую очередь, в символике – создаются реплики дореволюционных гербов, наравне с ними продолжают использоваться советские и формируются новые, в том числе, по правилам советской геральдики.

Отдельного подробного исследования требуют такие переломные моменты в сфере визуальных идентификаторов, как геральдическая реформа Б. В. Кёне XIX века, внедрение советской геральдики, реплика дореволюционной геральдики после распада СССР, но в силу специфики настоящей статьи они рассматриваются ограниченно, так как основной её целью является выявление взаимосвязи традиционных форм символики и современной территориальной айдентики.

Ключевые слова: территориальная айдентика, геральдика, герб, реформа Б. В. Кёне, графический дизайн, модульность.

Введение

Символика России представляет собой обширную систему образов, знаков, а также более конкретных визуальных идентификаторов, имеющих различную историю, вариации и способы воплощения. В их числе отдельного внимания заслуживает визуальное воплощение, история и происхождение главных государственных символов нынешнего российского государства, представляющих не только само государство, но и конкретные территории.

Территориальная айдентика – современная форма визуально-графической репрезентации городов, стран, областей и других административно-территориальных образований, пришедшая на смену геральдике и вексиллологии, но в то же время не отменяющая официальную государственную символику [1]. Территориальная айдентика представляет собой эмблемы и логотипы для территорий (городов и стран), а также сопутствующие графические элементы – паттерны, шрифты, цветовой паспорт.

Обзор литературы

Учитывая новизну территориальной айдентики как сферы дизайнерского творчества, научные исследования по данной теме представлены лишь несколькими авторами с точки зрения технической эстетики. В то же время интерес к данной теме проявляет множество исследователей из смежных

наук. Стоит отметить, что американские учёные вообще не рассматривают дизайн территориальной айдентики с точки зрения искусствоведения, а лишь анализируют весь бренд территории с помощью маркетинговых инструментов, практически не уделяя внимания его визуальной стороне.

Научный анализ, проводимый посредством инструментария других наук, не входит в сферу интересов искусствоведения, но тем не менее, оказывает влияние на дизайн территориальной айдентики, в связи с чем также представлен в настоящем исследовании. Саймон Анхольт, автор монографии «Бренд Америка» [2] и специалист в области национального бренд-имиджа государства, национальной идентичности и репутации, одним из первых заговорил о брендировании территорий, как товаров, а также о формировании имиджа стран посредством бренда, и в частности – территориальной айдентики [3] (как средства визуализации бренда).

У истоков идеи брендирования территорий также стоит Филип Котлер, титульный автор коллективной монографии «Маркетинг мест» [4], выпущенной в 2005 году с локализацией на русский язык. Как и его коллега С. Анхольт, Ф. Котлер рассматривает предмет настоящего исследования как небольшой аспект собственного объекта исследования. Кейт Динни исследовал имидж территорий с чётким разделением самой символики места, а также бренда этого места, уточняя, что дан-

ные понятия не тождественны, но основной упор в его работе [5] также сделан на бренд и имидж места, а не на визуальную символику.

А. Стась – один из первых русскоязычных исследователей, напрямую исследующий дизайн территориальной айдентики. Опубликованная автором в 2009 году монография «Новая геральдика» [6] даёт прямую и непосредственную отсылку к гербам не только как к явлению, которое предшествовало современным эмблемам территорий, но и как к процессу, прямо повлиявшему на развитие современной айдентики мест.

Д. Визгалов – ещё один исследователь брендов территорий и моделей продвижения мест, чьи труды появились позже монографии А. Стася. Перенимая опыт иностранных коллег, Визгалов рассматривает бренды только в комплексе с их символикой, отводя всё же некоторую роль в своих исследованиях визуальным графическим идентификаторам. Наиболее известные из его трудов – «Брендинг города» (2011) [7] и «Пусть города живут» (2015) [8].

П. Родькин – один из немногих имеет профильное образование, рассматривая символику с точки зрения искусствоведения. Автор определяет исследуемую область собственной дефиницией – «бренд-идентификация территорий» [9], но не приводит веских причин для введения дополнительных терминов в науку. Стоит предположить, что данным автором просто используется импровизация перевода зарубежного термина «brand identity», который корректно переводится как «идентичность бренда» (без отглагольных существительных).

Методы исследования

В ходе исследования использовался комплексный подход к объекту: историко-искусствоведческий, а также культурологический анализ [10–12] гербов и современных эмблем территорий (дизайна территориальной айдентики как продукта графического дизайна). Кроме этого, в работе применялся системный анализ, метод сопоставления, иконографический и семиотический анализы.

Результаты и дискуссия

В современном мире, в условиях глобализации мировой экономики, туризма и товарооборота для коррекции имиджа (или для его приобретения) в числе прочих инструментов используется территориальная айдентика и брендинг территорий [13]. Как уже было отмечено в литературном обзоре, данное явление является прямым преемником геральдики. Стоит отметить, что российская геральдика (а позже и российские бренды мест) начинают своё развитие существенно позже европейских аналогов, во многом опираясь на них.

Зарождение «русской геральдики» приходится на вторую половину XVII века [14], для первых гербов применяется эклектическая модель польской и западноевропейской геральдики. Польская

геральдика обладает рядом уникальных особенностей, выделяя её на фоне других – минималистичный состав элементов в композиции герба, а также «коллективная форма собственности», когда определённый герб использует не один род, а множество фамилий, исчисление которых может доходить до сотен. Такое качественное свойство польской геральдики со временем перекочевало и в российскую.

Родовые знаки, размещаемые на польских знамёнах, происходят от рунических знаков, не являющихся гербами, и с точки зрения логики должны рассматриваться вексиллологией. Функция, выполняемая такими знамёнами, коррелирует с более поздними носителями графической визуальной идентификации территории, то есть остаётся неизменной, меняется лишь её форма и принадлежность (от родов – к территориям).

При завоевании польскими феодалами каких-либо земель новые подданные вынужденно принимали герб рода или клана победителя, тем самым расширяя число его носителей. В XIV веке в Польшу пришла западноевропейская система геральдики, определившая систематизацию и формирование польской геральдической традиции, вследствие чего также была учреждена должность герольда (государственного служащего, ведающего составлением гербов и родословной правителей). Новая система геральдики быстро стала вытеснять родовые знамёна, распространённые в феодальный период, на их место пришли областные гербы [15], что обозначает важнейший поворот в геральдике – символика стала не личной, а территориальной, и символизировала уже не какой-либо род, а конкретное место, то есть начала напрямую, а не косвенно выполнять функцию именно территориальных идентификаторов.

С 1413 года (Городельская уния – документ о «гербовом братстве») сформированная польская школа геральдики проникает на территорию Великого княжества Литовского. Польские и литовские роды объединяются под едиными гербами, геральдика приобретает уникальные черты, включая католические (литовские), а позже и православные элементы. Возникает выражение «гербовое родство» – польские дворяне (шляхта) объединялись под одним гербом, не состоя в генетическом родстве. Вместе с фамилией, прозвищем указывали также название герба, что породило большое количество двойных фамилий в Польше и Великом княжестве Литовском [16].

Само название гербам присваивалось по принадлежности:

- по фамилии владельца герба,
- по фамилии или прозвищу первого владельца герба,
- по герою, который по легенде носил данный герб,
- по фигурам и / или их композиции в гербе.

С точки зрения дизайнера интерес представляет тот факт, что для наименования герба обращаются не только к смысловому содержанию, но и к формообразованию – фигуры в композиции герба. Не меньший интерес для исследования представляет и то обстоятельство, что для гербов создавались их версии – модификации, существовавшие с учётом более старых, и называвшиеся «одмяна». Учитывая упомянутые выше факты экстраполяции гербов на территории, а также «гербовое родство» дворян, стоит отметить, что польская геральдика располагает таким понятием, как «собственный герб» – принадлежащий только одному семейству или знатному роду и не ставший «общим» с кем-либо или чем-либо ещё. Этот факт свидетельствует о том, что переход гербов к территориям от семейств в целом проходил не быстро, а фамильные гербы всё ещё существуют как дань традиции и истории рода. Тем не менее, в современности герб воспринимается скорее как визуальный идентификатор территории, нежели символ какого-либо семейства.

Зарождение русской геральдики в XVII веке стало возможным благодаря царю Алексею Михайловичу, но отдельные визуальные идентификаторы как атрибуты государственности уже существовали к этому времени, как, например, государственная печать с двуглавым орлом, печати отдельных городов, князья тамги (с тюркского: тавро, клеймо). Системность и единство в данных образцах отсутствовали, их оформление в законченные композиции произошло лишь после внедрения официальных геральдических форм.

По просьбе русского царя в Москву прибыл герольдмейстер Священной Римской империи – Лаврентий Курелич, присланный императором Леопольдом I. В 1672 году выходит его «Царский титулярник» с 33 гербами русских земель, а в 1673 г. он написал труд «О родословии российских великих князей и государей...», где пишется, в частности, о родстве России с восемью европейскими державами [17], что свидетельствует и о влиянии геральдики этих стран на русские гербы.

Таким образом, во второй половине XVII века произошло зарождение русской геральдики, на стыке польской и западноевропейской традиций. В основу первых русских гербов легли догеральдические эмблемы и символы городов, не оформленные в систему. Гербы же пришлых родов в России создавались с элементами, указывающими на их происхождение. Таким образом, возникла смешанная, русская система гербов [18].

Во время правления Петра Великого начинается приведение гербов к окончательным формам и учреждение герольдии (государственный орган, отвечающий за составление и толкование гербов). В 1705 году выходит книга «Символы и эмблемата» (Ян Тессинг и Илья Копиевский, по указу Петра I), включающая более 800 образцов, которые

послужили прототипами для развития русской геральдики. Ещё один документ, ознаменовавший становление русского герботворчества, – «Руководство к геральдике...» Л. К. Талызина (1790-е гг.). В данном труде описано происхождение гербов, а также правила, которым они подчиняются, вместе с их изображениями.

В XIX веке, во время правления Николая I, произошла большая геральдическая реформа, представляющая интерес с точки зрения дизайнера территориальной символики. Инициатором изменения барон Б. В. Кёне, преобразовавший систему на фундаментальном уровне: он разработал правила, в соответствии с которыми украшаются гербы разных по значению городов, а также канонизировал и унифицировал элементы украшений и лично принимал участие в практической разработке, в частности, серьёзно видоизменил герб Российской империи и создал три его версии – большой герб, средний и малый, отличавшиеся количеством украшений [19].

С точки зрения дизайнера в результате геральдической реформы Кёне возникла модульная система айдентики – элементов, единых по форме, но разных по содержанию. Такая система позволяла определить некоторые характеристики городов по украшениям их гербов, а также проводить сравнительный анализ, имея несколько гербов, выполненных по правилам Б. В. Кёне. На рис. 1 изображена типология городов в геральдике Б. В. Кёне – проект дополнительных украшений городских гербов, в котором используются дизайнерские принципы формообразования (присутствуют постоянные и переменные элементы – признаки, объединённые в систему). По этой классификации можно установить, что города Бендеры (Бессарабской губернии), Тирасполь, Григориополь и Дубоссары (Херсонской губернии) (рис. 2) являлись преимущественно сельскохозяйственными в XIX веке.

Также по классификации Б. В. Кёне можно установить, что все эти города уездные, учитывая «городские короны» сверху, в виде башен с тремя зубцами [20]. У герба города Бендеры (рис. 2) в левой верхней части щита расположена символика Бессарабской губернии, в ведомстве которой находился город. У гербов городов Херсонской губернии (Тирасполь, Григориополь, Дубоссары) в том же месте и таким же точно образом изображена символика Херсонской губернии (рис. 2), т. е. полностью идентичным образом, что ещё раз свидетельствует о проявлениях типологии графического дизайна в геральдике и территориальной символике в целом ещё до зарождения дизайнерской деятельности как таковой. На гербах Бендер и Тирасполя нашли также символическое отражение их фортификационные сооружения – крепости.

На рис. 3 представлена модульная айдентика Санкт-Петербурга от Студии Артемия Лебедева [21] (2014 г.), в которой аналогичным образом

с гербовой системой Кёне прослеживается упорядоченность: постоянные формы, которые не меняются в вариациях символа, и переменные – меняющиеся, но созданные при этом в единой линейной стилистике, с одинаковой толщиной линии и элементами одного цвета. Данный факт свидетельствует о единстве принципов формообразования, используемых в дизайне территориальной символики, как исторической (гербы), так и актуальной (территориальная айдентика). Последняя наследует у геральдики не только функцию – представление территории, но и структуру, законы построения, что позволяет согласиться с А. Стасем, который называет современные эмблемы городов «новой геральдикой».

Помимо своей основной функции – визуальной репрезентации территорий, символика в Российской империи имела не только политический или исторический смысл, но и идеологический – служила средством для укрепления монархии и демонстрации власти императора. Именно борьба с идеологией монархии и послужила одним из факторов, повлиявших на тотальную смену территориальной символики при СССР. Геральдика в это время меняется не только визуально (правила создания самих гербов), но и фундаментально – ей отводится роль вспомогательной исторической дисциплины [22], а также с этого времени начинается её упадок, нашедший отражение как в новой роли гербов, так и в канонах их исполнения. С точки зрения дизайна данный период сложно назвать упадком, так как гербы с приходом советской власти начинают формироваться по новым правилам, близким к правилам графического дизайна, в которых и воплощены его базовые принципы.

Эта последняя радикальная реформа геральдики принесла новый, особый язык социалистической (коммунистической) геральдики, распространившейся и на другие социалистические страны мира. Образцы такой геральдики создавались уже под влиянием общих тенденций графического дизайна и формообразования, то есть почти все предыдущие каноны геральдики утрачивали своё значение. Форма щита для гербов городов использовалась единая, французская, как и в геральдике Бориса Кёне.

Идеология в советских гербах радикально изменилась по сравнению с имперской – любые прямые и косвенные отсылки к монархии и религии ликвидировались, а в качестве главных смыслов была заложена идея социализма, нового государства рабочих и крестьян, промышленности и сельского хозяйства, а также культ спорта, что и отражалось в данных гербах [23].

На рис. 4 можно проследить, как изменились гербы городов Бендеры и Тирасполь при СССР – на обоих сохранились символы крепостных стен (Бендерская и Тираспольская крепости соответственно), появилась река Днестр, изображаемая

символично в виде волн, а также промышленные и аграрные элементы, отражающие местную специфику. Из исторических смыслов данные образцы геральдики унаследовали от предшествующих только крепостные стены, а из правил самой дисциплины – только форму щита. В остальном это композиции, выстроенные по правилам графического дизайна – они просты, лаконичны, стилизованы и выразительны.

У городов Григориополь и Дубоссары, представленных на рис. 2 вместе с Бендерами и Тирасполем, не было символики при СССР. Гербы, разработанные по правилам Кёне, не использовались до смены политического режима. Поэтому в линейке советских гербов на рис. 4 представлены другие примеры геральдики и эмблематики данного периода, вызывающие научный интерес, – Одессы и Кишинёва.

Герб города Одесса во все периоды включал в себя якорь, в том числе, в варианте, предложенном Борисом Кёне. Также во все периоды он содержал красный, либо красный и жёлтый (золотой) цвета. В советский период к якорю также было добавлено стилизованное изображение броненосца Потёмкина с красным флагом и золотая звезда города-героя. Многократные трансформации деталей одесской геральдики с сохранением основного смысла во все времена говорят о сильной и устойчивой семиотической модели города. Свидетельствует об этом также тот факт, что разработанная территориальная айдентика Одессы от студии Артемия Лебедева (2012 г.) также содержит якорь в качестве одного из основных элементов, нижняя часть которого стилизована под сердце, что символизирует любовь к городу. Такой эмоциональный аспект символики возможен исключительно в территориальной айдентике и немыслим в геральдике.

Герб у города Кишинёв в период советской власти отсутствовал в связи с умалением значения геральдики в принципе – такая символика была необязательной. Но к 500-летию юбилею столицы Молдавской ССР в 1966 г. была разработана городская эмблема (рис. 4): композиция в форме щита, на которой символически изображена каменная кладка в форме виноградного листа, из которой вытекает родник. Также эмблема содержит название города на молдавском языке, адаптированном под кириллицу – «Кишинэу». Данная эмблема была применена в оформлении городского пространства, а также изображалась на пачках сигарет марки «Кишинёв».

Данный прецедент вызывает научный интерес с точки зрения предмета настоящего исследования – фактически в советское время для Кишинёва была создана эмблема города, которая официально не являлась гербом, но всё же имела отсылку к геральдике (форма щита). По всем признакам она является территориальной айдентикой (которая появилась как вид символики в начале XXI

века): использовалась в оформлении города и печаталась на товаре, а значит, обладала узнаваемостью и символизировала Кишинёв.

В сравнении с гербом Дубоссар (рис. 5), разработанным с нуля в самом начале XXI века, эмблема Кишинёва не называлась гербом, имея при этом форму щита, тогда как символика Дубоссар является официальным гербом, но фактически выполняет функцию территориальной айдентики – то есть городской эмблемы, так как кроме формы щита не имеет ничего общего с геральдикой. В условиях глобализации современного мира стоит отметить, что наиболее адекватным вариантом символика территории является сосуществование гербов и флагов в официальном, дипломатическом поле вместе с территориальной айдентикой, выполняющей рекламную функцию (в числе прочих) и используемой в городском пространстве, а также в сфере туризма, размещающейся на товарах и в сети Интернет.

Геральдика после распада СССР окончательно приходит в упадок по множеству причин – общий экономический и социальный спад в России и других постсоветских странах переплетался с разочарованием в идее социализма, с одной стороны, поиском актуальной идеологии и национальной идеи – с другой стороны. Новые города и населённые пункты больше не основывались, а уже существующие приходили в запустение (в той или иной степени), в связи с чем новые гербы практически не разрабатывались.

Из общих тенденций в территориальной символике России, как и некоторых постсоветских стран на рубеже 90-х годов XX века и 00-х годов XXI века, можно выделить возврат к дореволюционным символам, возвышение национальных идеологий и, как следствие, смену территориальной символика. В России и Приднестровье возвращались к дореволюционным символам, создавались реплики досоветских имперских гербов, причём не всегда в точности. Вместе с тем всё же формировались и принципиально новые гербы для отдельных городов и населённых пунктов, нередко с полным пренебрежением какими-либо правилами [23]. С учётом появления современных компьютеров, интерфейсов и графических редакторов, в постсоветской геральдике стали использоваться даже такие приёмы, как градиентная заливка, тени от объектов, что было как невозможно, так и немислимо на более ранних стадиях развития данной дисциплины.

На рис. 5 можно проследить, как изменились гербы городов Бендеры, Тирасполь, Григориополь и Дубоссары (представленные ранее на рис. 2, а также частично на рис. 4) в постсоветский период. Герб города Бендеры (рис. 5) является некачественной репликой имперского герба города (1826 год, не представлен в настоящем исследовании), где лев с человеческим лицом (символизирует по-

верженного шведского короля Карла XII) воссоздан вольно, с другим лицом и отличием в деталях от образца, созданного ещё до реформы Б. В. Кёне (1855–1859 гг.).

Также отдельный научный интерес представляет тот факт, что река Днестр символически была изображена только на советском варианте герба города Бендеры, и после принятия следующего герба она снова пропадает из его символики. Сам город стоит на берегу реки, его жизнь была исторически связана с Днестром, как и оба его названия, в том числе и старое – Тигина [24]. При изучении семиотической модели Бендер можно выделить несколько доминирующих смыслов, которые могут конкурировать за отражение в символике – это как река Днестр, так и Бендерская крепость. Даже с учётом снижения интенсивности судоходства на реке Днестр и небольшого утилитарного значения речных перевозок на период распада СССР, при разработке территориальной айдентики для Бендер (и Приднестровья в целом) смысл данной водной артерии игнорировать невозможно.

Город Тирасполь (рис. 5) сохраняет советский герб без изменений в качестве официального государственного и по состоянию на 2023 год, а соответственно, и смысл реки Днестр, заложенный в него (в числе прочих). Для Григориополя (рис. 5) и Дубоссар (рис. 5) в начале 2000-х годов создаются новые гербы, без ориентации на уже существовавшие, то есть разработанные ещё в процессе реформы Б. В. Кёне. Герб Григориополя лаконичный, сформирован полностью под влиянием советской геральдики как с позиции заложенных смыслов, так и позиции исполнения – в нём без труда прочитываются смыслы сельского хозяйства, южного солнца и реки Днестр. Такая композиция либо полностью аналогичная ей могла быть создана и при СССР, именно поэтому обязательной задачей искусствоведа является обращение к источникам для атрибуции образцов к определённому периоду, несмотря на их визуальные свойства.

В композиции герба города Дубоссары (рис. 5) отражается исторический элемент – стилизованная под ладью лодка «дубас», давшая название городу, а также Дубоссарская ГЭС – энергетический и стратегический объект на реке Днестр, и южное солнце. С точки зрения исполнения данный герб выполнен как современная графическая композиция – используются чрезвычайно яркие оттенки, не свойственные геральдике, а также градиентная заливка формы щита и водной глади. Сама река представлена не символически (в виде нескольких стилизованных волн), а именно в виде композиции с перспективной и разными планами, по правилам живописи, что даёт ассоциацию с картиной.

Исходя из визуальных свойств данного герба, можно сделать вывод, что такая символика Дубоссар создавалась в большей степени с претензией на городскую эмблему (по аналогии с Кишинёвом, рис. 4),

называясь при этом гербом. В связи с этим сделан вывод, что герб города Дубоссары (рис. 5) полностью нарушает каноны геральдики всех рассмотренных периодов. Даже в советской геральдике, полностью изменившей правила визуальной репрезентации территорий, присутствовал общий стиль – лаконичность, графичность, определённая цветовая гамма, а также конкретный набор смыслов.

Все три вектора развития постсоветской геральдики (реплики дореволюционных гербов, гербы по правилам СССР и новые гербы, создаваемые без правил), свидетельствуют об утрате актуальности этой символической системы и отсутствии смысла в новой геральдике как в визуальной символике территорий. Новых правил создания гербов просто нет, предыдущие утрачивают силу вместе со сменой эпохи. А сами гербы уже воспринимаются как архаичный, исторический визуальный элемент.

Одно из важных свойств геральдики, выделенное в процессе исследования, – в композицию герба возможно включение названия города, выполненного посредством шрифта, но такое решение принимается точно. Касается это почти всех периодов развития российской геральдики – раннего (дореформенного), советского и постсоветского. Единственный период, когда данный аспект регламентировался – во время реформы Б. В. Кёне. По правилам, предложенным бароном, композиции городских и губернских гербов не предусматривали шрифтовых элементов, следовательно, прочитать название было нельзя, в связи с чем максимальное акцентирование приходилось на визуальную составляющую композиции. Городской герб можно было только запомнить, а значит, его композиция должна была быть уникальной, что в условиях типизации элементов являлось непростой задачей.

Современная территориальная айдентика, как правило, включает в себя шрифтовую часть с названием города или страны, а также слоган. В отдельных случаях символика создаётся с помощью абстрактно-графического подхода и состоит только из названия, либо его части – с использованием только первой буквы названия (исключительно шрифтовая композиция в уникальном начертании). Примеры использования абстрактно-графического подхода к созданию территориальной айдентики встречаются как в России, так и за рубежом – айдентика города Пермь (Студия Артемия Лебедева, 2009) айдентика Мельбурна (Landor Associates, 2009). В обоих случаях было решено отказаться от старых эмблем (при их наличии), а также от ориентации на официальную символику (герб и флаг) и историю этих городов.

Всесторонний интерес к территориальной айдентике возрастает с позиции многих наук и практик. Растёт количество и качество научных исследований по теме в области искусствоведения, а также самих проектов в практике графического дизайна, в связи

с чем логично сделать вывод, что исследование территориальной айдентики с точки зрения искусствоведения в высшей степени актуально.

Выводы

1. Геральдика, изначально создававшаяся как родовой (семейный) визуальный идентификатор, с течением времени меняет функцию и символизирует уже территории, а не конкретных людей.

2. Гербы до реформы Б. В. Кёне разрабатывались без единого для всего государства формата (смешанная система), но подчинялись определённым правилам на разных этапах. Реформой барона вводится единая классификационная система и единый визуальный облик базовых геральдических элементов.

3. Советская геральдика – переходная ступень между каноничной русской геральдикой и современной территориальной айдентикой, не только хронологически, но и фундаментально – в ней прослеживаются признаки графического дизайна.

4. Геральдика в XXI веке окончательно утратила актуальность как символический язык и является в большей части историческим элементом, культурным памятником. В то же время гербы являются официальными государственными символами территорий – городов и стран.

5. Территориальная айдентика является актуальным средством визуальной репрезентации территорий, в полной мере использующим гибкий язык и потенциал графического дизайна. Не требует специальных знаний для понимания (как в случае с геральдикой, подчинённой жёстким канонам), рассчитана на восприятие широкими народными массами вне зависимости от национальности, религии, культуры и образования.

6. Предпосылки к появлению территориальной айдентики сложились ещё задолго до её появления, как с позиции функции, так и с позиции приёмов оформления.

7. Современная территориальная айдентика наследует не только функцию геральдики, но и некоторые оформительские приёмы, например, стилизацию, типизацию, модульность и серийность.

8. В современном мире является возможным и практикуется сосуществование официальной государственной символики (герб, флаг) и территориальной айдентики, которая используется для репрезентации города (или страны) в других сферах.

9. Исследование современной территориальной айдентики с позиции искусствоведения (технической эстетики и дизайна) является в высшей мере актуальным, так как научные труды в российском искусствоведении в данной области практически отсутствуют, а практическая область в то же время активно развивается, сталкиваясь с рядом фундаментальных проблем.

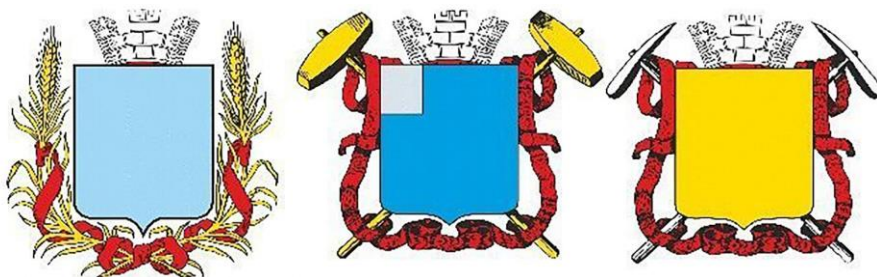


Рис. 1. Проект дополнительных украшений городских гербов по проекту Б. В. Кёне (1869 г.).
 Слева направо: сельскохозяйственные города, промышленные города, горные города
 Fig. 1. The project of additional decorations of city coats of arms according to the project of B. V. Kene (1869).
 From left to right: agricultural cities, industrial cities, mountain cities



Рис. 2. (слева направо): гербы городов Бендеры, Тирасполь, Григориополь и Дубоссары, созданные после реформы русской геральдики Б. В. Кёне
 Fig. 2. (from left to right): coats of arms of the cities of Bendery, Tiraspol, Grigoriopol and Dubossary, created after the reform of Russian heraldry by B. V. Kene



Рис. 3. Айдентика Санкт-Петербурга авторства Студии Артемия Лебедева (2014 г.)
 Fig. 3. The identity of St. Petersburg by the Artemy Lebedev Studio (2014)



Рис. 4. (слева направо): официальные гербы городов Бендеры, Тирасполь, Одесса и Кишинёв, созданные при Советском союзе
 Fig. 4. (from left to right): official coats of arms of the cities of Bendery, Tiraspol, Odessa and Chisinau, created under the Soviet Union



Рис. 5. (слева направо): официальные гербы городов Бендеры, Тирасполь, Григориополь и Дубоссары после распада СССР, в составе Приднестровской Молдавской Республики
 Fig. 5. (from left to right): official coats of arms of the cities of Bendery, Tiraspol, Grigoriopol and Dubossary after the collapse of the USSR, as part of the Pridnestrovian Moldavian Republic

Литература

1. Маслов, М. М. Дизайн территориальной айдентики и брендинг территорий как раздел искусствоведения / М. М. Маслов // *Инновации и дизайн : сборник трудов II международной научно-практической конференции*. – 2022. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-design-of-territorial-identity-in-the-branding-of-territories-as-a-section-of-art-criticism> (дата обращения: 05.07.2023).
2. Анхольт, С. Бренд Америка: мать всех брендов / С. Анхольт, Д. Хильдрет. – М. : Добрая книга, 2010.
3. Anholt, S. Beyond the Nation Brand: The Role of Image and Identity in International Relations / S. Anholt // *Exchange: The Journal of Public Diplomacy*. – 2011. – Vol. 2. – Iss. 1. – P. 6–12. – URL: <https://surface.syr.edu/exchange/vol2/iss1/>.
4. Котлер, Ф. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы / Ф. Котлер, К. Асплунд, И. Рейн, Д. Хайдер. – СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005.
5. Динни, К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики / К. Динни ; под ред. К. Динни ; пер. с англ. Веры Сечной. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013.
6. Стась, А. Новая геральдика. Как страны, регионы и города создают и развивают свои бренды / А. Стась. – М. : Группа ИДТ, 2009.
7. Визгалов, Д. Брендинг города / Д. Визгалов ; предисл. Л. В. Смирягина. – М. : Институт экономики города, 2011. – 160 с.
8. Визгалов, Д. Пусть города живут / Д. Визгалов ; сост. М. Губергриц, Н. Замятина, М. Ледовский. – М. : Сектор, 2015. – 272 с.
9. Родькин, П. Бренд-идентификация территорий. Территориальный брендинг: новая прагматичная идентичность / П. Родькин. – М. : Совпадение, 2016. – 248 с.
10. Edensor, T. National Identity, Popular Culture and Everyday Life / T. Edensor. – Berg Publishers, 2002. – P. 1–35. – URL: https://www.researchgate.net/publication/205836856_National_Identity_Popular_Culture_and_Everyday_Life.
11. Yagou, A. Metamorphoses of Formalism: National Identity as a Recurrent Theme of Design in Greece / A. Yagou. – 2007. – June. – P. 145–159. – URL: https://www.researchgate.net/publication/249251574_Metamorphoses_of_Formalism_National_Identity_as_a_Recurrent_Theme_of_Design_in_Greece.
12. Pollice, F. The Role of Territorial Identity in Local Development Processes / F. Pollice // *The Cultural Turn in Geography*. P. II: Landscape Construction and Cultural Identity : proceedings of the Conference. – University of Trieste, Gorizia Campus (Italy), 2003. – P. 107–117. – URL: https://www.researchgate.net/publication/242122046_THE_ROLE_OF_TERRITORIAL_IDENTITY_IN_LOCAL_DEVELOPMENT_PROCESSES.
13. Stoimenova, B. Visual Brand Identity Design. Conference: Marketing – experience and perspectives / B. Stoimenova // University of Economics – Varna, 2017. – P. 346–353. – URL: https://www.researchgate.net/publication/323884367_Visual_Brand_Identity_Design.
14. Соболева, Н. Идентичность Российского государства языком знаков и символов: эмблематики, геральдики, сфрагистики, вексиллологии / Н. Соболева. – М. : ЯСК, 2018. – 668 с.
15. Арсеньев, Ю. В. Геральдика : лекции, читанные в Московском Археологическом институте в 1907–1908 году / Ю. В. Арсеньев. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. – С. 337–350.
16. Афонасенко, И. М. Дворянские гербы Царства Польского, пожалованные российскими императорами. Т. I (А – Л) / И. М. Афонасенко, С. В. Думин, А. Н. Хмелевский. – М. : Клипарто, 2022. – 448 с.
17. ОР Эрм. 112. Талызин Л. И. Руководство к геральдике, то есть наука о гербах. – Конец XVIII в. – 225 л.
18. Лакиер, А. Б. Глава одиннадцатая. История русских гербов. [§ 55] История гербов в России. Откуда и когда гербы заимствованы Россией. Доказательства, что гербы существовали у нас до Петра Великого. Манифест 1798 года / А. Б. Лакиер // *Русская геральдика*. – 1855.
19. Прокопьев, С. М. Барон Б. В. Кёне и его геральдические реформы / С. М. Прокопьев, Д. Фахрутдинова // *Вестник МГУП имени Ивана Федорова*. – 2016. – № 2. – С. 47–51.
20. Закутнов, О. И. Реформы российской геральдической системы барона Б. В. Кёне / О. И. Закутнов // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. – 2019. – № 1 (58). – С. 9–13.
21. Туристический логотип Санкт-Петербурга. – URL: <https://www.artlebedev.ru/spb/logo/> (дата обращения: 31.07.2023).
22. Наумов, О. Н. Научная геральдика России / О. Н. Наумов ; отв. ред. чл.-корр. РАН С. М. Каштанов. – М. : Старая Басманная, 2013. – 508, VIII с.
23. Маслов, М. М. Территориальная айдентика Приднестровья и пути к формированию бренда страны / М. М. Маслов // *Дизайн и искусство - стратегия проектной культуры XXI века : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции в рамках Всероссийского форума молодых исследователей*. – М., 2020. – С. 18–24.
24. История города Бендеры (Тигины). Бендерская крепость. – URL: <https://bendery-fortress.com/istoriya-goroda-bendery-tiginy> (дата обращения: 31.07.2023).

THE SYSTEM OF RUSSIAN TERRITORIAL SYMBOLS – FROM THE FIRST COATS OF ARMS TO THE TERRITORIAL IDENTITY AND BRANDS OF PLACES

M. M. Maslov

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, St. Petersburg, Russian Federation

The article focuses on Russian heraldry as a means of visual identification of territories and a prototype of modern territorial identity. Heraldry can be viewed as a model not only from the position of its function, but also from the point of view of its formation. The paper considers specific examples of coats of arms in comparison with the general trends in the development of modern territorial symbolism and graphic design. The term «Russian heraldry» in the context of the study implies all stages of its development: tsarist, imperial, Soviet, and post-Soviet. The paper considers modern coats of arms of the Republic of Transnistria, since at all stages (except for the post-Soviet one) this territory was part of the system of Russian territorial symbols. After the collapse of the USSR and gaining independence, Transnistria supports the pro-Russian course which is mainly expressed in its symbolism. They create the replicas of pre-revolutionary coats of arms and use the Soviet coats of arms alongside the new ones, including the coats of arms designed according to the rules of Soviet heraldry. Such turning points in the sphere of visual identifiers as Koehne's heraldic reform in the 19th century, the introduction of Soviet heraldry, the replica of pre-revolutionary heraldry after the collapse of the USSR require a separate detailed study. Due to the specifics of this article they are considered in a limited way, as the paper aims to identify the relationship between traditional forms of symbolism and modern territorial identity.

Keywords: territorial identity, heraldry, coat-of-arms, B.V. Koehne's reform, graphic design, modularity.

References

1. Maslov M.M. Dizajn territorialnoj ajdentiki i brending territorij kak razdel iskusstvovedeniya [Design of Territorial Identity and Branding of Territories as a Section of Art Criticism] // *Innovacii i dizajn: sbornik trudov II mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. 2022. Vol. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-design-of-territorial-identity-in-the-branding-of-territories-as-a-section-of-art-criticism>.
2. Anholt S., Hildret J. Brend Amerika: mat vsekh brendov [Brand America: the Mother of All Brands]. M.: Dobraya kniga, 2010.
3. Anholt S. Beyond the Nation Brand: The Role of Image and Identity in International Relations // *Exchange: The Journal of Public Diplomacy*: Vol. 2. Iss. 1. 2011. P. 6–12. URL: <https://surface.syr.edu/exchange/vol2/iss1/1>.
4. Kotler F., Asplund K., Rein I., Haider D. Marketing mest. Privlechenie investitsij, predpriyatij, zhitelej i turistov v goroda, kommuny, regiony i strany Evropy [Place Marketing. Attracting Investments, Enterprises, Residents and Tourists to Cities, Communes, Regions and Countries of Europe]. SPb.: Stockholm School of Economics Saint-Petersburg, 2005.
5. Dinnie K. Brending territorij. Luchshie mirovye praktiki [Branding of Territories. Global Best Practices]; pod red. K. Dinnie; per. s angl. V. Sechnaya. M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2013.
6. Stas A. Novaya geraldika. Kak strany, regiony i goroda sozdayut i razvivayut svoi brendy [New Heraldry. How Countries, Regions and Cities Create and Develop Their Brands]. M.: IDT Group, 2009.
7. Vizgalov D. Brending goroda [City Branding]. predisl. L. V. Smirnyagina. M.: Institut ekonomiki goroda, 2011. 160 s.
8. Vizgalov D. Pust goroda zhivut [Let the Cities Live]. sost. M. Gubergrits, N. Zamyatina, M. Ledovskiy. M.: Sektor, 2015. 272 s.
9. Rodkin P. Brend-identifikaciya territorij. Territorialnyj brending: novaya pragmatichnaya identichnost [Brand-Identification of Territories. Territorial Branding: a New Pragmatic Identity]. M.: Sovpadenie, 2016.

10. Edensor T. National Identity, Popular Culture and Everyday Life. Berg Publishers, 2002. P. 1–35. URL: https://www.researchgate.net/publication/205836856_National_Identity_Popular_Culture_and_Everyday_Life.
11. Yagou A. Metamorphoses of Formalism: National Identity as a Recurrent Theme of Design in Greece. 2007. June. P. 145–159. URL: https://www.researchgate.net/publication/249251574_Metamorphoses_of_Formalism_National_Identity_as_a_Recurrent_Theme_of_Design_in_Greece.
12. Pollice F. The Role of Territorial Identity in Local Development Processes // The Cultural Turn in Geography. P. II: Landscape Construction and Cultural Identity: proceedings of the Conference. University of Trieste, Gorizia Campus (Italy), 2003. P. 107–117. URL: https://www.researchgate.net/publication/242122046_THE_ROLE_OF_TERRITORIAL_IDENTITY_IN_LOCAL_DEVELOPMENT_PROCESSES.
13. Stoimenova B. Visual Brand Identity Design. Conference: Marketing – experience and perspectives. Varna: University of Economics, 2017. P. 346–353. URL: https://www.researchgate.net/publication/323884367_Visual_Brand_Identity_Design.
14. Soboleva N. Identichnost Rossijskogo gosudarstva yazykom znakov i simvolov: emblemاتيki, geraldiki, sfragistiki, veksillologii [The Identity of the Russian State Through the Language of Signs and Symbols: Emblems, Heraldry, Sphragistics, Vexillology]. M.: YaSK, 2018. 668 p.
15. Arsenyev Y.V. Geraldika. Lekcii, chitannye v Moskovskom Arxeologicheskom institute v 1907–1908 godu [Heraldry. Lectures Given at the Moscow Archaeological Institute in 1907–1908]. Moscow: TERRA–Book Club, 2001. S. 337–350.
16. Afonassenko I.M., Dumin S.V., Khmelevsky A.N. Dvoryanskie gerby Czarstva Polskogo, pozhalovannye rossijskimi imperatorami [Noble Coats of Arms of the Kingdom of Poland, Granted by Russian Emperors]. Vol. I (A–L). M.: Cliparto, 2022. 448 p.
17. OR Erm. 112. Talyzin L.I. Rukovodstvo k geraldike, to est nauka o gerbax [Guide to Heraldry, that is, the Science of Coats of Arms] // Konets 18 v. 225 s.
18. Lakier A.B. Glava odinnadzataya. Istoriya russkix gerbov. Istoriya gerbov v Rossii. Otkuda i kogda gerby zaimstvovany Rossieyu. Dokazatelstva, chto gerby sushhestvovali u nas do Petra Velikogo [Chapter Eleven. History of Russian Coats of Arms. History of Coats of Arms in Russia. Where and when were Coats of Arms Borrowed by Russia? Evidence that Coats of Arms existed Among us Before Peter the Great]. Manifest 1798 goda // Russkaya geraldika. 1855.
19. Prokopyev S.M. Baron B.V. Kyone i ego geraldicheskie reformy [Baron B.V. Kene and His Heraldic Reforms] // Vestnik MGUP imeni Ivana Fedorova. 2016. № 2. S. 47–51.
20. Zakutnov O.I. Reformy rossijskoj geraldicheskoj sistemy barona B.V. Kyone [Reforms of the Russian Heraldic System of Baron B.V. Koene] // Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura. 2019. № 1 (58). S. 9–13.
21. Turisticheskij logotip Sankt-Peterburga [Tourist Logo of St. Petersburg]. URL: <https://www.artlebedev.ru/spb/logo>.
22. Naumov O.N. Nauchnaya geraldika Rossii [Scientific Heraldry of Russia]. M.: Staraya Basmanaya, 2013. 508 s.
23. Maslov M.M. Territorialnaya ajdentika Pridnestrovya i puti k formirovaniyu brenda strany [Territorial Identity of Transnistria and Ways to Forming a Country Brand] // Dizajn i iskusstvo – strategiya proektnoj kul'tury XXI veka: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii v ramkax Vserossijskogo foruma molodyx issledovatelej. M., 2020. Vol. 3. 2020. P. 18–24.
24. Istoriya goroda Bendery (Tiginy). Benderskaya krepost [History of the city of Bendery (Tighina)]. URL: <https://bendery-fortress.com/istoriya-goroda-bendery-tiginy>.

Mikhail M. Maslov – Postgraduate Student, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (St. Petersburg), e-mail: mihail_123@list.ru

Received August 11, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Маслов, М. М. Система российской территориальной символики – от первых гербов до визуальной айдентики и брендов мест / М. М. Маслов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 62–71. DOI: 10.14529/ssh230407

FOR CITATION

Maslov M. M. The System of Russian Territorial Symbols – from the First Coats of Arms to the Territorial Identity and Brands of Places. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 62–71. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230407

СОЦИАЛЬНЫЙ МЕДИАПРОЕКТ «ЖЕНЩИНЫ ДОНБАССА»: ЖАНРОВО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

М. Н. Булаева, А. Р. Марфицына

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье рассмотрена актуальная, но малоисследованная тема – специфика социального медиапроекта. Возникшие в результате технико-технологических трансформаций в области медиа медиапроекты являются разновидностью журналистских материалов, в основе которых лежит уникальный журналистский контент, созданный с использованием различных технологических платформ. Особое значение имеют медиапроекты социальной направленности, посвященные актуальным общественно значимым проблемам. Целью данного исследования стало изучение жанрово-содержательных и коммуникативных особенностей социальных медиапроектов на примере проекта «Женщины Донбасса», реализованного в период с 2022 по 2023 год. Обращение к исследованию именно этого медиапроекта обусловлено его актуальностью, новизной, высокой социальной значимостью и востребованностью у аудитории. При изучении специфики социальных медиапроектов использованы методы анализа, синтеза, систематизации, сравнения. В процессе обработки эмпирического материала медиапроекта «Женщины Донбасса» был применен метод содержательного анализа.

Исследование жанрово-содержательных особенностей данного медиапроекта, заключающихся в выборе героев, характере освещаемых проблем, целевой установке и жанровой специфике, позволил отнести его к социальным. Анализ структуры и процесса реализации медиапроекта с применением технологий трансмедийного сторителлинга показал, что он может рассматриваться в качестве инструмента коммуникации.

Ключевые слова: социальная журналистика, СМИ, социальный медиапроект, трансмедийный сторителлинг, жанрово-содержательные особенности.

Введение

Медиа и общество находятся в позиции постоянного взаимовлияния и взаимодействия. В настоящее время одним из наиболее популярных инструментов, при помощи которого медиа привлекают внимание социума к острым социальным проблемам и способствуют их решению, являются медиапроекты. Сочетая в себе различные форматы подачи информации, а также уникальный авторский контент, социальные медиапроекты освещают наиболее актуальные проблемы общества, предоставляя аудитории площадку для ведения диалога, являясь, таким образом, средством коммуникации. В данный момент наиболее острые и важные проблемы, которые находят живой отклик у аудитории, связаны с проведением специальной военной операции (СВО) на Донбассе. Следовательно, медиапроекты, посвященные данной тематике, чрезвычайно востребованы обществом.

Цель исследования заключается в изучении жанрово-содержательных и коммуникативных особенностей социального медиапроекта «Женщины Донбасса». Для достижения поставленной цели в ходе исследования были решены следующие задачи: рассмотрены особенности социального медиапроекта, изучена его коммуникативная специфика, определена тематическая направленность, выявлены жанрово-содержательные особенности социального медиапроекта «Женщины Донбасса» и дана его характеристика как инструмента коммуникации.

Объектом исследования выступает социальный медиапроект «Женщины Донбасса», предметом – его жанрово-содержательные и коммуникативные особенности.

Обзор литературы

Медиапроекты в качестве объекта исследования находятся в центре научного внимания многих отечественных и зарубежных ученых. Развитие и становление проектной журналистики и медиапроектов изучали такие исследователи, как А. В. Алешин [1], М. Н. Безуглова [2], Ф. Бэбьюли [3], Е. Л. Варганова [4], И. И. Мазур [5], П. Мартин [6], И. В. Никишин [7] и др. Специфику социальных медиапроектов рассматривали Е. Л. Дмитренко [8], И. А. Зацепина [9], Т. В. Тришина [10], Т. И. Фролова [11], Л. П. Шестеркина [12] и др. Особенности коммуникации в медиапроектах рассмотрены на основе трудов Д. П. Гавры [13], Е. И. Головлевой [14], Г. Лассуэла [15]. Принципы реализации социальных медиапроектов, основанных на приемах трансмедийного сторителлинга, опираются на работы Ю. А. Батылиной [16], Г. Дженкинса [17], Д. Лонга [18], О. А. Фадеевой [19].

Методы исследования

При исследовании специфики социальных медиапроектов применялись методы анализа, синтеза, систематизации, сравнения. В процессе обработки эмпирического материала медиапроекта «Женщины Донбасса» был использован метод содержательного анализа.

Результаты и дискуссия

Современные средства массовой информации испытывают мощное технико-технологическое воздействие. Оно во многом определяет вектор их развития и специфику медиапродуктов, которые СМИ транслируют аудитории. Результатом технико-технологических трансформаций в медиа стало появление нового формата журналистских материалов – медиапроектов, которые могут быть реализованы в мультимедийных материалах, телепрограммах, подкастах и т. д. Исследование контента ключевых российских СМИ, среди которых «Комсомольская правда», РБК, «Аргументы и факты», Lenta.ru, «Первый канал», «Коммерсантъ», выявило, что все они предлагают аудитории разнообразные по содержанию и форме медиапроекты. Особое место среди них занимают медиапроекты социальной направленности. Проект ИД «Аргументы и факты» «Нас много – мы вместе» освещает деятельность волонтеров – участников общероссийской акции #МЫВМЕСТЕ, проект «100 семей 800 детей» рассказывает о многодетных семьях. На сайте «Первого канала» представлен долгосрочный проект адресной помощи «ВСЕМ МИРОМ 7375», целью которого является сбор средств для людей с тяжелыми заболеваниями или оказавшихся в трудных жизненных ситуациях. Более 19 лет «Радио России» реализует проект «Детский вопрос», который популяризирует идею приемного родительства и поддерживает семейные ценности.

Анализ научной литературы по исследуемой теме показал, что существует множество подходов к определению понятия «медиапроект». М. Н. Безуглова рассматривает медиапроект как «вид проектной деятельности СМИ» [2]. Т. А. Фарафонова подходит к определению с двух позиций: она рассматривает медиапроект как коллективный блог культурной и социальной тематики, а также как площадку «...для ведения диалога с аудиторией по наиболее актуальным проблемам современного общества» [20]. В данном исследовании мы будем использовать определение, предложенное Л. П. Шестеркиной, которая считает, что медиапроект – это «...разновидность социального проектирования в области медиа, представляющая собой творческую разработку, обладающая целеполаганием, задачами и характером проектируемых изменений, масштабом и конкретными сроками реализации; выполненная с использованием различных технологических платформ и направленная на достижение целей, имеющих важное социальное значение для развития общества» [12].

Исходя из целей, задач, масштабов проекта, сроков его реализации, характера проектируемых изменений тематический спектр проектов может быть различным, но одной из ключевых особенностей каждого медиапроекта является уникальность раскрываемой журналистом темы. Часто эти темы имеют социальный характер: прямо, либо косвенно связаны с социальной сферой, интересами различных слоев общества, многочисленными соци-

альными проблемами, многие из которых сегодня обострены. Можно сказать, что медиапроект выступает инструментом социальной журналистики, которая, как считает Т. И. Фролова, является «...особым видом журналистики, объектом которого выступают конкретные люди, их группы и общество в целом, а также их взаимодействие. Целью социальной журналистики является поддержание стабильности социальных отношений в обществе, освещение социальных проблем, то есть тех, которые связаны с противоречиями внутри общества» [11]. Предмет социальной журналистики – материалы, касающиеся актуального состояния социума в целом, его отдельных слоев и конкретных граждан, способов взаимодействия между ними, наиболее важных социальных проблем и др.

Медиапроекты, посвященные острой социальной теме, имеют определенную цель, которая, по мнению И. А. Зацепиной, выражается в «...содействии продвижению освещения социальных аспектов в обществе и сосредоточении на создаваемых и интерпретируемых ими образах социальной жизни» [9, с. 3195]. Специфика социальных медиапроектов определяется особенностями проектов и проектной деятельности в целом и медиапроектов как таковых. В частности, как и в случае с любым медиапроектом, важными характеристиками социального медиапроекта становятся его уникальность, однократность, четко определенные сроки реализации, постоянное взаимодействие с аудиторией и др. Именно поэтому не существует «циклических» социальных медиапроектов, ведь они жестко подчинены конкретной цели, поэтому, как только она достигается, социальный медиапроект считается завершенным. Также важной характеристикой социального медиапроекта является то, что он ориентирован на широкую аудиторию, включающую в себя представителей самых разных социальных слоев.

К ключевым признакам социальных медиапроектов исследователи относят: особую цель, конкретные сроки начала и завершения проекта, ресурсы, необходимые для функционирования проекта, результат, который должен проявляться в достижении поставленных задач, а также в решении рассматриваемой проблемы, если это возможно [9, с. 3195].

Таким признакам социальных медиапроектов полностью соответствует проект «Женщины Донбасса». Его ключевая цель – знакомство аудитории с историями женщин, а также организация адресной помощи героиням, живущим на Донбассе. Уникальность продукта состоит в оригинальных материалах, которые представляют собой мини-фильмы о непростых судьбах женщин, и сбор для них гуманитарной помощи. Сроки проекта – лето 2022 – лето 2023 года. Для реализации проекта авторы используют такие ресурсы, как сайт <https://donbasswomen.ru/>, социальная сеть ВКонтакте и мессенджер Telegram. Главным результатом

проекта является сбор материальных средств в помощь героиням фильмов.

Характеристики социальных медиапроектов позволяют рассматривать их как инструмент коммуникации, т. к. медиапродукты проекта включены в коммуникационный процесс передачи массовой информации от источника к потребителю. Медиапроект содержит основные компоненты коммуникации: это авторская разработка, результатом которой является конкретный медиапродукт, направленный на массовую аудиторию. По мнению Д. П. Гавры, «...источник, сообщение и получатель действительно являются необходимыми и достаточными первичными атрибутами коммуникации. Без любого из них коммуникативное взаимодействие невозможно. Совместного же наличия всех трех компонентов достаточно для того, чтобы задать коммуникационное взаимодействие» [13, с. 53].

При рассмотрении коммуникативных особенностей медиапроекта «Женщины Донбасса» применена классическая модель коммуникационного процесса, предложенная Г. Лассуэлом, в основе которой лежат ответы на вопросы: кто говорит? что говорит? по какому каналу сообщает? кому? с каким эффектом? [15, р. 179].

Источником сообщения (отправителем) в медиапроекте «Женщины Донбасса» выступает популярная теле- и радиоведущая Ю. Барановская, которая является не только автором, но и ведущей, а также репортером и интервьюером в фильмах проекта. Она лично присутствует на месте события, демонстрируя в кадре разрушенные и сгоревшие дома, в которых когда-то жили героини, следы от пуль и осколков в стенах и др. Это обеспечивает достоверность сюжетов, а также позволяет усилить эмоциональное воздействие, создать эффект присутствия на месте событий. В рамках медиапроекта Ю. Барановская встречалась с героиней каждого сюжета повторно, когда доставляла помощь.

Содержание сообщения – это медиапродукты, созданные в рамках проекта: журналистские произведения, тексты, фото-, видеоматериалы. Социальный медиапроект «Женщины Донбасса» представляет собой цикл мини-фильмов о судьбах тридцати героинь, чьи жизни изменили политические события на Украине, начавшиеся в 2014 году: «После событий 2014 года и того, что происходит сейчас, жизни многих женщин трагически изменились. Разрушен привычный уклад жизни и все, что было дорого. Многие потеряли семью, были ранены сами, остались одни с детьми или больными родственниками без дома и крыши над головой. Но им нужно жить, бороться ради своих детей. В их сердцах невероятные силы, любовь и надежда, что все наладится» [21]. Проект был создан при поддержке Президентского фонда культурных инициатив, фонда «Память поколений», Института развития интернета (ИРИ), а также «Общероссийского народного фронта» в августе 2022 года и продолжается в насто-

ящее время. Как отмечает Ю. Барановская, «...этот проект – возможность увидеть то, что случилось с простыми людьми, живущими на Донбассе, и помочь тем, кто пережил страшные вещи» [21].

Героями проекта являются женщины от 13 до 72 лет, пострадавшие от обстрелов, пережившие потерю близких, занимающиеся активной волонтерской деятельностью, участвующие в военных действиях.

Жанрово-содержательные особенности медиапроекта «Женщины Донбасса» заключаются в отражении социальных проблем, с которыми сталкиваются героини: помощь в лечении, реабилитации, ремонте и восстановлении жилья, поддержка участников специальной военной операции. Для информирования аудитории о проблемах героинь использован формат мини-фильмов в жанре интервью, в которое автор Ю. Барановская включает репортажные фрагменты из Донбасса: дома, улицы, места работы героинь и их близких. Жанр интервью позволяет наиболее полно раскрыть героя, вызвать сопереживание со стороны аудитории. Кроме этого, данный жанр дает возможность получить полные и точные ответы от героинь проекта на все волнующие автора вопросы, избегая отвлекающих от сути деталей. С помощью логически выстроенной цепочки вопросов Ю. Барановская не просто узнает мнение человека, а представляет зрителям масштабную историю каждой из героинь, сопровождаемую репортажными видеофрагментами. Благодаря тому что повествование ведется от первого лица, повышается достоверность транслируемой в фильме информации. Хронометраж мини-фильмов от 8 до 14 минут. Более подробно жанрово-содержательные характеристики проекта представлены в табл. 1.

Анализ жанрово-содержательных особенностей социального медиапроекта «Женщины Донбасса» выявил, что большая часть историй, показанных в мини-фильмах, – 18 – выполнена в жанре интервью и связана с непосредственной деятельностью героев: врач, учитель, волонтер, военнослужащий, зоозащитник и др. Помимо этого, героинями фильма стали женщины, в судьбах которых произошли большие личные потери: погибли родственники, разрушены дома и др. Таких историй – 12.

В основе мини-фильмов лежат следующие проблемные ситуации из жизни героинь:

1. Плен, задержание, пытки со стороны украинских военных – 3 истории.
2. Жертвы обстрелов – 7 историй.
3. Потеря близких – 4 истории.
4. Работа в условиях военных действий – 16 историй.

Сбор средств в рамках медиапроекта осуществлялся для следующих целей: лечение и реабилитация – 5 историй, ремонт и восстановление жилья – 2, помощь участникам СВО – 3, личные нужды – 8, работа и волонтерская деятельность – 13.

Таким образом, исследование жанрово-содержательных особенностей социального медиапроекта «Женщины Донбасса» выявило, что большая часть фильмов в рамках проекта рассказывает о проблемах женщин, ведущих активную профессиональную и общественную деятельность, для осуществления которой необходимы средства и оборудование.

Каналами коммуникации в данном медиапроекте выступают различные медиаплатформы: собственный сайт проекта «Женщины Донбасса», социальная сеть Вконтакте, мессенджер Telegram.

Публикации медиапроекта размещались и на YouTube, однако информационная политика видеохостинга такова, что не позволяет публиковать «шокирующий контент», к которому были отнесены многие выпуски данного медиапроекта, поэтому аккаунт «Женщины Донбасса» был удален с данного сервиса. Тем не менее, существующие каналы распространения являются востребованными у аудитории, о чем свидетельствует количество подписчиков: Вконтакте – 6 115 человек, в Telegram – 1895 человек (данные на 22.08.2023 г.).

Сайт проекта содержит 30 мини-фильмов, фильм о проекте, новостные материалы. Контент медиапроекта во Вконтакте включает также мини-фильмы, видеоролики о реализации проекта – интервью с героинями после получения помощи, информационные посты по тематике СВО, сообщения о восстановлении населенных пунктов Донбасса. Материалы в Telegram-канале по большей части дублируют контент, размещенный во Вконтакте. Повествование, таким образом, строится по принципам трансмедийного сторителлинга, представляющего, по мнению Г. Дженкинса, «...историю, которая раскрывается на множестве медиаплатформ, и каждый новый текст привносит отличительный и ценный вклад в общую картину» [17]. Исследователь Д. Лонг также подчеркивал, что в основе трансмедиа лежит использование разных типов медиа [18]. Ключевым признаком трансмедийности является участие аудитории в распространении контента и ее побуждение к дальнейшему изучению темы. Как подчеркивает Ю. А. Батылина, «...трансмедийный проект – это технология подачи истории с помощью использования определенных информационных каналов с участием аудитории в определенных аспектах» [16].

Адресатом (получателем) сообщений в данном медиапроекте является массовая аудитория. Целевая аудитория данного медиапроекта обширна – это совершеннолетние жители России и зарубежья, интересующиеся проблемами жителей Донецкой и Луганской народных республик. По данным Российского общества «Знание», общее количество просмотров сюжетов, входящих в медиапроект «Женщины Донбасса», составило более 5 млн [22]. Число просмотров отдельных выпусков колебалось от 2,5 тыс. до 8,2 тыс. в зависимости от тематики выпуска и канала распространения.

Эффект коммуникационного воздействия в данном медиапроекте проявляется, прежде всего, в реакции аудитории и ее действиях, последовавших после ознакомления с сообщениями. Цель данного медиапроекта – знакомство аудитории с судьбами женщин Донбасса, а также помощь героиням сюжетов и их близким. Поэтому эффект можно оценить не только по количеству подписчиков и просмотров, но и по объему денежных средств для помощи героиням, собранных в результате проекта. Сбор средств был завершен за несколько месяцев несмотря на то, что просьбы были различными: от приобретения бронежилета, каски, покупки оргтехники, до помощи в ремонте домов и оснащения всем необходимым полевого госпиталя. В ходе проекта было собрано свыше 14 000 000 рублей [23], все просьбы и пожелания героинь были выполнены.

Изначальная цель медиапроекта – сбор помощи его героиням – достигнута. Однако он будет продолжен: на официальном сайте проекта отмечено, что «Проект “Женщины Донбасса” продолжается, но уже в большем масштабе, – теперь это “Люди Донбасса” <...> мы расскажем не только о стойких женщинах, но и о мужчинах, врачах и учителях, которых не сломали годы жизни под обстрелами ВСУ» [21].

Выводы

Таким образом, в исследовании установлено, что специфическими признаками социального медиапроекта являются: цель социального характера, конкретные сроки реализации, ресурсы, необходимые для функционирования медиапроекта, социально значимый результат. Медиапроект «Женщины Донбасса» является социальным, т. к. обладает уникальной целью – информирование аудитории о проблемах, с которыми сталкиваются жительницы ДНР и ЛНР, и организация адресной помощи героиням. Проект начал летом 2022 года. Летом 2023 года организаторы объявили о продолжении проекта, но в большем масштабе: героями станут не только женщины, но и мужчины. Для реализации проекта его авторы использовали такие ресурсы, как сайт, социальная сеть Вконтакте и мессенджер Telegram. Результатом проекта стало оказание адресной помощи каждой героине проекта, а также выпуск итогового фильма.

Жанрово-содержательные особенности медиапроекта «Женщины Донбасса» заключаются в том, что в основе 30 мини-фильмов лежат истории реальных женщин, столкнувшихся с серьезными жизненными трудностями в результате военных действий. Выступая в качестве инструмента коммуникации, медиапроект «Женщины Донбасса» выполнил как функцию информирования аудитории, так и функцию организации социального взаимодействия – оказание адресной помощи героиням проекта благодаря собранным средствам.

Жанрово-содержательные характеристики социального медиапроекта «Женщины Донбасса»

Таблица 1

Table 1

Genre and content characteristics of the social media project «Women of Donbass»

№ п/п	Героиня	Содержание фильма	Цель сбора средств	Жанр	Хронометраж
1	Лариса Гурина, 57 лет, Донецк – владельца мебельного магазина	Переехала в ДНР из Харькова, спасаясь от пыток и преследований СБУ. Была арестована по обвинению в измене Родине за то, что привозила на Донбасс из Харькова гуманитарную помощь, помогала выехать в Россию тем, кто в этом нуждался. Первый допрос длился 37 часов с унижениями, пытками. Был задержан и избит сын	Приобретение станков для производства мебели	интервью	9:33
2	Валентина Савенко, 48 лет, Макеевка. Волонтер, помогает домашним животным, попавшим на улицу	В своем доме приютила 30 животных, получивших ранения, оставшихся без хозяев	Помощь на содержание животных (питание, материалы для вольеров, средства для ухода)	интервью	8:24
3	Влада Лукашенко, 36 лет, Докучаевск	После обстрела разрушен дом, ранены муж и ребенок. Героине необходимо совмещать воспитание детей, восстановление дома и уход за мужем, находящимся в больнице	Средства на операцию и реабилитацию мужа	интервью	9:11
4	Анна Орлова, 72 года, Донецк. Была в плену СБУ	Попала в плен вместе с внучкой. От пожилой женщины долго пытались получить сведения о ее зяте – уже погибшем командире группы быстрого реагирования. Почти 3 года она терпела пытки в плену. Вышла после обмена	Бытовая техника и вещи, необходимые после возвращения в родной дом в Авдеевке	интервью	11:45
5	Юлия Михайлова, 30 лет, Донецк. Волонтер и депутат Народного совета ДНР	Получила ранение после попадания снаряда в троллейбус, в котором ехала на работу. Лишилась руки и ноги, перенесла 12 операций за месяц	Приобретение инвалидных колясок для маломобильных жителей Донбасса	интервью	12:13
6	Виктория Нохонова, 23 года, Докучаевск	После попадания снаряда разрушен дом. Ранен муж	Средства для приобретения вещей и предметов первой необходимости	интервью	10:23
7	Нина Пономарева, 35 лет, Мариуполь	Спасаясь от обстрелов, женщина с детьми была вынуждена жить в подвале жилого дома. Ее муж погиб, свекровь получила ранение при обстреле	Современный протез для свекрови, потерявшей ногу	интервью	9:38
8	Светлана Бунакова, 36 лет, Мариуполь. Акушер-гинеколог	Работала акушером-гинекологом под обстрелами, приняла в подвале больницы 27 родов	Матрасы, постельное белье, дыхательный аппарат для новорожденных	интервью	9:16
9	Елизавета Улашенко, 17 лет, Мариуполь	При обстреле дома погибла мама. Девушка, находясь в положении, осталась с тремя братьями и сестрами	Средства для приобретения вещей и предметов первой необходимости	интервью	10:29
10	Светлана Щербина, 53 года, Волноваха	Женщина спасла молодого добровольца-танкиста и скрывала его в своем доме, пока не подошли бойцы из ДНР	Стройматериалы для ремонта разрушенного дома	интервью	8:56
11	Неля Васюта, 13 лет, Макеевка	Ранена на детской площадке при обстреле. Несколько подростков погибли. Перенесла несколько операций и длительное лечение	Реабилитация после лечения	интервью	9:38

Продолжение таблицы 1
Continuation of table 1

№ п/п	Героиня	Содержание фильма	Цель сбора средств	Жанр	Хронометраж
12	Дарья Морозова, 33 года, Донецк. Уполномоченная по правам человека в ДНР, занимается обменом пленных	С 2014 г. Д. Морозова стала первым и единственным Уполномоченным по правам человека в ДНР. Фиксирует военные преступления против мирных людей, занимается обменом пленными. Только по официальным данным Д. Морозова спасла 900 человек, а по неофициальным – 1500. Первой создала горячую линию по военнопленным и пропавшим без вести. Стояла у истоков создания Комитета по делам беженцев и военнопленных	Обращение к благотворительным фондам с просьбой поддержки инвалидов-участников боевых действий	интервью	12:10
13	Алиса Рипенко, 16 лет, Донецк	Из-за военных действий потеряла всю семью	Бытовая техника для дома	интервью	9:32
14	Виктория Лысак, 47 лет, ДНР. Военный фельдшер	Добровольно стала военным фельдшером и отправилась на передовую. Сын – военнослужащий	Медикаменты, носилки и другие материалы для первой помощи	интервью	8:31
15	Анна Железная, 49 лет, Донецк. Акушер-гинеколог, директор перинатального центра	Работала в роддоме, который подвергался обстрелам. Потеряла мужа, осталась одна с сыном	Оборудование для УЗИ	интервью	8:39
16	Ольга Селецкая, 50 лет, Донецк. Лидер мариупольского ополчения с 2014 года	Попала в плен в 2014 году при выполнении боевой задачи. Пробыла в заточении, подвергалась психологическим и физическим пыткам и издевательствам – пытки током, удушения, попытки утопления. В результате обмена военнопленными была отпущена	Проведение медицинских обследований и реабилитационных процедур для нормализации здоровья	интервью	14:09
17	Инна Лобода-Солдатенко, 57 лет, Мариуполь. Бывший завуч школы, организовала гуманитарный центр	С коллегами организовала общественную работу по нормализации гуманитарной обстановки в городе, вследствие чего в городе появился гуманитарный центр, где люди получают продукты. Ежедневно в центр обращаются 300–400 человек	Ноутбуки и принтеры, необходимые для организации работы гуманитарного центра	интервью	9:30
18	Инна Губарева и Надежда Веровская, 35 лет, Алчевск, волонтеры	После трагической гибели мужей, погибших в результате боевых действий, женщины продолжили их дело – волонтерство в благотворительной организации «Пища жизни Донбасса». Женщины помогают многодетным семьям: привозят продукты, игрушки для детей	Посуда и оборудование для приготовления пищи	интервью	11:17
19	Людмила Матлахова, 36 лет, Мариуполь	Дом Людмилы сгорел после попадания снаряда. Она с двумя детьми успела спрятаться в погребе, но ее муж погиб. Людмила смогла выбраться из погреба и вытащить младшего сына. Не обращая внимания на то, что тело было охвачено огнем, она пыталась помочь старшему сыну выбраться, в это время начала обваливаться крыша дома. Перед ней встал выбор: кого из двух детей спасать. Людмила приняла решение спасти младшего ребенка	Медикаменты, одежда, материалы для ремонта	интервью	9:44
20	Тамара Киященко, 68 лет, Первомайск, учитель	Несмотря на регулярные обстрелы со стороны Украины с 2014 года, женщина вела в школе занятия для детей, готовила пищу для людей, находящихся в бомбоубежище, расположенном в здании школы	Компьютеры, принтеры для занятий, кровля для восстановления крыши школы	интервью	11:06

№ п/п	Героиня	Содержание фильма	Цель сбора средств	Жанр	Хронометраж
21	Татьяна Крылова, 49 лет, Краматорск. Ополченец	Принимала участие в боях в Изваренском котле, в Авдеевской промзоне, в обороне Горловки, Васильевки. Была на передовой. В боях потеряла мужа, сын получил серьезные травмы и стал инвалидом	Бронежилеты и каска для дочери, которая работает военным корреспондентом	интервью	9:57
22	Алла Оболенская, 58 лет, Донецк. Учитель	Была первым учителем А. Захарченко – главы ДНР, погибшего в результате покушения. С 2014 года работала волонтером, помогала беженцам. Обеспечивала питанием и учебниками школьников	Техника для обеспечения учебного процесса	интервью	11:10
23	Анна Ильясова, 41 год, Докучаевск. Военнослужащая	В 2014 году в Мариуполе была свидетелем того, как людей расстреливали на митингах, как сожгли живьем сотрудников МВД. Она приняла решение взять оружие и защищать родную землю. Теперь Анна – военнослужащий РФ и заместитель командира роты стрелкового батальона	Квадрокоптер и компьютер для сына	интервью	10:09
24	Ирина Гайдичук, 56 лет. В волонтер	Занимается сбором гуманитарной помощи для жителей ДНР. С 1997 года жила в Италии. Узнав о Майдане, решила вернуться на родину, в город Лисичанск. Стала организовывать митинги в поддержку России, выступать за проведение референдума. Сегодня является членом благотворительной организации SPERANZA, которая занимается возведением памятников воинам, погибшим в боях за Родину на средства неравнодушных жителей Италии	Квадрокоптер	интервью	9:29
25	Наталья Сидоренко, 50 лет, Стаханов. Начальник медслужбы 6 Казачьего полка	До 2014 года работала врачом-реабилитологом, массажистом, мастером маникюра. Затем стала помогать военнослужащим выносить раненых с поля боя. В настоящее время организовала медицинский пункт, где проходят лечение солдаты, пострадавшие в боях	Медикаменты, инвалидные коляски, ходунки, костыли	интервью	10:15
26	Анна Яковлева, 45 лет, Донецк. Feldsher скорой помощи	Имеет высшее медицинское образование, но 22 года работает фельдшером скорой помощи. Анна оказывает первую медицинскую помощь, рискуя собственной жизнью, жителям Донецка, в том числе, получившим травмы при взрывах, обстрелах	Компьютеры, оргтехника	интервью	10:42
27	Анна Боходина, 38 лет, Мариуполь	В начале СВО от Анны ушел муж. Женщина осталась одна с пятью несовершеннолетними детьми, один из которых аутист. Муж предложил бросить его и бежать с другими детьми. Женщина отказалась. От обстрелов Анна с детьми пряталась на полу в квартире, в коридоре. В результате обстрела дом полностью сгорел	Сотовый телефон и планшет	интервью	8:39
28	Наталья Волкова, 46 лет, Донецк. Художественный руководитель театра	В 2014 году коллектив театра принял решение продолжить работу, несмотря на боевые действия. Вопреки всему театр продолжает радовать горожан не только своими постановками, но и тем, что он стал местом сбора гуманитарной помощи	Танцевальная обувь для артистов	интервью	11:42
29	Ирина Галяпа, 47 лет, Алчевск	Ирина прожила в браке 21 год. В мае 2014 года ее супруг ушел на фронт. В 2022 году он погиб. Ирина стала главой семьи	Холодильник, компьютер, графический планшет для учебы	интервью	10:54

Окончание таблицы 1

End of table 1

№ п/п	Героиня	Содержание фильма	Цель сбора средств	Жанр	Хронометраж
30	Татьяна Бондарева, 32 года, Донецк	В дом Татьяны дважды попал снаряд. В первый раз ее жилье полностью сгорело, во второй – серьезно пострадали женщина и ее сын. Российские военные доставили их в больницу, где им провели множество операций	Школьные принадлежности, компьютер, планшет, временное жилье	интервью	9:36

Литература

- Алешин, А. В. Управление проектами – фундаментальный курс : учебник / А. В. Алешин. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2013. – 207 с.
- Безуглова, М. Н. Медиапроект как бизнес цифровой эпохи / М. Н. Безуглова // Экономика, управление, финансы : материалы VI Международной научной конференции. – Краснодар : Новация, 2016. – С. 28–32.
- Бэбьюли, Ф. Управление проектом : пер. с англ. / Ф. Бьюэгли. – М. : Гранд Фаир-Пресс, 2002. – 209 с.
- Вартанова, Е. Л. Теория медиа: отечественный дискурс / Е. Л. Вартанова. – М. : Изд-во Московского университета. – 2019. – С. 42–48.
- Мазур, И. И. Управление проектами : учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Менеджмент организации» / И. И. Мазур. – М. : Омега-Л, 2019. – 199 с.
- Мартин, П. Управление проектами : пер. с англ. / П. Мартин, К. Тейт. – СПб. : Питер, 2006. – 319 с.
- Никишин, И. В. Медиапроект: понятие, типы, жизненный цикл // Молодой ученый / И. В. Никишин. – 2019. – № 24 (262). – С. 478–482.
- Дмитренко, Е. Л. Телепроект как разновидность социального проектирования / Е. Л. Дмитренко // Вестник ВГИК. – 2016. – № 1(27). – С. 128–137.
- Зацепина, И. А. Понятие, типы и признаки медиапроектов социальной направленности / И. А. Зацепина // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры : материалы Всероссийской научно-методической конференции. – Оренбург : Университет, 2013. – С. 3194–3196.
- Тришина, Т. В. Дуализм в оценке эффективности медиапроектов // Ломоносовские чтения-2019 : сборник научных трудов / Т. В. Тришина. – Севастополь, 2019. – 1179 с.
- Фролова, Т. И. Предметно-функциональные особенности социальной журналистики / Т. И. Фролова // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2014. – № 3. – С. 178–182.
- Шестеркина, Л. П. Региональное телевидение в процессе социального взаимодействия с обществом (на примере ГТРК «Южный Урал») : монография / Л. П. Шестеркина, Е. Л. Дмитренко. – Челябинск, 2017. – 116 с.
- Гавра, Д. П. Основы теории коммуникации : учебник для вузов / Д. П. Гавра. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2023. – 231 с.
- Головлева, Е. Л. Массовые коммуникации и медиапланирование / Е. Л. Головлева. – Ростов-н/Д. : Феникс, 2008. – 250 с.
- Lasswell, H. D. The Structure and Function of Communication in Society / H. D. Lasswell, B. Berelson, M. Janowitz // Reader in Public Opinion and Communication. New York : The Free Press, 1966. – P. 178–189.
- Батылина, Ю. А. Генезис развития трансмедийных проектов / Ю. А. Батылина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 3-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-razvitiya-transmediynyh-proektov> (дата обращения: 04.08.2023).
- Jenkins, H. Convergence culture where old and new media collide / H. Jenkins // URL: https://www.academia.edu/34091957/Henry_Jenkins_Convergence_culture_where_old_and_new_media_collide (дата обращения: 12.08.2023).
- Long, G. Transmedia Storytelling: Business, Aesthetics and Production at the Jim Henson Company : PhD diss. / G. Long. – Massachusetts Institute of Technology, 2007. – P. 22.
- Фадеева, О. А. Сторителлинг как символическая информационно-коммуникативная технология / О. А. Фадеева. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/storitelling-kak-simvolicheskaya-informatsionno-kommunikativnaya-tehnologiya> (дата обращения: 01.08.2023).
- Фарафонова, Т. А. Понятие «медиапроект» и специфика медиапроектирования / Т. А. Фарафонова // Молодой ученый. – 2022. – № 23 (418). – С. 613–617.
- «Женщины Донбасса» : официальный сайт. – URL: <https://donbasswomen.ru/> (дата обращения: 19.08.2023).
- Проект «Женщины Донбасса» // Сайт российского общества «Знание». – URL: <https://znanie.russia.ru/award-vote/2022/project/zhenshiny-donbassa-156> (дата обращения: 23.08.2023).
- Президентский фонд культурных инициатив : официальный сайт. – URL: <https://фондкультурныхинициатив.рф/public/application/item?id=36eb42e5-3c76-4761-bc5f-68355dca3f0a> (дата обращения: 24.08.2023).

Булаева Мария Николаевна – преподаватель кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: bulaevamn@susu.ru

Марфицына Арина Родионовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: marfitcynaar@susu.ru

Поступила в редакцию 12 сентября 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh230408

SOCIAL MEDIA PROJECT «WOMEN OF DONBASS»: GENRE, CONTENT AND COMMUNICATION FEATURES

M. N. Bulaeva, A. R. Marfitcyna

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article discusses the specifics of a social media project which remains a relevant but little-researched topic. Emerging as a result of technical and technological transformations in the field of media, media projects are a type of journalistic materials based on unique journalistic content. This content is created using various technological platforms. Socially oriented media projects dedicated to current socially significant issues are of particular importance here. The purpose of this study was to analyse the genre, content and communicative features of the social media project «The Women of Donbass» implemented in 2022–2023. This particular media project was chosen as a focus due to its relevance, novelty, high social significance and demand among the audience. Studying the specifics of social media projects required the use of methods of analysis, synthesis, systematization, and comparison. The empirical data of the «Women of Donbass» media project were processed using the method of content analysis. The genre and content features of this media project such as the choice of characters, the nature of the problems covered, the target setting and genre specifics allow us to classify it as a social media project. The analysis of the structure and process of implementing a media project using transmedia storytelling technologies showed that it can be considered as a communication tool.

Keywords: social journalism, media, social media project, transmedia storytelling, genre and content features.

References

1. Aleshin A.V. Upravlenie proektami – fundamental’nyj kurs [Project Management – Fundamental Course]: uchebnik. M.: Izd. dom VSHE, 2013. 207 s.
2. Bezuglova M.N. Mediaproekt kak biznes cifrovoj jepohi [Media Project as a Business of the Digital Era] // *Jekonomika, upravlenie, finansy: materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Krasnodar: Novaciya, 2016. S. 28–32.
3. Bjeĵ’juli F. Upravlenie proektom [Project Management]; per. s angl. M.: Grand Fair-Press, 2002. 209 s.
4. Vartanova E.L. Teorija media: otechestvennyj diskurs [Media Theory: Domestic Discourse]. M.: Izd. Moskovskogo universiteta, 2019. S. 42–48.
5. Mazur I.I. Upravlenie proektami [Project management]: uchebnoe posobie dlja studentov, obuchajushihjsja po special’nosti «Menedzhment organizacii». M.: Omega-L, 2019. 199 s.
6. Martin P., Tejt K. Upravlenie proektami [Project Management]: per. s angl. – SPb.: Piter, 2006. 319 s.
7. Nikishin I.V. Mediaproekt: ponjatie, tipy, zhiznennyj cikl [Media Project: Concept, Types, Life Cycle] // *Molodoj uchenyj*. 2019. № 24 (262). – S. 478–482.
8. Dmitrenko E.L. Teleproekt kak raznovidnost’ social’nogo proektirovanija [TV Project as a Type of Social Design] // *Vestnik VGIK*. 2016. № 1(27). S. 128–137.
9. Zacepina I.A. Ponjatie, tipy i priznaki mediaproektov social’noj napravlenosti [Concept, Types and Characteristics of Socially Oriented Media Projects] // *Universitetskij kompleks kak regional’nyj centr obrazovanija, nauki i kul’tury: materialy Vserossijskoj nauchno-metodicheskoj konferencii*. Orenburg: Universitet, 2013. S. 3194–3196.
10. Trishina T.V. Dualizm v ocenke jeffektivnosti mediaproektov [Dualism in Assessing the Effectiveness of Media Projects] // *Lomonosovskie chtenija-2019: sbornik nauchnykh trudov*. Sevastopol’, 2019. 1179 s.
11. Frolova T.I. Predmetno-funktional’nye osobennosti social’noj zhurnalistiki [Subject-Functional Features of Social Journalism] // *Izvestija Irkutskoj Gosudarstvennoj jekonomicheskoj akademii*. 2014. № 3. S. 178–182.

12. Shesterkina L.P., Dmitrenko E.L. Regional'noe televidenie v processe social'nogo vzaimodejstviya s obshhestvom (na primere GTRK «Juzhnyj Ural») [Regional Television in the Process of Social Interaction with Society (Using the Example of the State Television and Radio Broadcasting Company «South Ural»): monografiya. Cheljabinsk, 2017. 116 s.
13. Gavra D.P. Osnovy teorii kommunikacii [Fundamentals of Communication Theory]: uchebnik dlja vuzov. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Jurajt, 2023. 231 s.
14. Golovleva E.L. Massovye kommunikacii i mediaplanirovanie [Mass Communications and Media Planning]. Rostov-n/D: Feniks, 2008. 250 s.
15. Lasswell H.D., Berelson B., Janowitz M. The Structure and Function of Communication in Society // *Reader in Public Opinion and Communication*. New York: The Free Press, 1966. P. 178–189.
16. Batylyna J.A. Genezis razvitiya transmedijnyh proektov [Genesis of the Development of Transmedia Projects] // *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. 2022. № 3-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-razvitiya-transmedijnyh-proektov> (data obrashhenija: 04.08.2023).
17. Jenkins N. Convergence Culture where Old and New Media Collide. URL: https://www.academia.edu/34091957/Henry_Jenkins_Convergence_culture_where_old_and_new_media_collide (data obrashhenija: 12.08.2023).
18. Long G. Transmedia Storytelling: Business, Aesthetics and Production at the Jim Henson Company. PhD diss. Massachusetts Institute of Technology, 2007. P. 22.
19. Fadeeva O.A. Storitelling kak simvolicheseskaja informacionno-kommunikativnaja tehnologija [Storytelling as a Symbolic Information and Communication Technology]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/storitelling-kak-simvolicheseskaja-informacionno-kommunikativnaja-tehnologija> (data obrashhenija: 01.08.2023).
20. Farafonova T.A. Ponjatie «mediaproekt» i specifika mediaproektirovanija [The Concept of «Media Project» and the Specifics of Media Design] // *Molodoj uchenyj*. 2022. № 23 (418). S. 613–617.
21. «Zhenshhiny Donbassa» [«Women of Donbass»]: oficial'nyj sajt. URL: <https://donbasswomen.ru/> (data obrashhenija: 19.08.2023).
22. Proekt «Zhenshhiny Donbassa» [Project «Women of Donbass»]: sajt rossijskogo obshhestva «Znanie». URL: <https://znaniarussia.ru/award-vote/2022/project/zhenshhiny-donbassa-156> (data obrashhenija: 23.08.2023).
23. Prezidentskij fond kul'turnyh iniciativ [Presidential Fund for Cultural Initiatives]: oficial'nyj sajt. URL: <https://fondkul'turnyhiniativ.rf/public/application/item?id=36eb42e5-3c76-4761-bc5f-68355dca3f0a> (data obrashhenija: 24.08.2023).

Maria N. Bulaeva – Lecturer of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: bulaevamn@susu.ru

Arina R. Marfityna – Cand. Sc. (Philology), Lecturer of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: marfitynaar@susu.ru

Received September 12, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Булаева, М. Н. Социальный медиапроект «Женщины Донбасса»: жанрово-содержательные и коммуникативные особенности / М. Н. Булаева, А. Р. Марфицына // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 72–81. DOI: 10.14529/ssh230408

FOR CITATION

Bulaeva M. N., Marfityna A. R. Social Media Project «Women of Donbass»: Genre, Content and Communication Features. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 72–81. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230408

ПСИХОПАТИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ В КНИГЕ А. В. АМФИТЕАТРОВА «ПСИХОПАТЫ: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ»

А. В. Кубасов

*Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург,
Российская Федерация*

Статья посвящена анализу культурно-исторического содержания книги А. В. Амфитеатрова «Психопаты: правда и вымысел». Рассматривается проблема популярности изображения психопатической личности в русской литературе рубежа XIX–XX веков, её обусловленность взрывным ростом числа научно-популярных работ по данной отрасли медицины. Отмечается, что в книге создана галерея различных психопатических типов, начиная с Иуды и заканчивая современными автору образцами личности. Рассмотрена зависимость жанрового своеобразия рассказа от образа героя. Выделены такие его разновидности, как идиллия, детективная история, дуэльный рассказ, портрет в форме внутреннего монолога. На основе анализа текстов рассказов, входящих в книгу, делается вывод о тяготении ее автора к направлению русского натурализма. Одна из безусловных примет натурализма – детерминированность структуры личности её биологическим началом. Арсенал средств и приемов, использованных А. В. Амфитеатовым, позволяет отнести ее к массовой литературе. Второстепенная литература, сама по себе рассчитанная на быстрое забвение, в истории литературы играет важную роль для воссоздания целостного культурно-исторического контекста эпохи. В этом значимость книги «Психопаты: правда и вымысел» – яркого образца массовой литературной продукции рубежа двух веков.

Ключевые слова: А. В. Амфитеатов, психопатическая личность, массовая литература, жанр рассказа.

Введение

Книга Александра Валентиновича Амфитеатрова «Психопаты» была опубликована в Москве в 1893 году. Она представляет собой сборник из одиннадцати рассказов, которые первоначально публиковались в других изданиях, преимущественно периодических. Тематическая общность произведений декларируется в названии сборника: Амфитеатов включил в него те рассказы, в которых художественными средствами исследуются типы людей или характеры, чье поведение отражает серьезные отступления от психической нормы.

Характер изображения психопатических состояний героев в книге во многом обусловлен профессиональным статусом автора и его образованием. А. П. Чехов, современник и почти ровесник Амфитеатрова (1862–1838), получил медицинское образование и имел все основания написать в одном из писем: «Право, недурно быть врачом и понимать то, о чем пишешь» [1, т. 3, с. 70]. Амфитеатов, как и Чехов, окончил Московский университет, но годом позже и получил не медицинское, а юридическое образование. В течение своей длинной и богатой событиями жизни Александр Валентинович занимался больше всего литературным трудом и написал огромное количество произведений самых разных жанров. Его представления о психопатологии были основаны не столько на строгом научном фундаменте медицины, сколько на основе типовых представлений о ней, а также на его огромном читательском опыте. Л. А. Иезуитова характеризует А. В. Амфитеатрова как очень осве-

домленного писателя, который «...хорошо знал лицевые и изнаночные стороны жизни и стремился по возможности всесторонне объяснить их с биолого-физиологической, психиатрической, социологической точки зрения» [2, с. 254]. «Психиатрическая» точка зрения была обусловлена, помимо прочего, взрывным ростом числа научных и научно-популярных работ по психиатрии и повышенным вниманием к ней со стороны медицинского русского и мирового сообщества. Напомним в связи с этим о таком важном событии, как первый съезд российских психиатров, который состоялся в Москве в январе 1887 года в рамках второго съезда русских врачей имени Н. И. Пирогова.

В современной социокультурной среде в последнее время принято определять слово года. Если бы такая практика проводилась в конце позапрошлого века, то, вполне вероятно, что слово «психопат» попало бы как минимум в число номинантов на это звание. Именно в то время оно стало модным и прикладывалось в ситуациях, где было уместно и даже там, где неуместно [3, с. 41–49]. Ограничимся одним примером. Чехов в письме М. В. Киселёвой осенью 1892 года по поводу появившейся статьи В. П. Буренина о нём иронически замечает: «Посылаю Вам рецензию. В ней Вы прочтёте, что всякий не признающий меня гением – психопат. Вырезана она из “Нового времени”, и Вы премного меня обяжете, если сохраните её: приеду зимой и возьму её» [1, т. 2, с. 121]. Слово «психопат», помимо медицинского значения, приобрело, таким образом, еще дополнительное оценочное, вошло в лексикон газетно-журнальных критиков.

Обзор литературы

Исследование взаимосвязи психопатологии и литературы началось в конце позапрошлого века. Одной из пионерских работ стала книга Макса Нордау «Вырождение» [4], вызвавшая в России небывалый интерес и получившая отклик в многочисленных рецензиях. Ученый рассматривал вырождение как одно из следствий роста психопатологических состояний у человека. Образ психопатической личности привлекал внимание таких писателей XIX века, как Гоголь, Достоевский, Толстой и Чехов. Литература, посвященная этому аспекту в произведениях классиков, огромна. Наиболее полный обзор ее дается в книге В. П. Гиндина «Психопатология в русской литературе» [5]. Зарубежные литературоведы и антропологи тоже активно занимаются отражением психопатологии в художественной литературе. Методологической основой для многих остаются идеи Зигмунда Фрейда [6] или теории бихевиоризма [7].

Методы исследования

В процессе исследования в качестве ведущего был задействован культурно-исторический метод в целях адекватного анализа художественного мира книги популярного автора рубежа XIX–XX веков. Кроме того, использовался инструментарий сравнительно-исторического, герменевтического и мотивно-образного методов.

Результаты и дискуссия

В начале XX века профессор медицины Киевского университета И. А. Сикорский в статье основанного им журнала «Вопросы нервно-психической медицины» отмечал: «Писатели, одаренные Божьей искрой, всегда были историческими диагностами, которые распознают добро и зло, здоровье и болезнь общественной души. Для психиатра художественная литература составляет истинную настольную книгу его профессии» [8, с. 613]. Выдающимися «историческими диагностами», безусловно, следует признать русских классиков. Однако и писатели второго ряда отмечали в своих произведениях такие стороны «общественной души», которые, накапливаясь, в совокупности приводили к существенным сдвигам в сознании социума. Такой книгой следует признать «Психопатов» Амфитеатрова, в которой представлены различные варианты отклоняющегося поведения людей разных возрастов и статусов.

Первый рассказ в сборнике называется «Иуда» и посвящен анализу психологии предателя Христа. Повествователь сосредоточен на передаче когнитивных процессов в сознании Иуды. Рефлексия героя направлена на оправдание своего предательства: «Он только что оказал Иерусалиму важную услугу: спас страну от религиозной смуты, готовой потрясти из края в край оба берега мутных вод священного Иордана. Он вырвал из среды учеников виновника смуты – этого Иегошуа Ганоцири, кто вчера крестною казнью оплатил свои

странные новые верования и смелость неслыханным учением прощения и любви отрицать вековую святыню суровых заветов Моисея» [9, с. 2]. С точки зрения Иуды, он поступил правильно и совершил фактически героический поступок. Свою драму он видит в том, что его не понимают и не принимают жители Иерусалима, а потому вынужден бежать из священного города.

Психопатологический аспект намечается с помощью портрета героя. В нём совмещены две точки зрения – повествователя и героя. Достигается совмещение с помощью аналога зеркала: «...со дна колодца глянуло на него, в рамке спутавшихся волос и бороды, страшное лицо земляного цвета, с обострившимся носом и подбородком, впалыми щеками; сверкнули недобрым огнем огромные воспаленные глаза. Он едва поверил, что видит себя в этом полном безумия, страха и злобы призраке, и с трепетом спросил себя: “Как же случилось, что я стал так ужасен?”» [9, с. 3].

Особенностью данного рассказа является то, что герой показан наедине с собой, однако повествование ведется не от первого лица, а в форме свободного косвенного дискурса [10, с. 335–353]. Иуда не действует в настоящем времени, а только вспоминает о прошлом, не коммуницирует с другими людьми, а лишь рефлексировать по их поводу. Рассказ можно представить как развернутую характеристику заглавного героя, данную в форме потока его сознания. Амфитеатров был сыном священника, настоятеля Архангельского собора в московском Кремле, поэтому хорошо знал теологию. В рассказе он пытается дать свою версию мотивов, подвигнувших апостола Христа на предательство. Автор микширует решение проблемы формой несобственно-прямой речи и риторического вопроса: «Но что же вообще ему было нужно? Неужели его дело не более как беспричинная минутная вспышка обиженной слабой воли, пожелавшей проявить себя сильною хоть во вражде, если не доверяют его дружбе? Нет, не может быть! Он – не мальчик, не неофит, только что пришедший к великому пророку; он был его сотрудником и другом, четыре года впитывал в себя святое учение обуздания страстей, прощения обид, власти над собою, – как бы ни слаб он был, но не настолько, чтобы одним мгновением страсти разрушить долгую работу над собою. Нет, он, действительно, только орудие какой-то непостижимой, сверхъестественной внешней силы... И суеверный ужас всё грознее и грознее крался в душу Иуды. Богу или Вельзевулу нужна была смерть пророка, Иуда не умел решить, но кому-то из двух он послужил, – это стало для него ясно» [9, с. 9]. Таким образом, автор рассказа явно склоняется к религиозной трактовке Иуды, понимаемого как орудие в руках высших сил. Амфитеатров отказывается как от осуждения своего героя, так и от защиты его, поэтому в финале рассказа Иуда не кон-

чает жизнь самоубийством, следуя каноническому библейскому представлению, а просто исчезает в неизвестном направлении, оставаясь тем самым вечной загадкой для людей.

Если бы современному психиатру представили собранный из фрагментов рассказа психический портрет героя, то он мог бы отметить у него выраженную аномалию эмоционально-волевой сферы и выдвинуть диагноз апато-амбулического синдрома. Приметами его являются равнодушие к своему внешнему облику, бездеятельность, отказ от общения, сосредоточенность на травматических обстоятельствах жизни. Для автора «Психопатов» Иуда является своего рода праотцем всех современных психопатических личностей, маниакально сосредоточенных на какой-то своей неразрешимой проблеме. В русской литературе последующих лет апостол Христа будет неоднократно привлекать внимание и других писателей. Наиболее ярким воплощением его станет «Иуда Искариот» (1907) Леонида Андреева [11].

Следующий рассказ в сборнике называется «Казнь», он посвящен Василию Ивановичу Немировичу-Данченко, брату великого русского режиссера и одному из столпов массовой литературы конца позапрошлого века. Если первое произведение сборника Амфитеатрова было генетически связано с библейскими темами, то этот рассказ обладает приметами детектива, мелодрамы и психологического триллера. Начинается «Казнь» сразу же с факта убийства замужней молодой женщиной: «Лаврухина была зарезана тремя безусловно смертельными ударами колющего орудия в горло, живот и левый пах» [9, с. 11–12]. Находится и подозреваемый – «...горький пьяница, истый бич города, полный бездомник», который отвергает павшие на него подозрения в убийстве. Любящий муж убитой женщины на время теряет рассудок и проводит около года в лечебнице для душевнобольных. «Потом он поправился, пришел в память, оставил больницу, начал гулять, бывать в обществе, ходить в гости и особенно часто к Арсеньевым. В У. заговорили, что Лаврухин женится на Вере Арсеньевой, и скоро слухи оправдались» [9, с. 13]. Но по прошествии времени, принимая гостей на ужине, Лаврухин набрасывается на свою вторую жену и убивает её ножом: «Теперь она не будет сводить меня с ума – отвечал Лаврухин и лишился чувств. Через три дня он умер в больнице, ни разу не придя в себя: буйные припадки следовали один за другим. По смерти Лаврухина между его бумагами были найдены записки, где он рассказал странную историю своей жизни. Вот что он писал» [9, с. 14]. Так в рассказ вводится жанр дневника убийцы, один из самых трафаретных в массовой детективной литературе.

Движущей силой преступлений Лаврухина является женщина-вамп. Ею является Вера Арсеньева, которая подталкивает героя на убийство

первой жены после того, как тот овладел ею в порыве страсти, а она решила шантажировать его этим. Рассказ переполнен банальностями и литературными клише: тут и беседа сада – «принют преступных свиданий», и «белое, как полотно, лицо», и стыд «видеть себя в зеркале»... Столь же банальна мотивировка поступка преступления: «Я действовал как бы под внушением», – говорит Лаврухин, ссылаясь на свой «загипнотизированный ум». Отмечает он и анамнез болезненного состояния: «Я нервен. Сызмальства я боялся одиночества, потёмок, крови» [9, с. 19]. Заканчивается дневник и рассказ фразой: «Боже мой, да когда же и чем закончится этот ужас?» [10, с. 25]. Читатель, в отличие от героя, из предшествующего текста знает, чем же закончится «этот ужас».

Можно ли упрекать Амфитеатрова в банальности и утрированности ситуаций рассказа? Думается, что посвящение произведения Вас. И. Немировичу-Данченко подсказывает ответ на вопрос. Рассказ написан в манере а la Немирович, то есть как стилизация массовой беллетристики. Важен и другой момент – генетическая связь рассказа с газетно-журнальной прозой. Подобно тому, как газета живет один день, а журнал – месяц, так и опубликованные в них художественные произведения были рассчитаны на скорое забвение и вытеснение опусом другого автора.

Отметим попутно, что А. П. Чехов тоже не чуждался упражнений в стилизации массовой литературы. Вспомним в этой связи его «как бы детективы» – «Шведскую спичку» или «Драму на охоте». Эти произведения наполнены имплицитной полемикой с современными беллетристами, в них очевиден элемент игры с читателем, основанной на пародийности текста [12]. Ничего подобного в рассказе Амфитеатрова нет.

По контрасту с детективной «Казнью» следующий рассказ тяготеет к жанру идиллии. На это настраивает читателя его заголовочный комплекс – «Обожание (со слов институтки старых годов)». По структуре он является рассказом в рассказе: дочь повествует о своей матери, учившейся в институте благородных девиц в 40-е годы XIX века.

Как и следовало ожидать, «институтка старых годов» тоже относится к числу психопатов: «Еще в институте мама пугала своих товарок истериками, бредом, проявлением сомнамбулизма и больше всего религиозными галлюцинациями. То слышались ей голоса в воздухе, то чудилась кровь в язвах распятого Христа» [9, с. 40]. Институтки, следуя неписаному канону, должны были иметь своего идола, которому они истово поклонялись. Таким божеством для героини стала ученица из старших классов, «...девушка болезненная и некрасивая, почти урод, злая и в корень испорченная». Если в предыдущем рассказе психопатия героя основывалась на почве его болезненного физического состояния, то в данном случае это

литературная психопатология, имеющая в основе психологическую лабильность, слепую приверженность моде, в том числе и литературной: «Когда божество мамы было довольно своей поклонницей, то награждало ее каким-нибудь модным французским романом. Читать можно было только тайком, в тиши дортуара» [9, с. 41].

Следование Амфитеатрова канонам и клише массовой литературы [13] проявляется в выборе типа героини. Если в рассказе «Казнь» женщина-вамп была второстепенной героиней, то здесь она выдвигается на первый план. Автор подчеркивает повадки хищницы, сравнивая ее с известным животным: «Выдохшиеся Печорины сороковых годов один за другим находили себе гибель в ее бархатных кошачьих лапках; она умела вить верёвки из этих надменных карликов на гигантских ходулях» [9, с. 41]. Мужа институтки старых годов, то есть своего отца, рассказчица сравнивает с другим литературным героем – пушкинским Ленским и характеризует его как уходящую натуру, на смену которой приходит новый тип – «...вымирающие Онегины (а вместе с ними и Ленские – А. К.) с иронической улыбкой сторонились перед молодыми Рудиными» [9, с. 42].

В изображении психопатологического поведения героини рассказчица не жалеет густых красок. Переходы матери от скуки и апатии к припадкам дают возможность показать контрастные состояния: «Начинался страшный припадок... С пеной у рта, перегнутая конвульсиями, больная кричала, плакала, пела, смеялась, мешая церковные напевы с животными криками, стихи евангелия – с площадными ругательствами...» [9, с. 43]. Подробнее всего автор изображает религиозный экстаз героини. Амфитеатрову он гораздо ближе и понятнее медицинских патологий. Галлюцинаторное состояние он передаёт дилетантски, опираясь не на научные основы, а на массовые представления о нём.

Амфитеатров полагает, что психопатия передается по наследству от родителей к детям, тогда как медицина трактует это не столь однозначно. Поэтому первичная рассказчица, дочь институтки 40-х годов, повторяет свою мать, начиная с того, что оказывается в том же институте: «Меня определили в тот же самый институт, где училась когда-то мама» [9, с. 43]. Повторяет героиня свою мать и в поведении: у нее тоже есть свой кумир. Героиня пробирается ночью в церковь, чтобы случилось чудо обретения любви со стороны её институтского идола, некоей Липы Станицевой. Там героиня впадает в полуобморочное состояние, которое передается так: «Что-то двигалось в церкви, стонало, шуршало, шумело, летало, казалось, чуть не целая меня за волосы. Звон в ушах превратился в полновесный медный благовест...» [9, с. 52]. Завершается история новой институтки, наследницы «институтки старых годов», тем, что автор на правах *Deus ex machina* переносит героиню из институтской церкви

в дом, не возвращая её к сознанию: «Дальше я ничего не помню. Очнулась я – полуживая – уже не в институте, а дома...» [9, с. 53].

Амфитеатров практически во всех своих рассказах, скорее неосознанно, чем сознательно, следует за некими литературными образцами, не отмечая их и не давая отсылок к ним. При прочтении фрагмента рассказа о пребывании институтки уже «новых годов» в церкви и ее галлюцинаторных переживаниях поневоле вспоминается гоголевский «Вий». Но связь эта внешняя, обусловленная лишь сходством ситуаций, она не влечет за собой приращения смысла рассказа, а только напоминает о литературном эталоне.

Простодушно рассказанная история наивной девушки-институтки может рассматриваться как предыстория по отношению к современной так называемой «женской прозе». Имеется в виду, прежде всего, не столько авторство, сколько адресованность такой беллетристики прекрасной половине общества. Одна из главных особенностей этой литературы – расчет на психологическую структуру личности женщины. Элемент психопатологии в таких произведениях если и не обязателен, то весьма желателен как острая приправа к основному литературному «блюду».

Массовая беллетристика любит пользоваться бинарными оппозициями, резкими переходами от одного качества к другому. От картины нравов институтской жизни автор книги ведет далее читателя в мир мужчин, где еще жив кодекс чести и связанная с ним практика защиты её на дуэли.

Герой-рассказчик «После дуэли» – секундант одного из дуэлянтов. Находясь под арестом, он описывает историю своего убитого приятеля. Дуэлянты, «львы большого света», стрелялись из-за женщины. Рассказчик был секундантом убитого Ивана Юрьевича Вольнского, а убийцей стал некто Раскатов. Характеристика его как психопатической личности дана во время, непосредственно предшествующее дуэли. Герой находится явно в состоянии аффекта: «Я никогда не слышал более возбужденной речи, никогда не видал более бледного, исковерканного гневом лица, никогда не смотрел в такие сверкающие глаза» [9, с. 55]. Показательно, что в рассказе нет непосредственно прямой речи Раскатова, которая позволила бы читателю проявить творческую активность и самому дать оценку герою. Вместо этого автор идет по более простому пути, давая суммарную характеристику, рассчитывая на полное доверие к нему со стороны читателя.

Амфитеатров демонстрирует в сборнике практически весь спектр излюбленных приёмов массовой литературы. В данном случае он прибегает к использованию того, что в кинематографе и в современной литературе обозначается термином *flashback*, то есть возврат к прошлому, повторное переживание ранее произошедшего,

но уже с позиции нового опыта и новых событий. Находящийся под арестом рассказчик вспоминает историю убитого, он говорит, что дуэль произошла из-за оскорбления: «Волинский умер, не стерпев слова “альфонс”, брошенного ему в лицо Раскатовым». Женщина, с которой у Волинского был роман, старше его на пятнадцать лет и намного богаче. Волинский предстает в истории рассказчика как мягкий человек с «восковым характером». Ответственность за случившееся будущий секундант возлагает на общество. Вспоминая погибшего товарища, он говорит: «...его чуть ли не с пятнадцати лет окружил и засосал в свою тину омут богатой петербургской молодежи, сытой и бездельной...» [9, с. 58]. Амфитеатров вводит слово-характеристику Волинского – вивёр, то есть кутила, прожигатель жизни. По контрасту с автором «Психопатов» вновь вспоминается Чехов, который акцентировал ответственность человека за свою жизнь, а не общества, которое почти всегда враждебно по отношению к нему. С популярной формулой массовой беллетристики – «среда засосала» – автор «Палаты № 6» полемизировал практически на протяжении всей своей жизни.

Из других рассказов книги-сборника выберем самые показательные в диагностическом отношении произведения. Рассказ «Разрыв» имеет подзаголовок «уголовно-психологический этюд». Поэтика этюдности была одной из модных тенденций литературы рубежа XIX–XX веков и соотносилась с практикой живописцев, превративших этюд («черновик» холста) из вспомогательного жанра в самостоятельный. Незавершенность фабулы, синекдохичность изображения образов-персонажей получала в жанре этюда статус легитимных, жанрообразующих характеристик.

Рассказ начинается с картины пробуждения главного героя рассказа и характеристики особенностей его физиологического статуса: «Иван Карпович Тишенко давно уж очнулся от послеобеденного сна, но всё ещё сидел на кровати, зевал <...> и злился – беспричинно, тяжело, надуту, как умеют злиться только полнокровные и с дурным пищеварением люди, когда доспят до прилива к голове» [9, с. 89]. Амфитеатров научно верно полагает основанием для психологической структуры личности её физиологические особенности. Это общеизвестное положение декларировалось во множестве работ медицинского характера. Сошлёмся в данном случае на переведенную на русский язык в начале XX века книгу профессора медицины Бернского университета Поля Дюбуа (1848–1918), который писал: «...граница между физиологией в собственном смысле слова и психологией не представляет из себя черты, у которой можно остановиться. Нет точной границы, но обе области набегают одна на другую. На каждом шагу, работая

над физиологическим вопросом, можно потерять дорогу и найти её можно, лишь вступив в область психологии» [14, с. 64]. Литератор, в отличие от врача, имеет дело с инвертивной ситуацией: работая над психологическим вопросом, он находит дорогу, вступив в область физиологии.

Амфитеатров и в этом рассказе скорее всего опирается на прецедентный текст. Но опять-таки сходство строится не на основе интертекстуальных переключек, данных в рассказе, а на основе ситуативного сходства, близости характеристик героев. Действующий персонаж «Разрыва» написан по лекалам гончаровского Обломова, но только в изменившейся обстановке конца века. Иван Карпович, как и Илья Ильич, доживает свой век холостяком, имея в «домоправительницах» и любовницах свою служанку Аннушку. Правда, Обломов не был женат, а Иван Карпович был. Новый Обломов считает, что его репутация «университетского человека» пострадала именно из-за Аннушки и решает во что бы то ни стало выгнать её: «Нет, баста! Надо отделаться от Анны: надоела!». Весь рассказ состоит из описания попыток героя избавиться от Аннушки. Иван Карпович передает состояние служанки, которая окаменела, услышав от барина требование покинуть квартиру: «Что за дурь на неё нашла? Аффект у неё что ли, как теперь принято выражаться? Вздор! – громко подумал Иван Карпович. – Какие у неё аффекты? Аффекты докторишками и адвокатишками выдуманы, чтобы перемывать разных мерзавцев с черного на белое...» [9, с. 97]. Герой упоминает медицинский диагностический термин, который играет роль ключевого слова для проблематики рассказа. Иван Карпович, однако, сам попадает под влияние аффекта и в конце концов убивает Аннушку утюгом. Этим и заканчивается рассказ.

Напомним уточняющее словосочетание в названии анализируемой книги – «Психопаты: правда и вымысел», уточняющее словосочетание настраивает читателя на то, что автор будет отделять зёрна от плевел. Однако на практике зачастую оказывается, что авторский вымысел и дилетантское знание медицины подменяют правду и научное представление о психопатии. Амфитеатров передает аффект, опираясь на массовые представления о нём: глаза героя залиты кровью, голова плохо соображает, эмоции не поддаются контролю разума. Автор книги избегает иронического повествования, тон всех его рассказов остаётся серьезным. То, над чем следовало лишь иронизировать и подтрунивать, получает у него серьезную интерпретацию. У героя рассказа «Разрыв» оказалась «Анна на шее», если прибегнуть к названию чеховского рассказа, но ничего более оригинального, чем убийство её утюгом под воздействием аффектации, автор не смог придумать. В сравнении с этой сюжетной коллизией рассказ Чехова воспринимается как подлинный шедевр.

Выводы

Творчество Амфитеатрова не было однородным, однако проанализированные рассказы сборника позволяют вписать её автора в контекст натурализма. С. И. Чупринин определял натурализм как «...исторически определенный художественный метод, окончательно сформировавшийся в конце XIX века и обладающий собственным эстетическим кодексом, собственными художественными ресурсами и собственным арсеналом средств и приемов» [15, с. 128]. Одна из безусловных примет натурализма – детерминированность структуры личности её биологическим началом. Амфитеатров не был ни биологом, ни антропологом, ни медиком. Поэтому соотношение его произведений с эстетическим кодексом натурализма подвижно: в одних случаях он стоит ближе к нему, в других – дальше. Думается, что, когда мы изучаем произведения классиков в отрыве от контекста массовой литературы, на фоне которого они выделяются своей новизной и мастерством, мы тем самым неадекватно их оцениваем. Книга Амфитеатрова «Психопаты: правда и вымысел» сохранила свою ценность именно как яркий образец беллетристики второго или даже третьего ряда, характеризующий социокультурную ситуацию переходного времени рубежа XIX–XX веков.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00481, <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, ИРЛИ РАН.

Литература

1. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов. – М., 1974–1983.
2. Иезуитова, Л. А. О «натуралистическом романе» в русской литературе конца XIX – начала XX в. (П. Д. Боборыкин, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. В. Амфитеатров) / Л. А. Иезуитова // Проблемы поэтики русского романтизма XIX века. – Л., 1984. – С. 228–264.
3. Грякалова, Н. А. «Психопаты»: история

понятия и его литературные трансформации на рубеже XIX–XX веков / Н. А. Грякалова // Русская литература. – 2022. – № 3. – С. 41–49.

4. Нордау, М. Выврождение / М. Нордау. – СПб., 1894. – 544 с.

5. Гиндин, В. П. Психопатология в русской литературе / В. П. Гиндин. – М., 2012. – 223 с.

6. Macías, J. S. The other self: psychopathology and literature / J. S. Macías, R. V. Núñez // J Med Humanit. – 2011. – № 32 (4). – P. 257–267.

7. Jarius, S. Pavlov's Reflex before Pavlov: Early Accounts from the English, French and German Classic Literature / S. Jarius, B. Wildemann // Eur Neurol. – 2017. – № 77(5–6). – P. 322–326.

8. Сикорский, И. А. Психологические основы воспитания / И. А. Сикорский // Вопросы нервно-психической медицины. – 1905. – № 4. – С. 608–622.

9. Амфитеатров, А. Психопаты: правда и вымысел / А. Амфитеатров. – М., 1893. – 184 с.

10. Падучева, Е. В. Семантические исследования. (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. – М., 1996. – С. 335–353.

11. Ширванова, Э. Н. Образ Иуды Искарота в контексте канонического и апокрифического Евангелия в одноименной повести Леонида Андреева / Э. Н. Ширванова, Р. М. Гаджиева // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 33. – Вып. 4. – С. 50–58.

12. Кибальник, С. А. Из истории детективной литературы в России: случай Чехова / С. А. Кибальник. – СПб., 2022. – 264 с.

13. Купина, Н. А. Массовая литература сегодня / Н. А. Купина, М. А. Литовская, Н. А. Николаева. – М., 2010. – 424 с.

14. Дюбуа, П. Психоневрозы и их психическое лечение / П. Дюбуа. – СПб., 1912. – 397 с.

15. Чупринин, С. И. «Фигуранты» – среда – реальность / С. И. Чупринин // Вопросы литературы. – 1979. – № 7. – С. 125–160.

Кубасов Александр Васильевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики обучения лиц с ОВЗ, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург), e-mail: kugas2002@mail.ru. ORCID 0000-0001-9074-1133

Поступила в редакцию 7 октября 2023 г.

**PSYCHOPATHIC PERSONALITY AND PECULIARITIES
OF ITS IMAGE IN A. V. AMFITEATROV'S BOOK «PSYCHOPATHS:
TRUTH AND FICTION»****A. V. Kubasov***Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russian Federation*

The article analyses the cultural and historical content of *Psychopaths: Truth and Fiction* written by A.V. Amfiteatrov. It considers the problem of the popularity of a psychopathic personality in Russian literature at the turn of the 19th–20th centuries. It also discusses its conditionality due to the explosive growth in the number of popular science works in this branch of medicine. The book contains a gallery of various psychopathic types starting with Judas and ending with contemporary personality patterns of the author. The article considers the dependence of the genre originality of the story on the character images. It singles out such varieties as an idyll, a detective story, a duel story and a portrait in the form of an internal monologue. Based on the analysis of the texts of the stories included in the book, the author comes to a conclusion about A. V. Amfiteatrov's inclination for Russian naturalism. One of the unconditional signs of naturalism is the determinism of the personality structure by its biological principle. The arsenal of means and techniques used by A. V. Amfiteatrov allows us to attribute the book to mass literature. Secondary literature designed for quick oblivion in the history of literature plays an important role in recreating the integral cultural and historical context of the era. This makes the significance of the book «Psychopaths: Truth and Fiction» which is a vivid example of mass literary production at the turn of the two centuries.

Keywords: Amfiteatrov A.V., psychopathic personality, popular literature, story genre.

References

1. Chekhov A.P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem*: [Complete Works and Letters]: v 30 t. M., 1974–1983.
2. Iezuitova L.A. О «naturalisticheskom romane» v russkoy literature kontsa XIX – nachala XX v. (P.D. Boborykin, D.N. Mamin-Sibiriyak, A.V. Amfiteatrov) [On the «Naturalistic Novel» in Russian Literature of the Late 19th - Early 20th Centuries (P.D. Boborykin, D.N. Mamin-Sibiriyak, A.V. Amfiteatrov)] // *Problemy poetiki russkogo romantizma XIX veka*. L., 1984. S. 228–264.
3. Gryakalova N.A. «Psikhopatyy»: istoriya ponyatiya i ego literaturnye transformatsii na rubezhe XIX–XX vekov [«Psychopaths»: the History of the Concept and its Literary Transformations at the Turn of the 19th–20th centuries] // *Russkaya literatura*. 2022. № 3. S. 41–49.
4. Nordau M. *Vyrozhdenie* [Degeneration]. SPb., 1894.
5. Gindin V.P. *Psikhopatologiya v russkoy literature* [Psychopathology in Russian Literature]. M., 2012.
6. Macías J.S, Núñez R.V. The Other Self: Psychopathology and Literature // *J Med Humanit*. 2011. № 32 (4). P257–267.
7. Jarius S., Wildemann B. Pavlov's Reflex before Pavlov: Early Accounts from the English, French and German Classic Literature. *Eur Neurol*. 2017. № 77(5–6). P. 322–326.
8. Sikorskiy I.A. *Psikhologicheskie osnovy vospitaniya* [Psychological Foundations of Education] // *Voprosy nervno-psikhicheskoy meditsiny*. 1905. № 4. S. 608–622.
9. Amfiteatrov Aleksandr. *Psikhopatyy: pravda i vymysel* [Psychopaths: Fact and Fiction]. M., 1893.
10. Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovaniya*. (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa) [Semantic Research. (Semantics of Time and Aspect in Russian. Semantics of Narrative)]. M., 1996. S. 335–353.
11. Shirvanova E.N. *Obraz Iudy Iskariota v kontekste kanonicheskogo i apokrificheskogo Evangeliya v odnoimennoy povesti Leonida Andreeva* [The Image of Judas Iscariot in the Context of the Canonical and Apocryphal Gospel in the Story of the Same Name by Leonid Andreev] // *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 2018. Vol. 33. Vyp. 4. S. 50–58.
12. Kibal'nik S.A. *Iz istorii detektivnoy literatury v Rossii: sluchay Chekhova* [From the History of Detective Literature in Russia: Chekhov's Case]. SPb., 2022.
13. Kupina N.A. *Massovaya literatura segodnya* [Popular Literature Today]. M., 2010.
14. Dyubua Pol' *Psikhonevrozy i ikh psikhicheskoe lechenie* [Psychoneuroses and Their Mental Treatment]. SPb., 1912.
15. Chuprinin S.I. «Figuranty» – sreda – real'nost' [«Figures» – environment – reality] // *Voprosy literatury*. 1979. № 7. S. 125–160.

Alexander V. Kubasov – D. Sc. (Philology), Professor, Head of the Department of Theory and Methods of Teaching Persons with Disabilities, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg), e-mail: kubas2002@mail.ru

Received October 7, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Кубасов, А. В. Психопатическая личность и особенности ее изображения в книге А. В. Амфитеатрова «Психопаты: правда и вымысел» / А. В. Кубасов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 82–89. DOI: 10.14529/ssh230409

FOR CITATION

Kubasov A. V. Psychopatic Personality and Peculiarities of its Image in A. V. Amfiteatrov's Book «Psychopaths: Truth and Fiction». *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 82–89. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230409

ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОВЕСТКИ СМИ ПО ЭКОЛОГИИ ПРОМЫШЛЕННОГО РЕГИОНА

*И. Ю. Матвеева, Л. К. Лободенко, О.Ю. Харитонова, А. Б. Череднякова,
Л. П. Шестеркина*

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье представлены результаты исследования особенностей информационной повестки СМИ по экологии промышленного региона. Рассмотрены основные подходы к содержанию понятия «информационная повестка» и ее специфика в проблемном поле экологии региона. В качестве эмпирической базы исследования использовались медиатексты сетевых СМИ Челябинской области (74.ru и 1obl.ru, период исследования январь – декабрь 2022 г.). В ходе контент-анализа информационной повестки по экологии данных СМИ, включающей 227 медиатекстов, были выделены 18 тематических рубрик, среди которых: общие вопросы охраны окружающей среды, международное сотрудничество, экологические основы жизнедеятельности человека и др. Как показал контент-анализ, наибольшее количество медиатекстов (более 70 %) посвящены темам загрязнения и охраны атмосферы, водных объектов, управления отходами. При этом сетевое издание 74.ru уделяет большее внимание негативным аспектам экологических проблем: наиболее популярная рубрика – загрязнение атмосферы и водных объектов. Причем стиль подачи материалов во многом предопределен остротой экологических проблем и связан с постановкой проблем, лишь в 25 % новостей раскрыт путь решения экологических проблем. Что касается сетевого издания 1obl.ru, то здесь освещается более широкий спектр экологических проблем, охватывая не только проблемы, но и способы их решения.

Ключевые слова: СМИ, информационная повестка дня, экология, промышленный регион, медиатекст.

Введение

Экология является значимым социально-экономическим фактором развития общества и предопределяет уровень социального самочувствия населения. Хотя экологическая тематика не так давно вошла в повестку дня новостных СМИ, но в информационной повестке СМИ она звучит особенно остро. Понятие «окружающая среда» впервые появилось в СМИ в последние десятилетия XX века [1, с. 8]. Экологическая тематика, как отмечает М.-Г. Мосатта, как правило, включает в себя истории с длительным сроком жизни [1, с. 12]. Многие новости сегодня появляются и исчезают достаточно быстро. Однако экологические истории часто разворачиваются в течение длительного периода времени. По экологической тематике СМИ необходимо постоянно представлять новые аспекты, чтобы удерживать ее в новостной повестке. В связи с этим экологическая журналистика является особенно многогранным направлением, который охватывает широкий спектр социально-политических, технических и природных явлений.

Поскольку глобальное изменение экологии лежит за пределами жизненного пространства большинства людей [2], знания о нем распространяются в основном через общественную коммуникацию. Благодаря большому тиражу и широкой аудитории СМИ играют ключевую роль в этом вопросе. При этом экологические проблемы являются сложными для освещения СМИ. Задачей СМИ становится не только информирование об-

щества, но и формирование гражданской позиции применительно к явлениям экологического профиля, а значит, СМИ свойственен потенциал активизации социума в осмыслении и решении актуальных экологических проблем. Одним из основных средств информирования и влияния при этом является информационная повестка СМИ, которая устанавливает приоритетность новостей для потребителей, формирует информационный фокус восприятия картины действительности, в этом заключается сила влияния СМИ на сознание потребителей информации [3].

Однако в современном информационном пространстве экологическая информационная повестка разрознена и размыта, ее формирование в большей мере связано не с социальными, а с политическими и коммерческими целями. О. А. Фокина отмечает: «Серьезные различия между идеальной и реальной региональными повестками сигнализируют о ряде информационных дисфункций, которые характерны для современных ... СМИ. Неполное освещение жизни регионов негативно влияет на социально-психологический климат в российском обществе и замедляет развитие государства» [4]. Отсутствуют знания и практические механизмы противостояния деструктивному влиянию СМИ в процессе представления населению материалов экологической тематики. Как следствие, актуализируется потребность в теоретическом и практическом изучении особенностей формирования экологической информационной повестки СМИ промышленных регионов.

Обзор литературы

Информационная повестка СМИ является важным атрибутом медийного пространства, формирующим контекст социальной жизни населения региона. Теоретическое обоснование сущности, структуры информационной повестки дня представлено в работах И. А. Батаниной [5], Д. И. Каминченко [6], Ю. В. Клюева [3], А. А. Лебедева [7], О. А. Фокиной [4], Д. А. Черепановой [8] и др. Данный термин в своей трактовке прошел путь от понимания повестки как перечня социально важных тем, отражаемых в СМИ [9], до понимания повестки как ценного ресурса, обеспечивающего разнообразие и плюрализм мнений [10].

Информационные повестки различных СМИ формируют современное публичное пространство, которое по результатам исследования Д. И. Каминченко, характеризуются «...отличными друг от друга нарративами» [6, с. 542]. Это требует специального изучения с целью выявления факторов, обуславливающих содержание медиапостки в регионах.

Исследованию региональной информационной повестки посвящены работы отечественных исследователей А. А. Лебедева [7], А. А. Новак [11], Е. С. Садчиковой [12] и др. В свою очередь О. А. Фокина определяет региональную информационную повестку как «...определенный содержательный сегмент, тематически связанный с жизнедеятельностью регионов и включающий совокупность текстов, тем или иным образом фиксирующих данную связь» [4, с. 125].

Региональные СМИ субъектов РФ более точно представляют проблемное поле экологии и потребности своей аудитории: «...именно местные СМИ имеют преимущество перед СМИ федерального масштаба, имея возможность работать с более постоянной аудиторией и, значит, эффективнее внедрять гражданские ценности в сознание населения» [12]. Поэтому, как справедливо отмечает А. А. Новак, «...особенности регионов, различных по своей истории, ментальности, экономическому и культурному развитию, обуславливают характер и силу механизмов, воздействующих на повестку дня СМИ, влияют на особенности работы редакций в процессе формирования контента» [11, с. 3].

Д. А. Черепанова указывает, что информационная повестка дня «...образуется с помощью набора средств, которые направляют читателя и формируют представление о том, какие темы являются важными» [8, с. 138]. Влияние информационной повестки может быть конструктивным или деструктивным – характеризующимся нарушением нормальной структуры чего-либо [13].

При этом особенно актуальны экологические вопросы для развития индустриальных территорий, теряющих инвестиционную привлекательность из-за проблем с окружающей средой. Н. М. Сараева отмечает, что экологически неблагоприятная среда влияет на самочувствие и здоровье жителей территории, формирует экологическую тревожность и другие психические девиации [14]. Деструктивно отражая

проблемы экологии, СМИ усиливают негативные последствия в социуме и, наоборот, позитивная подача новостей нивелирует негативное влияние.

Это требует, с одной стороны, изучения самой информационной повестки и механизмов ее формирования, а с другой – разработки механизмов ее регулирования для организации конструктивного социального воздействия и снижения негативных последствий информационного влияния.

Методы исследования

Базой нашего исследования стала экология Челябинской области, которая исторически является промышленным регионом, что обеспечило формирование широкого спектра экологических проблем: загазованность в некоторых районах области, проблемы вывоза мусора, проблемы утилизации технологических и бытовых отходов, загрязнение воды, огромное скопление автомобилей и др. [см., например, 15] и включение региона в национальный проект «Экология», направленный на улучшение экологического состояния российских городов и улучшение среды проживания их населения.

Объектом нашего исследования стали сетевые издания Челябинской области: 74.ru (ООО «Интернет технологии») и 101.ru (АО «Обл-ТВ»). Данные СМИ входят в список самых цитируемых СМИ Челябинской области за 2022 г. [16]. Методом исследования выбран контент-анализ экологических медиатекстов. Цель исследования – изучение особенностей формирования тематики экологической информационной повестки промышленного региона и ее приоритетности, тональности и коннотации медиатекстов.

Результаты и дискуссия

Контент-анализ экологических материалов за период январь–декабрь 2022 г. показал, что на 74.ru опубликовано 80, а на 101.ru – 147 новостей по экологической тематике. Все медиатексты мы распределили по тематическим рубрикам, сформированным на основе универсальной иерархической классификации областей знания, принятой для систематизации всего потока научно-технической информации – рубрикатора ГРНТИ [17] (см. табл. 1). Данный рубрикатор включает 18 рубрик, в совокупности отражающих весь спектр экологических событий и проблем.

Выбранные медиатексты (227 ед.) были распределены в рамках выделенных тематических рубрик. При этом количество материалов в разных разделах существенно отличается. Как мы видим из таблицы 1, содержание новостей представлено не равномерно, оно определено социальной направленностью материалов, рассматривающих взаимодействие экологических проблем и факторов жизнедеятельности граждан региона. Наиболее популярны темы загрязнения и охраны атмосферы, водных объектов, управления отходами. Суммарно данные темы в информационной повестке СМИ составляют более 70 %.

Таблица 1
Распределение по рубрикам экологических материалов за
2022 г. сетевых изданий 74.ru и 1obl.ru

Table 1
Rubrics of ecological media texts taken from 74.ru and 1obl.ru
(2022)

№	Название рубрики	74.ru	1obl.ru
1	Общие вопросы охраны окружающей среды	–	15 (10,2 %)
2	Теория и методы изучения охраны окружающей среды. Экологические основы использования природных ресурсов	1 (1,25 %)	1 (0,68 %)
3	Международное сотрудничество	–	–
4	Загрязнение окружающей среды. Контроль загрязнения	1 (1,25 %)	1 (0,68 %)
5	Загрязнение и охрана атмосферы	38 (47,5 %)	36 (24,49 %)
6	Загрязнение и охрана водных объектов	19 (23,75 %)	31 (21,09 %)
7	Охрана почв	2 (2,5 %)	4 (2,72 %)
8	Охрана недр	–	–
9	Экологические основы жизнедеятельности человека	–	1 (0,68 %)
10	Воздействие антропологических изменений окружающей среды на здоровье и социально-трудовой потенциал населения	1 (1,25 %)	1 (0,68 %)
11	Воздействие загрязнения окружающей среды на состояние природных экосистем, популяций и организмов растительного и животного мира	2 (2,5 %)	–
12	Охрана растительного и животного мира	8 (10 %)	10 (6,8 %)
13	Антропогенное воздействие на ландшафт. Охрана и оптимизация ландшафта	2 (2,5 %)	6 (4,08 %)
14	Заповедное дело. Охраняемые природные территории	–	–
15	Стихийные бедствия и катастрофы антропогенного происхождения. Экологическая безопасность	3 (3,75 %)	2 (1,36 %)
16	Рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов	1 (1,25 %)	–
17	Управление отходами. Малоотходная и безотходная технологии	1 (1,25 %)	39 (26,53 %)
18	Защита от шума, вибрации, электрических и магнитных полей и излучений	1 (1,25 %)	–
	Итого	80 (100 %)	147 (100 %)

Далее представим результаты анализа содержания медиатекстов СМИ.

Так, сетевое издание 1obl.ru освещает более широкий спектр экологических проблем, не только охватывая конфликтные темы, но и раскрывая общие вопросы охраны среды, управления отходами и др. Причем абсолютное большинство новостей 1obl.ru написаны в конструктивном ключе (93,88 %), в них отражены пути решения экологических проблем. Новостных материалов, касающихся таких тем, как несанкционированные свалки, городские субботники, рекультивация отходов, разделение мусора по категориям, создание полигонов для мусора, антисанитария возле мусорных зон и т. п. – 39, немного меньше материалов по теме загрязнения атмосферы – 36, далее можно отметить тему загрязнения водных ресурсов (загрязнение воды выбросами, отравленная вода, гибель рыбы в воде, пересыхание каналов, качество питьевой воды и т. д.), которая представлена в 31 новостном материале.

Следующим этапом контент-анализа стало изучение стилистической направленности экотекстов, предлагаемых для ознакомления с экологической проблематикой. Мы рассмотрели общую тональность и коннотацию экотекстов, представленных для аудитории. Оценивая материалы «Первого областного», можно сказать об общей положительной тональности и коннотации экотекстов. Особенно это проявляется в заголовках. На сайте 1obl.ru преобладает положительная коннотация экотекстов, посвященных проблеме загрязнения воздуха и управления отходами, нейтральная коннотация касается проблемы загрязнения водных ресурсов. Материал представляет собой констатирующую фактологическую информацию, отражающую реальные события и меры, принимаемые по выявленным проблемам. Освещение темы мусора имеет положительную окраску, информационный материал посвящен возможностям решения проблемы, создавая тем самым положительный эмоциональный фон. Примеры заголовков с положительной коннотацией: «Ситуация с атмосферным воздухом в Челябинске начинает стабилизироваться» (24.01.2022); «Челябинский завод снизил выбросы на 48 %» (19.10.2022); «Выбросов пыли в атмосферу станет меньше» (11.05.2022); «В Челябинской области в 2023 году ликвидируют 189 незаконных свалок» (17.11.2022); «Экология на Южном Урале продолжит улучшаться» (15.04.2022).

Экотексты представлены в виде побуждений, обращенных к общественности с призывами присоединиться к имеющимся достижениям и результатам. Визуальная составляющая экоматериалов не противоречит содержанию, а дополняет положительный или нейтральный тон публикаций.

Структурно-содержательный анализ сетевого издания «1obl.ru» показывает, что экологическая проблематика представлена во всех вариантах рабо-

ты с текстом: использование профессиональных терминов, символов, изображений, фактов, событий, имен, топонимов, общественных организаций и т. д.

Оценивая особенности подачи материалов по экологической проблематике, можно отметить характерные черты: экотематика представлена в нейтральных и положительных аспектах; обращаются к общественности с целью присоединиться к имеющимся достижениям и результатам; концентрируют внимание не только на проблемах, но и на их решении; демонстрируют перспективы разрешения экологических проблем; имеют более продуктивный характер информационных материалов; демонстрируют перспективы разрешения экологических проблем; фото и тексты не вызывают отрицательного отношения к экологической ситуации в регионе.

Экологическая тематика, представленная на сайте lobl.ru, повышает осведомленность аудитории в широком спектре экологических проблем как города, так и региона, позитивно воздействуя на поведенческие установки аудитории, максимально вовлекая в процессы решения данных проблем, улучшая социальное самочувствие, при этом не вызывая негативного эмоционального фона.

Что касается сетевого издания 74.ru, то в содержании его информационной повестки дня уделяется большее внимание деструктивным информационным поводам, происходит концентрация на негативных аспектах экологии: наиболее популярная рубрика – загрязнение атмосферы и водных объектов. Причем стиль подачи материалов во многом предопределен остротой экологических проблем и связан с постановкой проблем (70 %), лишь в 25 % новостей раскрыт путь решения экологических проблем.

Экологическая повестка представлена на городском интернет-портале – «74.ru» существенно отличается от сетевого издания «lobl.ru». Большинство материалов посвящено проблеме загрязнения атмосферы (38 новостей), далее идет тема загрязнения водных объектов (19 материалов) и охраны растений и животного мира (8 материалов). Сопоставляя информационную повестку «74.ru» с предыдущими годами, можно сказать, что тема загрязнения воздуха сохраняет максимальную актуальность. Анализ контента сайта показал, что в большинстве случаев преобладает отрицательная коннотация экотекстов, посвященных теме воздуха и воды, материалы носят экспрессивный и обличительный характер. Ряд публикаций включает в себя информацию о бездействии и недостаточных мерах со стороны органов власти по решению актуальных экологических проблем.

Анализ контента показал, что при создании и формировании экотекстов на сайте «74.ru», а также в заголовках и лид-абзацах частотными являются слова (существительные, прилагательные,

глаголы, наречия), имеющие отрицательную коннотацию в соответствующем контексте (табл. 2).

Таблица 2
Слова в заголовках и информационном материале
с отрицательной коннотацией

Table 2
Vocabulary with negative connotation found in titles
and information materials

Части речи	Примеры слов в заголовках
Существительное	выбросы, смог, гарь, дымка, мгла, пелена, свалка, вырубка, выхлопы, сероводород, нечистоты
Прилагательное	грязный, мутный, загрязненный, опасный, обеспокоенный, вредный, едкий, густой, серый
Глагол	Задыхаются, уничтожать, накрыть, жаловаться, превышать, мутить, травить, покидать,дохнуть, вырубать, вонять, заволакивать

Активно используются в заголовках такие слова, как «смог», «сероводород», «выбросы», «удушь», которые имеют отрицательные коннотации, формируя в сознании аудитории негативный образ территории, усиливая депрессивное состояние и социальное самочувствие. Стущая краски в описании экологической ситуации города и региона, издание формирует общий негативный фон и вызывая отрицательные эмоции, создавая шаблонное и стереотипное восприятие территории. Большинство заголовков направлены на аффективные, то есть чувственно-эмоциональные реакции со стороны аудитории. Одна из задач такой подачи материала является вызов эмоциональных реакций со стороны медиапотребителей, при этом отмечаются реакции негативной направленности: страх, тревога, переживание, раздражение.

Заголовки «74.ru» имеют яркую эмоциональную окрашенность, в них часто встречаются риторические вопросы о будущем региона.

Примеры заголовков с негативной коннотацией: «Превышение вредных веществ в воздухе над Челябинском!» (14.03.2022); «Челябинск заволокло густой пеленой выбросов» (16.03.2022); «Челябинск накрыла сизая дымка» (14.04.2022); «В Челябинске превышен уровень сероводорода» (06.07.2022); «Всё в копоти сине-грязной» (11.07.2022); «В Челябинске опять воняет?» (29.07.2022); «Челябинск утонул в густой мгле» (24.08.2022); «Челябинск накрыло едким смогом» (26.10.2022) и др.

Визуальная составляющая экоматериалов имеет ряд особенностей: часто встречается несоответствие заголовка информационного материала и изображения; формальное использование изображений, взятых из банка интернет (отсутствие «живой» фотографии с реального места события), при этом картинки на изображениях могут вообще не отражать сути, смысла статьи; нарочитое использование мрачных изображений, в серых, темных тонах.

Особенности экологической повестки, формируемой информационным порталом «74.ru»: апеллируют к эмоциональному восприятию информации; вызывают устойчивое состояние паники и усиливают эмоциональное напряжение аудитории; развивают информационную депрессию, формируют отрицательные стереотипы; фото и тексты вызывают отрицательное отношение к ситуации в регионе; концентрируют внимание только на проблемах, а не на их решении.

Материалы по экологии городского портала «74.ru» в большинстве случаев оказывают воздействие на аффективный уровень восприятия экологических новостей, формируя общий негативный эмоциональный фон.

Выводы

Исследование информационной повестки сетевых СМИ региона показало, что содержание новостей представлено неравномерно, большее внимание уделяется проблемам загрязнения и охраны атмосферы, водных объектов, управления отходами (более 70 % текстов).

Так, сетевое издание 74.ru уделяет большее внимание деструктивным информационным поводам, концентрируется на негативных аспектах экологических явлений: наиболее популярная тема – загрязнение атмосферы и водных объектов. Причем стиль подачи материалов во многом предопределен остротой экологических проблем и связан с постановкой проблем (70 %), лишь в 25 % новостей раскрыт путь решения экологических проблем. Что касается сетевого издания 101.ru, то здесь освещается более широкий спектр экологических проблем, охватывая не только проблемы, но и способы их решения.

Материалы на экологическую тематику в большей степени апеллируют к эмоциональному восприятию информации (особенно характерно для издания 74.ru). Сгущение негативной информации способствует формированию эмоционального напряжения, вызывает отрицательное отношение к ситуации в регионе.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 23-18-20090, <https://rscf.ru/project/23-18-20090/>) «Исследование воздействия материалов СМИ, социальных медиа по экологии и медиаэффектов на молодежную аудиторию, проживающую на территории региона экологического риска».

Литература

1. Mocatta, M.-G. *Environmental Journalism* / M.-G. Mocatta. – University of Tasmania, 2015. – URL: https://www.researchgate.net/publication/361052520_Environmental_Journalism (дата обращения: 19.04.2023).
2. Moser, S. C. *Communicating climate change: history, challenges, process and future directions* / S. C. Moser // *WIREs Climate Change*. – 2009. – 22 December. – P. 31–53. – URL: <https://wires.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/wcc.11> (дата обращения: 19.04.2023).
3. Клюев, Ю. В. Информационная повестка дня и картина мира в аудиовизуальных СМИ / Ю. В. Клюев. – URL: https://jf.spbu.ru/upload/files/file_1484722431_5368.pdf (дата обращения: 19.04.2023).
4. Фокина, О. А. Региональная повестка общественной периодики: теоретическая и эмпирическая модели / О. А. Фокина // *Вопросы теории и практики журналистики*. – 2012. – № 2. – С. 124–130.
5. Батанина, И. А. Экологическая повестка в российском сегменте социальных медиа: результаты анализа больших данных / И. А. Батанина, Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Р. В. Парма // *Известия ТулГУ. Науки о Земле*. – 2021. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskaya-povestka-v-rossiyskom-segmente-sotsialnyh-media-rezultaty-analiza-bolshih-dannyh> (дата обращения: 19.04.2023).
6. Каминченко, Д. И. Взаимодействие средств массовой информации и общества: анализ информационных повесток дня / Д. И. Каминченко // *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*. – 2020. – Т. 39, № 4 – С. 533–544.
7. Лебедев, А. А. Региональные масс-медиа России: типология, структура и система. Формирование повестки дня / А. А. Лебедев // *Региональные СМИ: проблематика, тенденции развития*; науч. ред. С. К. Шайхитдинова. – Казань: Казан. ун-т, 2011. – С. 56–94.
8. Черепанова, Д. А. Информационная повестка как механизм формирования политического имиджа государства / Д. А. Черепанова // *Вестник ПАГС*. – 2016. – № 5 (56). – С. 136–141.
9. Дьякова, Е. Г. Массовая коммуникация: модели влияния. Как формируется повестка дня? / Е. Г. Дьякова, А. Д. Трахтенберг. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2001. – 130 с.
10. Zunino, E. A. Who defines the agenda? The sources of information in the Argentinian digital press / E. A. Zunino. – http://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0188-252X2019000100116 (дата обращения: 19.04.2023).
11. Новак, А. А. Особенности повестки дня региональных изданий: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Новак. – М., 2018. – 23 с.
12. Садчикова, А. С. Специфика локальных структур и компонентов информационного пространства гражданского общества / А. С. Садчикова // *Russian Journal of Education and Psychology*. – 2015. – №9. – С. 120–133.
13. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов: ок. 25 000 слов и словосочетаний / Л. П. Крысин. – 5 изд., стер. – М., 2003. – 944 с.
14. Сараева, Н. М. Состояние проблемы влияния на психику человека экологически неблагоприятной

среды и новые методологические позиции ее разработки в экологической психологии / Н. М. Сараева // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. – 2012. – № 1. – С. 69–75.

15. Кутуев, С. А. Обзор основных проблем по экологии и реализации национального проекта «Экология» в Челябинской области / С. А. Кутуев // Вестник магистратуры. – 2022. – № 5-3 (128). – URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-osnovnyh-problem-po-ekologii-i-realizatsiya-](https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-osnovnyh-problem-po-ekologii-i-realizatsiya-natsionalnogo-proekta-ekologiya-v-chelyabinskoy-oblasti)

[natsionalnogo-proekta-ekologiya-v-chelyabinskoy-oblasti](https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-osnovnyh-problem-po-ekologii-i-realizatsiya-natsionalnogo-proekta-ekologiya-v-chelyabinskoy-oblasti) (дата обращения: 19.04.2023).

16. Медиалогия. ТОП–20 самых цитируемых СМИ Челябинской области – 2022 год. – URL: <https://www.medialogia.com/ratings/media/regional/1991/> (дата обращения: 15.09.2023).

17. Государственный рубрикатор научно-технической информации. Раздел 87: Охрана окружающей среды. Экология. – URL: <https://grnti.ru/?p1=87> (дата обращения: 19.04.2023).

Матвеева Ирина Юрьевна – кандидат педагогических наук, заместитель директора института медиа и социально-гуманитарных наук, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: Mir2106@mail.ru. ORCID 0000-0001-6939-8991

Лободенко Лидия Камиловна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: lobodenkolk@susu.ru. ORCID 0000-0002-0809-1686

Харитоновна Ольга Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: kharitonovaoi@susu.ru. ORCID 0000-0001-6124-3055

Черднякова Анна Борисовна – доктор педагогических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: cheredniakovaab@susu.ru. ORCID: 0000-0002-5681-8800

Шестеркина Людмила Петровна – доктор филологических наук, заведующий кафедрой журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: shesterkinalp@susu.ru. ORCID 0000-0002-2859-7991

Поступила в редакцию 7 октября 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh230410

PECULIARITIES OF MEDIA INFORMATION AGENDA ON ECOLOGY OF THE INDUSTRIAL REGION

***I. Y. Matveeva, L. K. Lobodenko, O. Y. Kharitonova, A. B. Cherednyakova,
L. P. Shesterkina***

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article studies the peculiarities of media information agenda on ecology of an industrial region. The empirical base of the study includes media texts of the Chelyabinsk Oblast online media 74.ru and 1obl.ru (January-December 2022). The content analysis presents environmental information agenda of these media outlets which included 227 media texts. As a result, 18 thematic headings were identified including general environmental issues, international cooperation, environmental basics of human life among others. The study demonstrated that the largest number of media texts (more than 70.0 %) is devoted to the topics of air pollution and protection, water bodies, and waste management. At the same time, the online portal 74.ru pays more attention to destructive information occasions and concentrates more on negative aspects of environmental phenomena. The most popular rubric here is air and water pollution. Moreover, the style of material presentation is largely predetermined by the acuteness of environmental problems and is related to the statement of problems (70.0 %). Only a quarter of the news items disclose the way of solving environmental problems. As for the news portal 1obl.ru, it covers a wider range of environmental problems highlighting not only problems, but also their solutions.

Keywords: mass media, information agenda, ecology, industrial region, media text.

References

1. Mocatta M.-G. Environmental Journalism. University of Tasmania, 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/361052520_Environmental_Journalism.
2. Moser S.C. Communicating climate change: history, challenges, process and future directions // *WIREs Climate Change*. 2009. 22 December. P. 31–53. URL: <https://wires.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/wcc.11>
3. Kljuev J.V. Informacionnaja povestka dnja i kartina mira v audiovizual'nyh SMI [Information Agenda and World Picture in Audiovisual Media]. URL: https://jf.spbu.ru/upload/files/file_1484722431_5368.pdf/.
4. Fokina O.A. Regional'naja povestka obshherossijskoj periodiki: teoreticheskaja i jempiricheskaja modeli [Regional Agenda of All-Russian Periodicals: Theoretical and Empirical Models] // *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2012. № 2. S. 124–130.
5. Batanina I.A., Brodovskaja E.V., Dombrovskaja A.J., Parma R.V. Jekologicheskaja povestka v rossijskom segmente social'nyh media: rezul'taty analiza bol'shih dannyh [Environmental Agenda in the Russian Social Media Segment: Results of Big Data Analysis] // *Izvestija TulGU. Nauki o zemle*. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskaya-povestka-v-rossijskom-segmente-sotsialnyh-media-rezultaty-analiza-bolshih-dannyh>.
6. Kaminchenko D.I. Vzaimodejstvie sredstv massovoj informacii i obshhestva: analiz informacionnyh povestok dnja [Media-Society Interaction: Analyzing Information Agendas] // *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, jazykoznanija*. 2020. T. 39, № 4. S. 533–544.
7. Lebedev A.A. Regional'nye mass-media Rossii: tipologija, struktura i sistema. Formirovanie povestki dnja [Regional Mass Media in Russia: Typology, Structure and System. Agenda Formation] // *Regional'nye SMI: problematika, tendencii razvitiya*; nauch. red. S.K. Shajhitdinova. Kazan': Kazan. un-t, 2011. S. 56–94.
8. Cherepanova D.A. Informacionnaja povestka kak mehanizm formirovanija politicheskogo imidzha gosudarstva [Information Agenda as a Mechanism of Formation of Political Image of the State] // *Vestnik PAPS*. 2016. № 5 (56). S. 136–141.
9. D'jakova E.G., Trahtenberg A.D. Massovaja kommunikacija: modeli vlijanija. Kak formiruetsja povestka dnja? [Mass Communication: Patterns of Influence. How is the Agenda of the Day Formed?]. Ekaterinburg: Izd-vo Gumanitarnogo un-ta, 2001. 130 s.
10. Zunino E.A. Who defines the agenda? The sources of information in the Argentinian digital press. URL: http://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0188-252X2019000100116.
11. Novak A.A. Osobnosti povestki dnja regional'nyh izdanij [Features of the Agenda of Regional Editions]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2018. 23 s.
12. Sadchikova A.S. Specifika lokal'nyh struktur i komponentov informacionnogo prostranstva grazhdanskogo obshhestva [Specifics of Local Structures and Components of the Information Space of Civil Society] // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2015. № 9. S. 120–133.
13. Krysin L.P. Tolkovyj slovar' inozazychnykh slov [Explanatory Dictionary of Foreign]: ok. 25 000 slov i slovosochetanj. 5 izd., ster. M. 2003. 944 s.
14. Saraeva N.M. Sostojanie problemy vlijanija na psihiku cheloveka jekologicheski neblagopoluchnoj sredy i novye metodologicheskie pozicii ee razrabotki v jekologicheskoj psihologii [State of the Problem of Influence of Ecologically Unfavorable Environment on Human Psyche and New Methodological Positions of its Development in Ecological Psychology] // *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Psihologija*. 2012. № 1. S. 69–75.
15. Kutuev S.A. Obzor osnovnyh problem po jekologii i realizacija nacional'nogo proekta «Jekologija» v Cheljabinskoj oblasti [Review of the Main Environmental Issues and Implementation of the National Project «Ecology» in the Chelyabinsk Region] // *Vestnik magistratury*. 2022. № 5-3 (128). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-osnovnyh-problem-po-ekologii-i-realizatsiya-natsionalnogo-proekta-ekologiya-v-cheljabinskoy-oblasti>.
16. Medialogija. TOP–20 samyh citiruemyh SMI Cheljabinskoj oblasti – 2022 god [Medialogy. Top 20 Most Quoted Media in the Chelyabinsk Region – 2022]. URL: <https://www.medialogia.com/ratings/media/regional/11991/>.
17. Gosudarstvennyj rubrikator nauchno-tehnicheskoi informacii. Razdel 87: Ohrana okruzhajushhej sredy. Jekologija. URL: <https://grnti.ru/?p1=87>.

Irina Y. Matveeva – Cand. Sc. (Pedagogy), Deputy Director of the Institute of Media and Social and Humanitarian Sciences, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: Mir2106@mail.ru

Lidiya K. Lobodenko – D. Sc. (Philology), Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: lobodenkolk@susu.ru

Olga Y. Kharitonova – Cand. Sc. (History), Associate Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: kharitonovaoi@susu.ru

Anna B. Cherednyakova – D. Sc. (Pedagogy), Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: cheredniakovaab@susu.ru

Liudmila P. Shesterkina – D. Sc. (Philology), Head of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: shesterkinalp@susu.ru

Received October 7, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Особенности информационной повестки СМИ по экологии промышленного региона / И. Ю. Матвеева, Л. К. Лободенко, О. Ю. Харитонова и др. // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 90–97. DOI: 10.14529/ssh230410

FOR CITATION

Matveeva I. Y., Lobodenko L. K., Kharitonova O. Y., Cherednyakova A. B., Shesterkina L. P. Peculiarities of Media Information Agenda on Ecology of the Industrial Region. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 90–97. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230410

ИНДИВИДУАЦИЯ В РОМАНЕ Е. Г. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР» (ПОПЫТКА ТОЛКОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ)

Д. В. Нургалеева

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье представлена интерпретация судьбы главного героя романа Е. Г. Водолазкина «Лавр» с точки зрения ключевых понятий аналитической психологии К. Г. Юнга: жизненный путь героя рассматривается как символически выраженный путь индивидуации, путь человека от конфликта сознания и бессознательного к их целостности. Четыре периода жизни Арсения, соответствующие четырем книгам романа, сопоставляются с основными этапами этого процесса.

Первым из них является познание инстинктивности, описанное в «Книге познания», повествующей о смерти возлюбленной Арсения и их внебрачного сына по вине главного героя. За этим следует второй этап: смещение центра личности с эго. Ему посвящена «Книга отречения», в которой рассказывается о юродстве Арсения. Интроверсия либидо и возрождение, заключительные этапы, составляют содержание «Книги пути» и «Книги покоя», в которых описаны путешествие героя ко Гробу Господню и его дальнейшая жизнь соответственно.

Роды Устины и роды Анастасии, ознаменовывающие начало и конец физических скитаний Арсения в сюжете романа, истолковываются как начало и конец индивидуации героя: в сравнении двух эпизодов при очевидных формальных сходствах обстоятельств проявляются качественные изменения, произошедшие в герое.

Ключевые слова: «Лавр», Водолазкин, мифопоэтика, Юнг, аналитическая психология, индивидуация.

Введение

Сегодня, в эпоху интенсивного научного развития, часто сменяющих друг друга политических, экономических и культурных потрясений, деятели искусства всё чаще обращаются к вечным образам, понятиям, ценностям своего народа и шире – всего человечества. Эта попытка найти опору в нестабильном, хаотичном окружающем мире влечёт за собой появление в литературных произведениях элементов мифа и литературных произведений, организованных как миф: миф становится тем источником, из которого можно почерпнуть общечеловеческие нравственные идеалы.

Одним из современных произведений, представляющих собой синтез литературы и мифа, является роман Е. Г. Водолазкина «Лавр», что позволяет провести на его основе анализ тех черт, которые свойственны мифу, и отметить специфику их проявления в литературном произведении. Но и к этому можно подходить по-разному. Понимая миф не как жанр, а как особый способ организации, на наш взгляд, возможно провести анализ в контексте представлений о мифе аналитической психологии К. Г. Юнга.

Обзор литературы

Научные интересы многих отечественных литературоведов были связаны со взаимодействием литературы и мифа: внимание этому вопросу уделяли А. Ф. Лосев [1], Ю. М. Лотман [2, 3], Е. М. Мелетинский [4, 5], Н. О. Осипова [6], В. Н. Топоров [7] и др. Общей доминантой отмеченных работ является утверждение, что миф присутствует в литературном произведении не в качестве, например, конкретных

художественных деталей или сюжетов, а как особый способ построения художественного мира. (Литература, посвящённая мифу как жанру, не рассматривалась нами при проведении исследования, так как противоречит этому подходу.)

Основные понятия аналитической психологии и её представления о структуре психики разработаны и описаны в трудах К. Г. Юнга, послуживших основой нашего исследования. В сборнике «Архетипы и коллективное бессознательное» [8], объединившем статьи, написанные и впервые опубликованные в 1930-х гг. и переработанные позднее, в 1950-х гг., обозначены ключевые положения глубинной психологии. Сделанные Юнгом в данных статьях выводы о сознании, бессознательном и их соотношении, об архетипах и их проявлениях в сознании, о процессе индивидуации и его эмпирике составили теоретическую базу нашего исследования и сформировали наше представление о том материале, анализ которого позволяет сделать продуктивные с точки зрения глубинной психологии выводы. «Попытка психологического истолкования догмата о Троице» [9] предлагает анализ центрального христианского понятия в культурно-историческом контексте. Эти рассуждения продолжает «Эон. Исследования о символике самости» [10]. По мнению Юнга, выраженному в указанных работах, положение Христа относительно других ипостасей Троицы характеризует данную фигуру как образ целостности, как символ архетипа самости, то есть вершину процесса индивидуации, который, на наш взгляд, и составляет содержание исследуемого романа. Одна

из поздних работ Юнга, уточнившая его ранние представления о либидо, «Символы трансформации» [11], позволила нам составить исчерпывающее представление о ходе процесса индивидуации, символах, сопровождающих процесс, и продемонстрировала методологию их анализа на многочисленных мифологических примерах.

При проведении исследования мы также опирались на работы последователей К. Г. Юнга. Одним из ярчайших является Э. Нойманн. Его работа о стадиях развития сознания ребёнка [12] уточнила наши представления о базовых законах психической жизни человека и взаимосвязи становления личности с реальной матерью и архетипом матери, дала примеры символов указанного архетипа и объяснила специфику их возникновения в сознании в зависимости от особенностей прохождения стадий. Архетипический анализ произведений изобразительного искусства, проведённый Э. Нойманном [13], является иллюстрацией взаимосвязи бессознательного и искусства, постулируемого аналитической психологией. Этот анализ послужил для нас ещё одним примером применения методологии на практике. Важной для нас стала и работа Э. Нойманна о проблеме зла в контексте психики индивида и коллектива [14]. Рассуждения автора о роли архетипа тени в процессе адаптации индивида к коллективным ценностям, о влиянии последних на психическую жизнь, о соотношении персоны и тени позволили нам составить более точное понимание начальной стадии процесса индивидуации.

Проводя исследование, мы не могли обойти вниманием и работы М.-Л. фон Франц. Её интерпретация символов и мотивов, встречающихся в сказках [15] (в том числе важнейших для процесса индивидуации символов и мотивов, связанных с архетипом тени [16]) и алхимических текстах [17], стала для нас очередным ярким примером анализа архетипов. Более того, символическое отражение интересного нам процесса индивидуации, представленное в этих материалах, его истолкование и комментирование фон Франц обогатило наше представление о вариативности символов и мотивов, что позволило нам включить символы и мотивы «Лавра» в ряды сходных и таким образом уточнить их значение.

Отметим, что все авторы, чьи работы послужили основой нашего исследования, обращались к искусству и часто конкретно к литературному материалу как к иллюстрирующей, конкретизирующей изучаемый материал основе в своих теоретических изысканиях и практической работе. На наш взгляд, этот факт лишний раз подчёркивает уместность использования теоретического аппарата данного направления психологии в литературоведении.

Методы исследования

Основным методом исследования стал мифопоэтический метод.

Отметим, в наши задачи не входит поиск формальных элементов мифа как сказания в художественном произведении. Вслед за отечественными литературоведами, чьи работы обозначены нами выше, мы понимаем творчество как продукт сознательной и бессознательной деятельности автора и допускаем наличие в произведении смыслов, которые автором не осознали и присутствуют в произведении неосознанно для него. При такой точке зрения миф является отражением «...бессознательного психического процесса» [8, с. 11], и даже если формальные сходства с мифом обнаруживаются в процессе анализа, мы не можем рассматривать их как заимствования, иначе это сведет роман к компиляции мифологических мотивов и сместит акцент с его особой организации. При такой организации, по выражению В. Н. Топорова, миф является не пассивным источником, а выступает в «активной» [7, с. 4] функции, как появившиеся сами по себе «...из темных глубин подсознания» [7, с. 4] элементы, поднявшиеся «...к свету сознания» [7, с. 4]. Сам человек, его психика являются источником тех образов, из которых вырос и вырастает миф.

Результаты и дискуссия

Главным новаторством К. Г. Юнга было введение и разработка понятия коллективного бессознательного, которое понимается как «...универсальный психический субстрат сверхличной природы» [8, с. 8], врожденная, унаследованная «...часть бессознательного» [8, с. 8], включающая «...содержания и модели поведения» [8, с. 8], свойства абсолютно всем. Вместе с эго, центром сознания, бессознательное образует самость – «...психическую целостность» [8, с. 172]. (Бессознательное, источая особую энергию, оказывает на сознание благотворное, питающее влияние.) О содержании бессознательного, и личного, и коллективного, можно говорить, только если мы опираемся на элементы, проникшие в сознание, то есть в тех случаях, когда есть возможность демонстрации содержания. Содержание коллективного бессознательного «...представлено <...> архетипами» [8, с. 8].

Архетипы – «...универсальные образы» [8, с. 9], «...древнейшие или <...> первозданные элементы» [8, с. 9] содержания коллективного бессознательного. Эти элементы никогда не достигали уровня сознания. Они близки, но не тождественны инстинктам: они являются моделями инстинктивного поведения.

Архетипы – «...некие факторы и мотивы, упорядочивающие и выстраивающие психические элементы» [9, с. 48] в особые образы, именуемые архетипическими. Сам по себе «...архетип пуст и чисто формален; он есть <...> возможность репрезентации» [8, с. 101], «...функциональная диспозиция на воспроизводство одних и тех же или очень схожих идей» [11, с. 135], и если эти

формы наследуются, то их репрезентации исключительно индивидуальны, почему архетип и отличается огромным разнообразием своих репрезентаций с единым смысловым ядром, сближающим между собой множество, казалось бы, разнородных художественных явлений. (Именно поэтому в мифах и сказках народов мира и далее, в художественных произведениях, появляются сходные образы, сюжетные ситуации и формальные особенности, вселяющие подозрения в заимствованиях и порой дающие пищу для абсурдных географических и мистических теорий: архетипы объединяют все человечество и во многом определяют его психологическую жизнь, в которой различий между людьми гораздо меньше, чем могло бы показаться.) Благодаря этому единому смысловому ядру репрезентаций мы и можем позволить себе мифопоэтический анализ художественного произведения – анализ архетипических образов. Это же смысловое единство позволяет сопоставлять определенные группы персонажей и сюжетных ситуаций во время исследования: репрезентации архетипов – символы; архетипы обладают особой энергией и с её помощью могут притягивать из сознания наиболее подходящие для них содержания. Следовательно, раз эти содержания символичны, их нельзя исчерпать, нельзя объяснить конечно, просто понять и проанализировать – символ «...сам по себе лучше всего выражает то, что за ним стоит» [15, с. 133], и уже есть, согласно К. Г. Юнгу, лучший способ описания того, что не может быть познано до конца, – но можно «...пояснить, соотнеся <...> с дальнейшими символическими сцеплениями» [18, с. 607], то есть включив в ряд схожих по каким-либо параметрам элементов. Именно символы архетипов, то есть символы, вызываемые архетипами из бессознательного в сознание, взаимодействуя и обрастая контекстом, создают миф. По удачному выражению О. Ранка, миф – это «...творчество символов» [19, с. 8].

Миф вследствие всех вышеприведенных замечаний о природе человеческой психики типичен – мы узнаём миф. Это узнавание, ощущение того, что это или что-то очень похожее мы уже видели, и позволяет нам отнести художественное произведение, в нашем случае роман «Лавр», к произведению, мифологичному по своей природе, и, следовательно, провести мифопоэтический анализ на его материале.

Что же именно кажется нам знакомым в «Лавре»? То, что является отражением всех тех тенденций и этапов, которые сопровождают жизнь каждого человека, а именно: путь индивидуации.

Индивидуация, по К. Г. Юнгу, это процесс, результатом которого является «...обособленное, нечленимое единство или “целостность”» [8, с. 331]. Ошибочно считать, что в неё входит только сознание, то есть «...эго и его содержания» [8,

с. 331]. Индивидуация берёт начало в конфликте сознания и бессознательного, но это в то же время и открытое сотрудничество, в результате которого человек «...выковывается в несокрушимое целое – в “индивида”» [8, с. 347], преобразуется в «...союз противоположностей» [8, с. 347], единство содержаний сознательных и бессознательных.

Целокупную личность, «...сущность индивидуации» [10, с. 204], и в то же время «...саморегулирующую деятельность психического как целого» [15, с. 232] К. Г. Юнг назвал самостью. Подразумевается, что самость – не некая постоянная, это «...и динамический процесс» [10, с. 313], действующая сила, постоянно изменяющаяся. Если описывать индивидуацию через этот термин, то она есть поэтапное развитие самости от бессознательного состояния к сознательному, и главное качественное изменение, происходящее во время этого развития, – осознание исходно бессознательной целокупности.

Ввиду описанной выше природы символов можно описать процесс индивидуации так: «Антропос <...> спускается через свою Тень <...> в Физис <...> и посредством своего рода процесса кристаллизации <...>, сводящего хаос к порядку, вновь восходит к первоначальному состоянию, которое за это время трансформировалось из бессознательного в сознательное» [10, с. 312]. Поскольку последняя стадия этого процесса совпадает с первой, К. Г. Юнг сопоставлял ее с *lapis philosophorum*, который одновременно выступает и как «*prima materia*» [10, с. 285], «исходный материал» [10, с. 285], и как «конечный продукт» [10, с. 285], являющийся целью алхимического *opus'a*. (В этот же сравнительный ряд включается и солярный миф с его инцестуальными мотивами, а именно возрождением героя из материнской утробы, и фигура Христа, который, как второй Адам, соответствует первому до грехопадения, тому Адаму, который ещё являлся неосквернённым образом Бога.) Но хотя стадии совпадают, они качественно иллюстрируют процесс трансформации, что происходит и с психической жизнью человека: мы имеем то же самое, что и вначале, ничего постороннего не добавлено, но на первой стадии *prima materia* – часть первоначального, предшествующего творению хаоса, и все, в него включенное, не объединено, это «...исходное состояние конфликта» [10, с. 285]. И как *prima materia* в алхимии преобразуется в единство *lapis* посредством *opus*, так и самость посредством индивидуации должна быть преобразована, осознана.

Проследим вышеобозначенные стадии процесса в романе «Лавр».

Начало процесса индивидуации всегда имеет какую-либо связь с тенью, и открывает роман «Книга познания». (Отдельного внимания требует выбранная автором лексема «познание». С большой долей вероятности можно предположить, что

у человека, воспитанного в христианской культуре, едва ли не первой ассоциацией будет «познание добра и зла», ставшее возможным в результате обладания человеком свободной волей.) Тень осознать возможно, поскольку она «...репрезентирует прежде всего личное бессознательное» [10, с. 19], и осознать ее означает признать реальность «...темных аспектов личности» [10, с. 17], тех уровней, которые несут в себе животную инстинктивность, того, что в религиозных практиках обозначают как «плоть» [10, с. 281]. «Погрузиться в темные глубины <...> – неперемное условие восхождения» [8, с. 26], и «...тот, кто идет к самому себе, рискует столкнуться с самим собой» [8, с. 27] настоящим, какой он за персоной, и прежде всего это встреча с тенью.

«Все истинные нравственные проблемы начинаются там, где заканчивается действие уголовного кодекса» [10, с. 38], то есть там, где у человека есть свобода выбирать. Эта возможность выбора становится именно тем фактором, который возвращает чувство вины: ощущая свою пусть и не всеобъемлющую, но, однако, реальную власть над обстоятельствами, человек в случае неудачного или трагического исхода некоторых событий склонен видеть причиной собственные решения и последовавшие за ними действия, неправильные или недостаточные. В случае же героя, столкнувшегося с дилеммой, обнаружить или нет свои внебрачные отношения с уже беременной Устиной в тот момент, когда в этом появилась реальная необходимость (покупка одежды, причастие, договор с повитухой), речь идет об отсутствии каких-либо действий вообще, что тоже нельзя не рассматривать как выбор. «Искушение <...> регрессировать в инфантильное прошлое» [11, с. 280] появляется каждый раз при необходимости приспособиться к возникшим трудностям, и Арсений хотя и внимает доводам Устины в пользу изменения положения вещей, продолжает игнорировать ситуацию. «Отсюда <...> конвульсивный искусственный продукт» [11, с. 281], не несущий долгосрочных результатов. В случае Арсения это успокоительное убеждение в том, что он справится с родовспоможением сам, даже не будучи ни разу свидетелем подобных манипуляций. И, действительно, убеждение, что «все будет хорошо», исчезает, как только процесс родов начинается, и герою приходится посмотреть правде в глаза: «Его начала бить дрожь» [20, с. 92]; «Арсений прижался губами к ее лбу и заплакал. Он чувствовал страх, какого не чувствовал еще никогда в жизни» [20, с. 93].

Нежизнеспособен оказывается и ребенок. Во многих мифах, в том числе и в главном христианском догмате о Троице, сын, зачатый сверхъестественным образом, оказывается тождественным отцу, что соответствует вышеприведенному описанию сущности процесса индивидуации (две стадии совпадают, но различаются качественно).

Можно предполагать параллель между Арсением и его сыном, основываясь по меньшей мере на том, что все мы по сути являемся продолжением своих родителей, в частности, подобием родителя своего пола, что в традиционно ориентированных культурах постулируется в процессе воспитания и отыгрывается самим ребенком. На психологическом языке тождественность отца и новорожденного сына свидетельствует о том, что «...центральный архетип, Богообраз обновился (“был возрожден”) и стал “воплощенным” в форме, доступной сознанию» [11, с. 373]. Ребенок рассматривается в аналитической психологии как потенциальное будущее; появление этого мотива «...означает предчувствие грядущего развития» [8, с. 197]. Что касается Арсения в рассматриваемой ситуации, при продемонстрированном им инфантилизме ни о каком перерождении в новое высшее состояние не может быть и речи: он и «...не думал никогда» [20, с. 93], что его возлюбленная может умереть – подобные мысли доставили бы ему затруднения. Этот страх есть «...страх перед жизнью» [11, с. 347], страх бессознательного человека, движимого инстинктами, ведомого единственно стремлением к собственному выживанию и комфорту. С этим человеком внутри самого себя Арсений и сталкивается лицом к лицу. Именно с этой встречи, с осознания личной вины, а не горечи утраты как таковой, и начинается процесс индивидуации: «...в условиях страдания» [15, с. 359].

Но не только в сторону тени, обратно, стремится процесс индивидуации – он идет и вперед, «...вынося к свету сознания неведомые доселе и еще не пережитые душевные потенции» [15, с. 359], и абсолютно другое поведение герой демонстрирует в конце романа. Теперь он скрывает беременную женщину, чтобы защитить, а не из личного стыда; объявляет себя отцом ребенка, не боясь осмеяния, жертвуя своим статусом. Это в корне противоречит инстинктивному поведению, и финал родов Анастасии прямо противоположен финалу родов Устины: ребенок остается жив, произошла «...жизнеспособная трансформация» [11, с. 281].

В связи с этим финальным преобразованием личности Лавра становится понятно его распоряжение после смерти предать его тело «...на растерзание зверям и гадам» [20, с. 433]: во многих мифах (например, в мифе об Осирисе) встречается мотив разрезания или разрывания тела на куски в качестве действия, противоположного воссозданию тела в утробе матери. В финале перед нами, таким образом, перестановка элементов: сначала происходит финальная трансформация, а уже потом начало ее физической параллели (в мифах за разрезанием на куски следует собирание и только потом возрождение), что не опровергает выдвинутых нами положений, ибо «...единичные типические части одного мифа могут сочетаться во всевозможных вариациях» [11, с. 255]. Кроме

того, это наталкивает на мысли о буквальном перерождении, новом воплощении в некоем новом состоянии, эквивалентном телу, и жизни вечной, загробной.

В итоге, два процесса родов в сюжетной линии романа – начало и конец процесса индивидуации главного героя: герой повержен своими неосознаваемыми инстинктами и проходит путь до «...поражения животной природы» [11, с. 311] через подвиг самопожертвования, наивысшее проявление осознанной личности.

Движение же между двумя этими точками начинается с потенциального провала: переходя «...из Кощева – в Павлово, из Павлова – в Паньково» [20, с. 119], «...из Кулиг – в Добрилово, оттуда – в Загорье» [20, с. 128], двигаясь без «...четко выраженной географической цели» [20, с. 120], Арсений попадает в город Белозерск, где судьба испытывает его, потакая тому, от чего он бежал. Именно поэтому герой задерживается в этом месте на более долгое время, чем в предыдущих населенных пунктах: Белозерск в лице князя Михаила соблазняет его наградой за все содеянное в качестве врача до этого момента, поскольку в дом князя его привела слава, служащая выражением признания и благодарности всех излеченных; в Белозерске же Арсений встречает мальчика Сильвестра и его мать Ксению, с которой у Арсения появляется взаимная симпатия. Казалось бы, такой подменой можно было бы ограничиться: утешать чувство вины за смерть Устины благодарностью многочисленных выздоровевших и заслуженным достатком и жить в новой семье, спасенной его стараниями, с новой возлюбленной и «новым» сыном. Но опять же – это самое простое, это мнимое решение проблемы, которое удовлетворяет эгоистичные [Выделено нами. – Д. Н.] потребности героя, и он покидает город, отказываясь от подобного сценария и отмечая впоследствии, что «...это по сути первые шаги в правильном направлении» [20, с. 166].

В самом начале этого этапа одежда героя украдена и заменена на оставленную вором, что поначалу вызывает омерзение («В ограблении угнетала не потеря своей одежды, но приобретение чужой» [20, с. 166]). Особенно сильно отвращение Арсения к той части костюма, которая непосредственно связана с органом, ассоциируемым с плотскими наслаждениями («Трудней всего было надеть порты» [20, с. 166]). Но затем неприязнь переходит в акт преодоления телесности и даже остранения телесной, внешней, мирской стороны («...тело его осквернено» [20, с. 168], «...это было уже не его тело» [20, с. 168], «Арсению больше не было холодно, ибо не может быть холодно пребывающему в чужом теле» [20, с. 169]), что становится смысловым началом и основным содержанием всего этапа, описанного в части, озаглавленной «Книга отречения».

Арсений на этом этапе становится юродивым: он произносил только то, «...что он Устин» [20, с. 173], «...забрасывал бесов камнями и разговаривал с ангелами» [20, с. 186], позволял смеяться над собой, совершал предсказания, наставлял. Поведение юродивого, демонстрируемое героем, определено «ненормальное» в привычном понимании, но современные исследователи-философы однозначно отказываются относить его к психопатологии и ставят в один ряд, например, с шизофренией. Это обусловлено тем, что личность юродивого цельная, его поведение – не результат подчинения личности бессознательному, он «...нарушает правила порядка <...> сознательно» [21, с. 106]. Это способ освободиться от «...оков своего эго» [22, с. 149], выйти из его изолирующих границ и «...достигнуть тождественности самому себе» [22, с. 149], борьба с самим собой и путь к себе настоящему – смещение центра личности с эго для знакомства с тем, что скрыто за ним.

Ввиду этого завершение «Книги отречения» логично: тело Устина, от которого он отрекся, как и от всего внешне значимого, умирает («...телесное существование мое бессмысленно и подходит к концу» [20, с. 203]) и воскресает к новой, уже не им, не телом, руководимой жизни («...прими жизнь непобедимую <...> и очищение» [20, с. 204]). Эго-ориентированная психика подверглась изменениям: период юродства устанавливает, «...в противоположность эго, другую цель или центр» [10, с. 229]. Это начало целостности, освобождение пути к ней, ведь самость – «...объективное целое, антитеза субъективной эгопсихике» [10, с. 229].

Далее, в «Книге пути», Арсений совершает путешествие в Иерусалим, ко Гробу Господню. Согласно представлениям аналитической психологии, город является символом матери (он оберегает своих жителей подобно тому, как мать оберегает детей), а мать – бессознательное, к которому, одержимое идеей о возвращении в детство, устремляется либидо. В символическом смысле в данном случае имеется в виду, что человек ищет не кровосмесительной связи, а возрождения через возвращение в материнскую утробу, второго рождения. И если регрессия либидо, понимаемого К. Г. Юнгом шире, чем эротический интерес, а именно как «нейтральная энергия» [11, с. 169], не инфантильна, не обращена к ушедшей детской беззаботности, что К. Г. Юнг называл поиском смерти или бессознательным инцестом, а «...является целенаправленной интроверсией либидо в сторону своей цели» [11, с. 386], тогда возможен путь в бессознательное, к его сокровищам. Это нисхождение «...в пещеру смерти и возрождения» [11, с. 423], которая в символическом плане соответствует материнскому чреву (а также ящику, куда, например, в египетском мифе Сет помещают убитого Осириса, бочке, куда заточают героев ска-

зок, стволу дерева, гробу как Древу смерти, крестильной купели), где смерть должна быть побеждена, подъем откуда означает «...окончательную победу над смертью» [11, с. 400], перерождение, но где остановка – паралич, сон, гибель. Только если либидо удастся высвободиться из этого мира и подняться обратно, то предшествующий этому спуск становится началом новой плодотворной жизни. Здесь перед нами мотив сокровища, «...которое трудно добыть» [11, с. 388]. Это «...унаследованные возможности “духовной” или “символической” жизни и прогресса» [11, с. 381], сокрытые в бессознательном.

Нельзя обойти вниманием и то, зачем, согласно событиям сюжета, Арсений совершает свое путешествие: он везет лампаду. На наш взгляд, можно проследить связь между несением лампы ко Гробу Господню и обрядом крещения. «Свет горящей свечи обычно символизирует собой свет понимающего отношения к миру» [15, с. 253], свет просветления, который проникает в бессознательное (символом чего в обряде крещения является вода), и в результате этого опять-таки можно говорить о синтезе сознания и бессознательного, о новом рождении – к жизни, наполненной «...движением вертикальным» [20, с. 364].

Выводы

Этапы жизни главного героя романа Е. Г. Водолазкина соответствуют основным этапам процесса индивидуации. От встречи со своей темной, животной стороной – тенью – через ее осознание и отречение от нее герой посредством освободившихся сил – интроверсии либидо – проходит путь до становления личностью, способной на самопожертвование, до становления человеком в самом возвышенном из возможных смыслов этого слова – до осознания самости, единства бессознательных и сознательных содержаний. Материал начальной и конечной стадии, таким образом, совпадает формально и отличается качественно: в конце перед нами всё тот же герой, что и вначале, но тот же он только как персонаж художественного мира – внутренне он совсем другой. Закономерно меняется имя героя: поскольку мифологическому сознанию свойственно понимание имени «...как некой внутренней (глубинной) сущности» [2, с. 419], в начале романа оно согласно переводу с греческого подчёркивает его пол, физическую природную данность, в конце же он увенчан лаврами, символизирующими торжество победителя.

«Лавр» может быть включен в тянущуюся с давних времен цепочку сказаний об умирающем и воскресающем герое солярных мифов, поскольку, как и они, повествует о рождении целокупной личности, пребывающей в гармонии сознания и бессознательного.

Литература

1. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – М. : Мысль, 2001. – 559 с.
2. Лотман, Ю. М. Литература и мифы / Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, Е. М. Мелетинский // Мифы народов мира : энциклопедия. – М., 2008. – С. 593–599.
3. Лотман, Ю. М. Миф – имя – культура / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Избранные статьи : в 3 т. – Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин : Александра, 1992. – URL: <http://www.philologos.narod.ru/lotman/myth-name.htm> (дата обращения: 04.07.2022).
4. Мелетинский, Е. М. От мифа к литературе / Е. М. Мелетинский. – М., 2001. – 167 с.
5. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М. : Восточная литература, 2000. – 407 с.
6. Осипова, Н. О. Мифопоэтика как сфера поэтики и литературного исследования / Н. О. Осипова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2000. – № 3. – С. 46–52.
7. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического : избранное / В. Н. Топоров. – М. : Прогресс – Культура, 1995. – 624 с.
8. Юнг, К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / К. Г. Юнг. – М. : АСТ, 2019. – 496 с.
9. Юнг, К. Г. Попытка психологического истолкования догмата о Троице / К. Г. Юнг // Ответ Иову. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2020. – С. 5–108.
10. Юнг, К. Г. Эон. Исследования о символической самости / К. Г. Юнг. – М. : АСТ, 2019. – 352 с.
11. Юнг, К. Г. Символы трансформации / К. Г. Юнг. – М. : Академический проект, 2019. – 527 с.
12. Neumann, E. The child / E. Neumann. – Boston, [New York] : Shambhala, 1900. – 225 p.
13. Neumann, E. Art and the Creative Unconscious / E. Neumann. – New York : Pantheon Books, 1959. – 242 p.
14. Neumann, E. Depth psychology and a new ethic / E. Neumann. – London : Hodder & Stoughton, 1969. – 158 p.
15. Фон Франц, М.-Л. Психология сказки / М.-Л. фон Франц. – СПб. : Б.С.К., 2004. – 360 с.
16. Von Franz, M.-L. von Franz M.-L. Shadow and Evil in Fairytales / M.-L. von Franz. – Dallas, Tex. : Spring Publication, 1974. – 284 p.
17. Von Franz, M.-L. Alchemy : An Introduction to the Symbolism and the Psychology Studies in Jungian Psychology / M.-L. von Franz. – Toronto : Inner City Books, 1980. – 300 p.
18. Философский энциклопедический словарь / Н. М. Ланда и др. (ред.) – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
19. Ранк, О. Миф о рождении героя / О. Ранк. – М. : Академический проект, 2020. – 238 с.

20. Водолазкин, Е. Г. Лавр / Е. Г. Водолазкин. – М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016. – 440 с.

21. Ростова, Н. Н. Человек обратной перспективы как философско-антропологический тип (исследование феномена юродства) / Н. Н. Ростова // Вест-

ник Томского государственного педагогического университета. – 2007. – № 11 (74). – С. 105–111.

22. Ростова, Н. Жития юродивых Христа ради в философском дискурсе / Н. Ростова // Высшее образование в России. – 2008. – № 8. – С. 145–149.

Нургалева Диана Валерьевна – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного, Челябинский государственный университет (Челябинск), e-mail: diananurgaley@gmail.com

Поступила в редакцию 26 сентября 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh230411

INDIVIDUATION IN E. G. VODOLAZKIN'S NOVEL «LAVR» (ATTEMPT OF INTERPRETATION IN ANALYTICAL PSYCHOLOGY VIEW)

D. V. Nurgaleeva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article is dedicated to E. G. Vodolazkin's novel «Lavr», offering an interpretation of the main character's journey through the lens of Jungian analytical psychology. His life is examined as a symbolically depicted path of individuation, a journey from the conflict between consciousness and unconsciousness towards wholeness. The four phases of Arseniy's life, corresponding to the four books within the novel, are compared to the fundamental steps of individuation.

The exploration of instinctive drives is presented in «The Book of Knowledge», narrating the tragic demise of Ustina, Arseniy's concubine, and their illegitimate son due to his actions. The shift of the center of his personality from his ego is the central theme of «The Book of Renunciation», wherein Arseniy transforms into a holy fool. «The Book of Way» and «The Book of Rest» chronicle Arseniy's pilgrimage to the Holy Sepulcher and his subsequent life, respectively. These stages are intertwined with the introversion of libido and a process of rebirth.

Ustina's labor and Anastasia's labor are not only associated with the beginning and conclusion of Arseniy's wanderings but also with the initiation and culmination of his individuation journey. These parallel episodes serve to illustrate the transformation of his mental life.

Keywords: «Lavr», Vodolazkin, mythology poetics, Jung, analytical psychology, symbol, libido.

References

1. Losev A.F. Dialektika mifa [The Dialectics of Myth]. M.: Mysl', 2001. 559 s.
2. Lotman Y.M., Mints Z.G., Meletinskiy E.M. Literatura i mify [Literature and Myths] // *Mify narodov mira: entsiklopediya*. M., 2008. S. 593–599.
3. Lotman Y.M., Uspenskiy B.A. Mif – imya – kul'tura [Myth – Name – Culture] // *Izbrannye stat'i v trekh tomakh*. T. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury. Tallin: Aleksandra, 1992. URL: <http://www.philologos.narod.ru/lotman/myth-name.htm> (data obrashcheniya: 04.07.2022).
4. Meletinskiy E.M. Ot mifa k literature [From Myth to Literature]. M., 2001. 167 s.
5. Meletinskiy E.M. Poetika mifa [The Poetics of Myth]. M.: Vostochnaya literatura, 2000. 407 s.
6. Osipova N.O. Mifopoetika kak sfera poetiki i literaturnogo issledovaniya [The Mythopoetic as a Field of Poetic and Literary Research] // *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura*. Seriya 7: Literaturovedenie. 2000. № 3. S. 46–52.
7. Toporov V.N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe [Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the Field of Mythopoetic]. M.: Progress – Kul'tura, 1995. 624 s.
8. Yung K.G. Arkhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe [The Archetypes and the Collective Unconscious]. M.: AST, 2019. 496 s.

9. Yung K.G. Popytka psikhologicheskogo istolkovaniya dogmata o Troitse [A Psychological Approach to the Dogma of the Trinity] // *Otvety Iovu*. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2020. S. 5–108.
10. Yung K.G. Eon. Issledovaniya o simvolike samosti [Aion: Researches into the Phenomenology of the Self]. M.: AST, 2019. 352 s.
11. Yung K.G. Simvolyy transformatsii [Symbols of Transformation]. M.: Akademicheskiiy proekt, 2019. 527 s.
12. Neumann E. The child. Boston [New York]: Shambhala, 1900. 225 p.
13. Neumann E. Art and the Creative Unconscious. New York: Pantheon Books, 1959. 242 p.
14. Neumann E. Depth psychology and a new ethic. London: Hodder & Stoughton, 1969. 158 p.
15. Von Franz M.-L. Psikhologiya skazki [The Psychology of Fairytales]. SPb.: B.S.K., 2004. 360 s.
16. Von Franz M.-L. Shadow and Evil in Fairytales. Dallas, Tex.: Spring Publication, 1974. 284 p.
17. Von Franz M.-L. Alchemy: An Introduction to the Symbolism and the Psychology Studies in Jungian Psychology. Toronto: Inner City Books, 1980. 300 p.
18. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Philosophic encyclopedic dictionary] / N. M. Landa i dr. (red.). M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1983. 840 s.
19. Rank O. Mif o rozhdenii geroya [The Myth of the Birth of the Hero]. M.: Akademicheskiiy proekt, 2020. 238 s.
20. Vodolazkin E.G. Lavr [Lavr]. M.: AST: Redaktsiya Eleny Shubinoy, 2016. 440 s.
21. Rostova N.N. Chelovek obratnoy perspektivy kak filosofsko-antopologicheskiiy tip (issledovanie fenomena yurodstva) [A Person of an Inverse Perspective: Philosophical Comprehension of the Phenomenon of Foolishness-for-Christ] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2007. № 11(74). S. 105–111.
22. Rostova N. Zhitiya yurodivykh Khrista radi v filosofskom diskurs [Hagiographies of Fools-for-Christ in philosophical discourse] // *Vysshhee obrazovanie v Rossii*. 2008. № 8. S. 145–149.

Diana V. Nurgaleeva – Senior Lecturer of the Department of Russian as a Foreign Language, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk), e-mail: diananurgaleeva@gmail.com

Received September 26, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Нургалева, Д. В. Индивидуация в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» (попытка толкования в контексте теории аналитической психологии) / Д. В. Нургалева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 98–105. DOI: 10.14529/ssh230411

FOR CITATION

Nurgaleeva D. V. Individuation in E. G. Vodolazkin's Novel «Lavr» (Attempt of Interpretation in Analytical Psychology View). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 98–105. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230411

ОСОБЕННОСТИ НАРРАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОМАНА А. МАТВЕЕВОЙ «КАЖДЫЕ СТО ЛЕТ: РОМАН С ДНЕВНИКОМ»

Т. Ф. Семьян, Л. В. Выборнова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В данной статье на материале романа «Каждые сто лет: роман с дневником» популярной современной писательницы Анны Матвеевой проанализированы особенности нарративной организации произведения. Творчество А. Матвеевой было неоднократно отмечено значимыми литературными премиями, поэтому закономерен интерес к её творчеству со стороны филологической науки. Романы А. Матвеевой имеют специфический тип нарратора, повествователем выступает женский персонаж, очевидно имеющий автобиографические черты. Определение специфики нарратора в романах А. Матвеевой представляет особый интерес с точки зрения описания особенностей так называемого женского нарратива. Героини романов А. Матвеевой – это женщины-горожанки, гуманитарных профессий, имеющие художественную натуру, что определяет особый нарративный фокус, в котором личная судьба, погруженная в социальные проблемы, крепко спаяна с творческой деятельностью. Женский нарратив в романах А. Матвеевой выражает специфическую женскую модель восприятия окружающей действительности, связанную с проблемами женского существования в быту и в социуме. Избранная в романе «Каждые сто лет: роман с дневником» нарративная модель дневника задает особую речевую интонацию, дает возможность раскрыть глубинные и потаенные мысли героинь. В нарративную структуру романа Анны Матвеевой вклинивается её личный нарратив, связанный с её творчеством, профессиональным интересом.

Ключевые слова: А. Матвеева, нарративная организация, женский нарратив, нарративная модель дневника.

Введение

Анна Матвеева сегодня одна из самых активно пишущих прозаиков. Её романы «Перевал Дятлова, или Тайна девяти», «Завидное чувство Веры Стениной», «Каждые сто лет» знает широкая публика. Её творчество было неоднократно отмечено премиями: в 2001 году она стала финалистом премии имени Белкина, в 2002 году – лауреатом премии журнала «Урал», в 2011 – финалистом премии имени Юрия Казакова, в 2015 – финалистом премии «Национальный бестселлер», в 2015 – финалистом Бунинской премии, в 2015 – обладателем приза читательских симпатий по результатам читательского голосования премии «Большая книга», в 2017 – лауреатом Всероссийской литературной премии имени П. П. Бажова в номинации «Мастер. Проза», в 2013, 2015, 2016, 2022 являлась финалистом премии «Большая книга».

Закономерен интерес к её творчеству и со стороны филологической науки.

Романы А. Матвеевой строятся на яркой сюжетной основе и имеют специфический тип нарратора, который обладает общими чертами в контексте нескольких произведений автора. Повествователем выступает женский персонаж, очевидно имеющий автобиографические черты.

Таким образом, определение специфики нарратора в творчестве А. Матвеевой представляет особый интерес с точки зрения описания особенностей так называемого женского нарратива. Авторство не является категорией нейтральной, художественное произведение выражает определен-

ный гендерный вектор, в нем отражаются мужской или женский фокус мировосприятия.

Обзор литературы

Женский нарратив является одной из актуальных тем, обсуждаемых в современном обществе, в научных трудах российских и зарубежных исследователей. Существует значительный корпус исследований. Основоположниками в осмыслении гендерной тематики можно назвать Р. Барта и Ж. Деррида, которые понимали женскую нарративную концепцию как особую концепцию текста.

Среди современных гендерных исследований специально следует упомянуть работы зарубежных (Дж. Батлер, И. Жеребкина, И. Кософски Сэдживк, Т. де Лауретис, А. Рич, И. Савкина, В. А. Суковатая, Г. Улора) и отечественных (М. В. Абашева, Н. В. Воробьева, С. Ю. Воробьева, О. М. Здравомыслова, И. С. Кон, М. В. Михайлова, Г. А. Пушкарёв, Е. Н. Строганова, Т. А. Ровенская, О. В. Рябов, Т. Б. Рябова, Н. А. Фатеева) ученых.

Осмысляя творчество А. Матвеевой, критики не раз высказывали мысль, что её романы «...это настоящая женская проза, не спутаешь – со всей присущей подобной прозе эмоциональностью, скрытой и явной тягой к “таинственному”, потустороннему, фантазиям и открытиям» [1].

С. Беляков также считает, что большая часть историй, рассказанных Анной Матвеевой, являются женскими [2].

Ниже будет представлен многоаспектный анализ проявления женского нарратива в романе А. Матвеевой «Каждые сто лет: роман с дневником».

Методы исследования

В исследовании были использованы элементы различных методов анализа художественного произведения, в частности, историко-литературного, структурно-семантического, нарративного и дискурсивного.

Результаты и дискуссия

Одним из главных проявлений нарративности В. Шмид называет присутствие в литературном тексте нарратора: «В классической теории повествования основным признаком повествовательного произведения является присутствие такого посредника между автором и повествуемым миром. Суть повествования сводилась классической теорией к преломлению повествуемой действительности через призму восприятия нарратора» [3]. Нарратив исходит из сознания и мировосприятия повествующего. Как пишет отечественный нарратолог В. И. Тюпа: «Наррация появляется в связи с кристаллизацией личного опыта (в том числе и взаимодействия с природой) как культурного феномена» [4, с. 9]. Кроме того, по его мнению, нарративные стратегии определяются жанровой природой произведения: так, общность эпических жанров состоит именно в «нарративности», которая предполагает событийность, и эта событийность требует повествовательного изложения [5].

Мир художественного произведения – это мир, показанный глазами того человека, который рассказывает эту историю. Композиция текста, детали, комментарии, стиль рассказывания – все элементы структуры произведения определяются опытом нарратора, мировоззрением, его фокусом или, иначе, точкой зрения. В ставшей уже хрестоматийной работе «Поэтика композиции» Б. Успенский рассматривает понятие *точка зрения* как авторскую позицию, с которой ведется повествование [6]. В своем изначальном, неметафоричном значении точка зрения так или иначе связана с положением в пространстве. По мнению М. Мозжериной, «...пространственно-временные отношения в тексте являются одной из самых проявленных и продуктивных нарративных категорий, поскольку организуют пространство нарративного полотна текста, а их реализация в романах является одним из стиливых маркеров автора» [7, с. 95].

В романах А. Матвеевой «Завидное чувство Веры Стениной» и «Каждые сто лет: роман с дневником» пространство нарративного полотна текста составляет автобиографический нарратив в широком смысле его понимания и словоупотребления, который, по мнению современных исследователей, может быть реализован в современной женской прозе непосредственно и опосредованно. А. С. Афанасьев в диссертации «Стратегии гендерных репрезентаций в русской женской литературе 1980–2010-х гг.» указывает на то, что «...характерная для автобиографий XIX века исповедальность, интимность, открытость перед чи-

тателем и самой собой заменяется в современном автобиографическом нарративе установкой на:

– мифологизацию собственной личности, ее выстраивание по определенной социокультурной модели,

– квазиисповедальность, когда автобиографический нарратив не только существует в качестве самостоятельного типа повествования, но выступает как один из способов создания образа Другого, мифологизации эпохи, конструирования идентичности (гендерной, национальной, культурной), то есть становится функционально значимым образованием» [8, с. 163].

В исследовании нарративных стратегий произведения важной представляется категория хронотопа. Эта категория имеет принципиальное значение именно в повествовательных текстах, потому что в них художественный образ существует не ради образа, он существует во времени и пространстве, и эти категории в эпическом тексте имеют конкретные формальные выражения [9]. По словам И. Б. Роднянской, литературно-поэтический образ, формально развертываясь во времени (как последовательность текста), своим содержанием воспроизводит пространственно-временную картину мира, притом в ее символическо-идеологическом, ценностном аспекте [10].

Нарратив романов А. Матвеевой развивается в нескольких хронотопических плоскостях и хронологически нелинеен.

Так, например, роман «Завидное чувство Веры Стениной» начинается с того, что главной героине Вере Стениной в истерике звонит дочь ее лучшей подруги и просит забрать ее из аэропорта. Весь роман – это путь Веры в аэропорт. В дороге с ней случаются разные происшествия, и параллельно читатель знакомится с прошлым героини, историей ее жизни, дружбы с Юлией Калининой и историей зарождения третьей героини романа – зависти. Она рождается и живет в Вере как самостоятельный персонаж. Сама Вера обладает «завидным» чувством – даром чувствовать картины, общаться с ними, персонажи картин представляются ей живыми, она слышит их, разговаривает с ними.

В одном из интервью А. Матвеева говорит: «Мир живописи – полноценная и очень важная часть моей жизни» [11]; «Когда я писала роман “Завидное чувство Веры Стениной”, то буквально не вылезала из музеев, а если всё-таки уходила оттуда, так только ради лекций по истории искусств» [12].

В романе А. Матвеевой «Каждые сто лет: роман с дневником» сюжет разворачивается в двух пространственно-временных континуумах: это история двух женщин, которые ведут дневник, но Ксеничка Лёвшина начинает его в 1893 году в Полтаве, а Ксана Лесовая – в 1980 году в Свердловске.

Одна рождена на западной окраине Российской Империи в конце позапрошлого века, вторая в советском Свердловске, одна встретила мужчину своей жизни в юности, прожила с ним полвека и родила семерых детей, у другой мужа и своих детей нет, она воспитывает сына (неродного) своего брата. Обе живут в переломные эпохи. Но, разделенные временем, они словно отражают друг друга, и сходства в их судьбах много больше, чем различий. Ксана Лесовая пишет: «В Ксеничкиных дневниках был мой дух, это я сразу поняла. Там начинала жить моя душа» [13, с. 163].

А. Матвеева писала роман на основе дневников своей бабушки – Ксении Лёвшиной (персонаж из прошлого), которая была первой заведующей кафедрой иностранных языков Свердловского горного института. Судьба деда Константина Матвеева – советского минералога и одного из основателей Екатеринбургского горного института и Уральского геологического музея – тоже нашла отражение в книге. «Писать эту книжку было нелегко, прежде всего потому, что эта история связана с моей семьей, – призналась Анна. – Если о чужих людях обычно пишется легко, то секреты своей семьи не всегда легко открывать» [14]. Работа заняла порядка 10 лет, писательнице помогали в том числе дневники её бабушки, легшие в основу романа. Написание романа заняло столько времени еще и потому, что автор побывала во всех местах, которые описывала (Швейцария, Латвия, Польша, Хабаровск, Париж, Петербург). По сути, это было путешествие по следам предков писательницы.

В романе «Каждые сто лет» происходит уравнивание личного, семейного нарратива и нарратива общей истории. При этом события, имеющие хронологическую отдаленность от момента рассказывания, пропущенные сквозь призму памяти, оказываются осознаваемыми как равнозначные и присваиваются личной истории. Из дневника Ксенички: «Отец гордится своим происхождением и требует, чтобы мы тоже им гордились. “Ваши предки легли на Куликовом поле”. Лёвшины были столбовые дворяне по Шестой родословной книге, записаны наравне с Рюриковичами и другими славными фамилиями. ... Наш род пошел от немецкого рыцаря Сувола Лёвенштейна, также его называли Сцеволом, как Гая Муция... наш Сцевол был младший брат феодального графа Кальвского, родом из Швабии... В Россию Сцевол Лёвенштейн – фамилия переводится как “Львиный камень” – прибыл в 1365 году, и с ним было двенадцать рыцарей. Слово Зигфрид в сверкающих латах, он явился в Новгород. И стал зваться Суволом Левшой. Или Лёвштиным. Но русскому языку трудно выговорить “Лёвштин” – вот так мои предки стали Лёвшинами» [13, с. 11].

Ксана Лесовая читает эту историю как историю своей семьи, потому что долгое время счита-

ла, что Ксеничка – ее бабушка. Когда героиня в конце первой части узнаёт правду о том, что Ксения Лёвшина просто когда-то работала в Горном институте, что ее дневники сохранились случайно вместе с архивом ее мужа, Ксана не может смириться с этой мыслью: «Надо же, как глубоко пустила корни в ее судьбу жизнь чужого человека... Сравнить свои чувства с теми, которые испытывала в другом веке родная бабушка – это одно, идти по случайным следам – совсем другое. В тот день, когда отец открыл ей правду – Лесовые не имеют отношения к Лёвшиным... Ксана потеряла, как ей тогда показалось, самого близкого человека в своей жизни. Она ведь и профессию выбрала во многом благодаря Ксеничке, знавшей много языков. Может, и не стала бы переводчиком, если бы не те дневники» [13, с. 200].

Ксана не останавливается, пока не узнаёт, чем закончилась жизнь Ксении Лёвшиной. Она обращается в архивы Лозанны, Свердловска, даже едет в Хабаровск, где в 1965 году Ксения умерла. Она встречает настоящую внучку Ксении – Анну, писательницу, которой собирается отдать дневники несмотря на то, что расстаться с ними для нее слишком тяжело. Анна спрашивает Ксану: «– А тебе никогда не хотелось самой написать эту книгу?... и ведь ты ее уже почти написала». Ксана замечает в дневнике: «После ее ухода я долго сидела с сумкой у ног... Вышла из кафе и встала как вкопанная: мир преобразился! Изменился цвет неба, зданий, голых тополей, машин, одежды прохожих. Как будто второе солнце вышло с каким-то особенным свечением. Все сияло свежим цветом, светило, празднично мерцало, пело – и все было счастье, и свет был – счастья, и счастье было – моё.

Вот оно – мое счастье – искать слова, вставлять в них пропущенные буквы, а соединяя слова, следить, чтобы за ними вставали живые люди, и жить в мире этих людей, важных столько же, сколько те. Кто действительно рядом. Или даже важнее.

Теперь я знаю, что смогу» [13, с. 755–756].

Таким образом в нарративную структуру романа Анны Матвеевой вклинивается её личный нарратив, связанный с её творчеством, профессиональным интересом.

Героини романов А. Матвеевой – это женщины-горожанки, гуманитарных профессий, имеющие художественную натуру, что определяет особый нарративный фокус, в котором личная судьба, погруженная в социальные проблемы, крепко спаяна с творческой деятельностью.

Женский нарратив представлен через внутренний феминный мир повествующей героини, которую волнуют типичные женские проблемы, связанные с особенностями внешности, понятием внешней красоты, принятием себя. Ксеничка пишет: «Я некрасива и знаю это. Для девочки быть

некрасивой – обидно, сознавать такое тоже не весело. Тебе всего девять, а ты уже точно знаешь, что не вырастешь в красавицу... при этом я не урод, всего лишь некрасива, и родители меня все же немного любят» [13, с. 9]. В дневнике Ксаны описан женский интерес к украшениям: «Сейчас Ира носит не золото, а пластмассовые клипсы и браслеты, очень модные, чехословацкие, я о таких мечтаю. У нее есть два гарнитура – бледно-розовый и желтый» [13, с. 99].

В женском нарративе романа «Каждые сто лет: роман с дневником» явлены специфические женские черты: внимание к деталям, тонкое, художественное описание окружающего мира. Ксана пишет: «Начинаю новую тетрадь своего дневника. Она очень красивая и такая чистая, что хочется записывать сюда только хорошее. Или хотя бы умное, интересное для моих будущих детей... Может, спустя сто лет моя внучка или правнучка тоже случайно найдет эти тетрадки и будет читать их втайне от всех, а потом начнет вести свой дневник, подражая бабушке, и так будет продолжаться вечно, каждые сто лет» [13, с. 94].

Особый интерес в изучении женского нарратива вызывает речевой аспект. Отражение гендера в языке происходит путем определения категории рода, изучения лексических средств, синтаксических конструкций и прочих языковых особенностей. Дневниковая форма романа задает особую речевую интонацию, формирующуюся посредством, например, активной пунктуации: «Вот прошел год, и я снова в Хабаровске. Я была полезна Ксене, но истощилась полностью. Жизнь всегда иная, чем представляется. Я была полезной, насколько может быть полезной 78-летняя женщина. Делала все, что могла» [13, с. 735]; «Платье у Были – в крупную мутную клетку. Меня от этой клетки подташнивает» [13, с. 10]. Структура фразы, особенности лексики аналогичны устной речи, что создает темпоритм живой интонации.

Лингвисты замечают, что «Присутствие в тексте женщины может проявляться в гендерномаркированных существительных, субстантивированных прилагательных и наречиях, местоимениях» [15, с. 9], но, безусловно, не только.

Нарративная модель дневника дает возможность раскрыть глубинные и потаенные мысли героинь. Ксения пишет: «Вчера были мои именины, и я, как всегда, чего-то ждала и очень теперь об этом жалею, потому что только расстроилась и убедилась, что вообще нечего ждать для своей маленькой, весьма нужной и в то же время потярявшей всякое значение особы» [13, с. 616]. Ксана: «Эта мысль, шевельнувшаяся у меня внутри, была такой гадкой, что меня передернуло, как при виде выгащенной диванной начинки, похожей на испачканные облака. (Иногда мне приходят на ум такие странные сравнения, что я должна записать

их в дневнике. Или хотя бы вставить в сочинение, чужое или свое. Чтобы не пропали!)» [13, с. 134].

Нарратив дневника развивается в логике описания каждодневных событий, что создает одновременно ощущение присутствия и в то же время осознания, что описываемые события остались в прошлом, нарратив развивается в двух временных измерениях («тогда» и «теперь»). «Вчера вечером Мария Константиновна предложила гулять по улице, которая идет вниз от наших домов к центральному кварталу города. Я не имела желания гулять, так как сильно устала за день, но потом во мне вдруг зазвучало, проснувшись, что-то молодое, и я подумала, что всякий день устаю, а золовка не всегда ко мне так любезна» [13, с. 563]; «Видели сегодня двух куликов и уточку на реке. Ходили на Полоумку, собирали семена. Миша дурачится за уроком немецкого, от него голова болит, Андрей кричит, и все вместе говорят. Андрей плачет слезами, что придется уезжать из Колташей. С нами здесь Вера, Костина дочь от Клавдии» [13, с. 601].

Выводы

Итак, женский нарратив в романах А. Матвеевой выражает специфическую женскую модель восприятия окружающей действительности, связанную с проблемами женского существования в быту и в социуме. Женский нарратив реализует коммуникацию особого типа, в которой образ нарратора-женщины представлен через ее внутренний феминный мир, вбирающий в себя и окружающий женщину, близкий её сущности предметный мир, и потаенные мысли женщины о проблемах её самоидентификации и телесности, и тонкий, творческий, созидательный взгляд женщины на мир.

Исследование выполнено в рамках гранта
Российского научного фонда № 22-28-20162.

Литература

1. Толстов, В. Анна Матвеева «Девять девятиности» / В. Толстов. – URL: http://www.natsbest.ru/tolstov15_matveeva.html (дата обращения: 10.09.2023).
2. Беляков, С. Девять историй о девятиности годах прошлого века: восемь рассказов и одна повесть / С. Беляков. – URL: <https://godliterature.ru/projects/diktatura-zhenshin> (дата обращения: 10.09.2023).
3. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
4. Тюпа, В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова) / В. И. Тюпа. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2001. – 58 с.
5. Тюпа, В. И. Жанровая природа нарративных стратегий / В. И. Тюпа // Филологический класс. – 2018. – № 2(52). – С. 19–24.

6. Успенский, Б. Поэтика композиции: структура художественного текста и типология композиционной формы / Б. Успенский. – М. : Искусство, 1970. – 223 с.
7. Мозжерина, М. С. Хронотоп субъективной реальности в романном творчестве Лены Элтанг / М. С. Мозжерина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 93–99.
8. Афанасьев, А. С. Стратегии гендерных репрезентаций в русской женской литературе 1980–2010-х гг. : дис. ... д-ра филол. наук / А. С. Афанасьев. – Казань, 2022. – 399 с.
9. Мозжерина, М. С. Особенности нарративной организации романного творчества Лены Элтанг : дис. ... канд. филол. наук / М. С. Мозжерина. – Челябинск, 2022. – 169 с.
10. Роднянская, И. Б. Художественное время и художественное пространство / И. Б. Роднянская // Литературная энциклопедия терминов и понятий ; гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин – М. : Интелвак, 2001. — Стлб. 1174—1177.
11. «Картинные девушки» Анны Матвеевой. – URL: <https://godliterature.ru/articles/2020/03/08/kartiny-e-devushki-anny-matveevoy> (дата обращения: 10.09.2023).
12. Анна Матвеева: быть писателем. – URL: <https://rewizor.ru/literature/interviews/anna-matveeva-byt-pisatelem/> (дата обращения: 10.09.2023).
13. Матвеева, А. Каждые сто лет: роман с дневником / А. Матвеева. – М. : АСТ, 2023. – 758 с.
14. Из чего родилась новая книга Анны Матвеевой «Каждые сто лет. Роман с дневником». – URL: <https://rg.ru/2022/06/05/iz-chego-rodilas-novaia-kniga-anny-matveevoy-kazhdye-sto-let-roman-s-dnevnikom.html> (дата обращения: 10.09.2023).
15. Зубенко, Я. В. Функционально-прагматический аспект женского нарратива (на материале немецко- и русскоязычных художественных произведений) : автореф. ... канд. филол. наук / Я. В. Зубенко. – Челябинск, 2023. – 24 с.

Семьян Татьяна Федоровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: semiantf@susu.ru. ORCID: 0000-0001-9380-1509

Выборнова Лариса Викторовна – старший преподаватель кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: vybornovalv@susu.ru. ORCID: 0000-0002-9051-2100

Поступила в редакцию 5 октября 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh230412

FEATURES OF THE NARRATIVE ORGANIZATION OF A. MATVEEVA'S NOVEL «EVERY HUNDRED YEARS: A NOVEL WITH A DIARY»

T. F. Semyan, L. V. Vybornova

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

In this article, based on the material of the novel «Every Hundred Years: A Novel with a Diary» by the popular contemporary writer Anna Matveeva, the features of the narrative organization of the works are analyzed. The work of A. Matveeva has been repeatedly awarded with significant literary prizes, so the interest in her work from philological science is natural. A. Matveeva's novels have a specific type of narrator; the narrator is a female character who obviously has autobiographical features. Determining the specificity of the narrator in A. Matveeva's novels is of particular interest from the point of view of describing the features of the so-called female narrative. The heroines of A. Matveeva's novels are city women with humanitarian professions and an artistic nature, which determines a special narrative focus in which personal destiny, immersed in social problems, is tightly fused with creative activity. The female narrative in the novels of A. Matveeva expresses a specific female model of perception of the surrounding reality, associated with the problems of female existence in everyday life and in society. The narrative diary model chosen in the novel «Every Hundred Years: A Novel with a Diary» sets a special speech intonation and makes it possible to reveal the deep and hidden thoughts of the heroines. Wedged into the narrative structure of Anna Matveeva's novel is her personal narrative, connected with her creativity and professional interest.

Keywords: A. Matveeva, narrative organization, women's narrative, narrative model of the diary.

References

1. Tolstov V. Anna Matveeva «Devyat' devyanostykh» [Anna Matveeva «Nine Nineties»]. URL: http://www.natsbest.ru/tolstov15_matveeva.html (data obrashcheniya: 10.09.2023).
2. Belyakov S. Devyat' istoriy o devyanostykh godakh proshlogo veka: vosem' rasskazov i odna povest' [Nine Stories about the Nineties of the Last Century: Eight Stories and One Story]. URL: <https://godliterary.ru/projects/diktatura-zhenshhin> (data obrashcheniya: 10.09.2023).
3. Schmid B. Narratologiya [Narratology]. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2003. 312 s.
4. Tyupa V.I. Narratologiya kak analitika povestvovatel'nogo diskursa («Arkhierey» A. P. Chekhova) [Narratology as an Analyst of Narrative Discourse («The Bishop» by A.P. Chekhov)]. Tver': Tver. gos. un-t, 2001. 58 s.
5. Tyupa V.I. Zhanrovaya priroda narrativnykh strategiy [Genre Nature of Narrative Strategies] // *Filologicheskij klass*. 2018. № 2(52). S. 19–24.
6. Uspenskiy B. Poetika kompozitsii: struktura khudozhestvennogo teksta i tipologiya kompozitsionnoy formy [Poetics of Composition: the Structure of Artistic Text and the Typology of Compositional Form]. M.: Iskustvo, 1970. 223 s.
7. Mozzherina M.S. Khronotop sub"ektivnoy real'nosti v romannom tvorchestve Leny Eltang [Chronotope of Subjective Reality in the Novel Work of Lena Eltang] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 2022. T. 22, № 1. S. 93–99.
8. Afanas'ev A.S. Strategii gendernykh reprezentatsiy v russkoy zhenskoy literature 1980–2010-kh gg. [Strategies of Gender Representations in Russian Women's Literature of the 1980–2010s.]: dis. ... d-ra filol. nauk. Kazan', 2022. 399 s.
9. Mozzherina M.S. Osobennosti narrativnoy organizatsii romannogo tvorchestva Leny Eltang [Features of the Narrative Organization of Lena Eltang's Novel Creativity]: dis. ... kand. filol. nauk. Chelyabinsk, 2022. 169 s.
10. Rodnyanskaya I. B. Khudozhestvennoe vremya i khudozhestvennoe prostranstvo [Artistic Time and Artistic Space] // *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy*; gl. red. i sost. A. N. Nikol'yukin. M.: Intelvak, 2001. Stlb. 1174–1177.
11. «Kartinye devushki» Anny Matveevoy [«Picture Girls» by Anna Matveeva]. URL: <https://godliterary.ru/articles/2020/03/08/kartinye-devushki-anny-matveevoy> (data obrashcheniya: 10.09.2023).
12. Anna Matveeva: byt' pisatelem [Anna Matveeva: to be a Writer]. URL: <https://rewizor.ru/literature/interviews/anna-matveeva-byt-pisatelem/> (data obrashcheniya: 10.09.2023).
13. Matveeva A. Kazhdye sto let: roman s dnevnikom [Every Hundred Years: a Novel with a Diary]. M.: AST, 2023. 758 s.
14. Iz chego rodilas' novaya kniga Anny Matveevoy «Kazhdye sto let. Roman s dnevnikom» [How was Anna Matveeva's New Book «Every Hundred Years. A Novel with a Diary» Born?]. URL: <https://rg.ru/2022/06/05/iz-chego-rodilas-novaia-kniga-anny-matveevoy-kazhdye-sto-let-roman-s-dnevnikom.html> (data obrashcheniya: 10.09.2023).
15. Zubenko Y.V. Funktsional'no-pragmaticheskiy aspekt zhenskogo narrativa (na materiale nemetsko-i russkoyazychnykh khudozhestvennykh proizvedeniy) [Functional-Pragmatic Aspect of Women's Narrative (Based on German and Russian-Language Works of Art)]: avtoref. ... kand. filol. nauk. Chelyabinsk, 2023. 24 s.

Tatyana F. Semyan – D. Sc. (Philology), Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: semiantf@susu.ru

Larisa V. Vybornova – Senior Lecturer of the Department of Russian Language and Literature, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: vybornovalv@susu.ru

Received October 5, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Семьян, Т. Ф. Особенности нарративной организации романа А. Матвеевой «Каждые сто лет: роман с дневником» / Т. Ф. Семьян, Л. В. Выборнова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 106–111. DOI: 10.14529/ssh230412

FOR CITATION

Semyan T. F., Vybornova L. V. Features of the Narrative Organization of A. Matveeva's Novel «Every Hundred Years: a Novel with a Diary». *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 106–111. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230412

СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗДАНИИ

Журнал основан в 2001 году. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57373 выдано 24 марта 2014 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет» (национальный исследовательский университет).

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки), 5.6.3. Археология (исторические науки), 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки), 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации, 5.9.9. Медиакommunikации и журналистика, 5.10.1. Теория и история культуры, искусства, 5.10.3. Виды искусства (с указанием конкретного искусства).

Журнал включен в Реферативный журнал и базы данных ВИНТИ. Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory».

Подписной индекс 29076 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность выхода — 4 номера в год.

Адрес редакции, издателя: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76, Издательский центр ЮУрГУ, каб. 32.

ТРЕБОВАНИЯ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ

1. В редакцию предоставляется электронная (документ Microsoft Word) версия работы, экспертное заключение о возможности опубликования работы в открытой печати, сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, звание и должность для всех авторов работы, сроки обучения в аспирантуре для аспирантов), контактная информация ответственного за подготовку рукописи (адрес, телефон, e-mail).

2. Структура статьи: УДК, название, список авторов, ORCID (Open Researcher and Contributor ID) каждого автора, аннотация (200—250 слов), список ключевых слов, текст работы, литература (в порядке упоминания, ГОСТ 7.1-2003), сведения об авторах. После текста работы следует название, аннотация, список ключевых слов, список литературы и сведения об авторах на английском языке.

3. Параметры набора. Поля: верхнее — 30, нижнее — 30, левое — 30, правое — 30 мм. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14. Отступ красной строки 0,7 см, интервал между абзацами 0 пт, межстрочный интервал — полуторный. Рисунки и схемы должны быть сгруппированы и иметь названия.

4. Адрес редакционной коллегии научного журнала «Вестник ЮУрГУ» серия «Социально-гуманитарные науки»: Россия, 454080, г. Челябинск, пр. им. В. И. Ленина, 76, главный корпус, Южно-Уральский государственный университет, Институт медиа и социально-гуманитарных наук, дирекция ИМСГН, 435/1. Тел./факс (351) 267-90-29. E-mail: shesterkina@susul.ru, главный редактор — профессор Шестеркина Людмила Петровна, ответственный секретарь — доцент Салганова Елена Ивановна.

5. Полную версию правил подготовки рукописей и пример оформления можно загрузить с сайта журнала <http://vestnik.susu.ru/humanities>.

6. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ВЕСТНИК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия
«СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»
2023 Том 23, № 4

16+

Главный редактор *Шестеркина Л. П.*
Компьютерная верстка: *Выборнова Л. В.*

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 18.10.2023. Дата выхода в свет 25.10.2023. Формат 60×84 1/8.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 13,02. Тираж 500 экз. Заказ 350/392. Цена свободная.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ. 454080, г. Челябинск, проспект Ленина, 76.